

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А. В. ПОТЕХИН

**ДИПЛОМАТИЯ США
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
1945—1950 гг.**

Киев Наукова думка 1991

Потехин А.В. Дипломатия США в Восточной Европе : 1945—1950 гг. / АН УССР.
Ин-т социал. и экон. пробл. заруб. стран; Отв. ред. — Л.А.Лещенко. — Киев :
Наук. думка, 1991. — 140 с. ISBN 5-12-002134-4

В монографии раскрываются основные методы американской дипломатии, применявшиеся в процессе становления восточно-европейской политики США. Написана на основе оригинальных документов, в том числе сберегающихся в Национальном архиве США (г.Вашингтон).

Для научных работников, специалистов-международников, всех, кто интересуется "белыми пятнами" в истории международных отношений, подлинными причинами "холодной войны".

Ответственный редактор Л.А.ЛЕЩЕНКО

*Утверждено к печати ученым советом
Института социальных и экономических проблем
зарубежных стран АН УССР*

**Редакция литературы
по социальным проблемам зарубежных стран,
археологии и документалистике**

Редактор А.И.Шпаковская

0102000000-465
M721 (04) 01 120 01

ISBN 5-12-002134-4

© А.В.Потехин, 1991

ВВЕДЕНИЕ

Победа государств антигитлеровской коалиции во второй мировой войне создала новую по сравнению с довоенной ситуацией в Восточной Европе. В ходе войны в странах региона произошли глубочайшие политические, экономические, военные, социальные, психологические сдвиги. Развернувшаяся в оккупированных странах антифашистская борьба привела к резкому полевению масс и изменению в соотношении сил различных классов и социальных групп. Война подорвала позиции старых имущих классов, многие их представители утратили состояние, были уничтожены, часть дискредитировала себя коллаборационизмом. Возросло влияние коммунистических партий как влиятельной силы движения Сопротивления, ассоциировавшейся с выполнявшей благородную миссию Советской Армией — освободительницей от фашистского порабощения.

Возникла необходимость создания новых государственных и политических структур. Разгром наиболее агрессивной тоталитарной державы — фашистской Германии — создал объективные предпосылки для становления таких структур на демократических принципах — широчайшего народного волеизъявления, в первую очередь, путем проведения свободных выборов, политического плюрализма, парламентаризма с учетом национальных особенностей, традиций, уровня развития каждой страны. Однако надежды на демократический путь Восточной Европы были похоронены.

В результате победы небывало возрос международный авторитет Советского Союза. Народы Европы испытывали чувство искренней благодарности советскому народу, спасшему цивилизацию от фашизма ценой неисчислимых жертв и беззаветного мужества. В Восточной Европе сложилась исключительно благоприятная для надежного обеспечения безопасности СССР ситуация. Вдоль его западных границ могла образоваться полоса дружественных демократических государств от Финляндии на севере до Румынии на юге. Однако, исходя из ложно понимаемых национальных интересов, советское руководство избрало курс на изоляцию Восточной Европы от Западной "железным занавесом", утверждение в регионе всеобъемлющего советского влияния, экспорт в него сталинской модели социализма. Эта модель, воплощенная в 1945—1948 гг. в социально-политической, экономической, духовной сферах

всех без исключения восточноевропейских стран с некоторыми национальными вариациями, отличалась следующими чертами:

- огосударствление всех или преобладающей части средств производства под лозунгом их обобществления;

- противодействие становлению гражданского общества или его уничтожение;

- личный деспотизм вождя, опирающегося на партийно-государственный аппарат, зависимый от него не меньше, чем рядовые граждане;

- административно-командные методы принудительной организации повседневной жизни и труда, вплоть до государственного террора;

- неподконтрольность власти народу и произвол карательных органов;

- неспособность к самокоррекции системы, тем более к реформам из-за отсутствия экономических (рыночных) и политических (демократических) институтов;

- духовный конформизм, тотальное навязывание суррогатов марксистско-ленинского учения, идеологизация всех сторон жизни;

- закрытость страны, тенденция к автаркии, милитаризация, формирование обстановки "осажденной крепости", шпиономания.

В глазах народов Восточной Европы Советский Союз в указанный период превратился в консервативную силу, насильственно навязавшую им коммунистические режимы, а затем неизменно выступавшую в качестве гаранта их пребывания у власти. В то же время политика СССР в регионе предоставила непроверяемые аргументы в пользу "холодной войны" в распоряжение тех представителей политического руководства западных держав, которые однозначно избрали курс на конфронтацию с бывшим союзником. "Холодная война" рассматривалась ими как единственное средство, способное обеспечить национальную безопасность западных демократий.

В кризисных явлениях, с которыми неизбежно сталкивались в тот или иной момент развития восточноевропейских стран правившие в них режимы, советская историография традиционно винила Запад. Даже автор наиболее серьезных исследований политики США в отношении государств Восточной Европы И.И. Орлик не избежал преувеличений в оценке действительных масштабов влияния американской дипломатии на ход событий в регионе¹.

В имеющихся исследованиях, за редким исключением, политика США в Восточной Европе рассматривается как вторичный результат политики в отношении СССР, а проблемы взаимоотношений США с восточноевропейскими государствами только в контексте советско-американской конфронтации. Зачастую политика США в регионе изображается как сформировавшаяся к концу второй мировой войны, а то и результат воплощения в жизнь планов, разработанных еще в 1941—1945 гг. Отсутствуют попытки проследить конкретные внешнеполитические акции в отношении каждой из стран региона. К тому же нет кон-

цепции того, как из них возникло новое качество, обладающее признаками единого регионального направления внешнеполитического курса Вашингтона. Недостаточно изучены также проблемы, связанные с функционированием внешнеполитического ведомства США, противоречия в ходе разработки и осуществления восточноевропейской политики.

Среди работ зарубежных авторов, посвятивших себя изучению проблематики данной книги, следует выделить монографию норвежского исследователя Г. Лундстада, написанную на архивных материалах². В ней есть немало тонких и точных наблюдений, хотя нельзя согласиться с основным тезисом — об "универсализме" политики США в Восточной Европе в 1943—1947 гг. Данный период отличался именно отсутствием "единой", то есть "универсальной" политики, а выделение его сделано Лундстадом без достаточных оснований. При написании книги принимались во внимание некоторые факты и положения, содержащиеся и в других интересных монографиях и статьях — Л. Дэвис, Х. Де Сантиса, Д. Ержина, М. Болла, П. Вандыча, Р. Лукаса, Э. Марка, Р. Мессера, С. Макса, М. Стейница, У. Ульмана и др.³ Анализируя эти работы, можно прийти к выводу, что основные тезисы западной историографии сводятся к следующему:

— целью американской дипломатии в странах Восточной Европы было добиться выполнения ялтинских и потсдамских договоренностей об обеспечении "свободного волеизъявления народов в создании свободных и представительных правительств";

— поддерживая оппозицию, американская дипломатия пыталась противодействовать "узурпации власти коммунистами";

— политическое, экономическое, идеологическое давление США на государства Восточной Европы оказывалось с целью отстаивать законные интересы США и его отдельных граждан, при этом не нарушался суверенитет восточноевропейских государств;

— в целом в той или иной мере курс Вашингтона являлся "неполитикой", то есть Соединенные Штаты самоустранились от попыток воздействовать на ход событий за "железным занавесом";

— переход США на открыто враждебные позиции в отношении государств Восточной Европы вызван "неблагодарностью" последних, их немотивированным (и во многом навязанным Москвой) антиамериканизмом, нежеланием интегрироваться в свободную Европу.

Чтобы разобраться в том, насколько эти тезисы отвечают действительному положению вещей, автор обратился к документам внешней политики США, опубликованным и хранящимся в Национальном архиве (г. Вашингтон). Серия официальных документальных публикаций, осуществляемых историческим отделом госдепартамента, претендует, как заявляют авторы-составители, на то, что в ней "содержатся, с учетом необходимости соблюдения интересов национальной безопасности, все документы, исчерпывающим образом отражающие главные политические решения на уровне госдепартамента и факты, влияющие на фор-

мулирование политики"⁴. Признавая, что без привлечения этих сборников изучение восточноевропейской политики США в первые послевоенные годы невозможно, в полной мере использовав их в данной книге, автор, тем не менее, не может согласиться с данной характеристикой их составителей, поскольку в них содержатся серьезные пробелы, обусловленные не недоступностью некоторых материалов, а стремлением представить в "лучшем свете" внешнеполитический курс Вашингтона. Так, в соответствующем выпуске сборника за 1948 г., в разделе "Чехословакия", не нашлось места для донесений американского посла в Праге Л.Штейнгардта от 21–24 февраля, т.е. в критический момент чехословацких событий⁵. Примеры тенденциозного подхода составителей сборников — сотрудников госдепартамента, к сожалению, не единичны.

Официальные публикации требовалось дополнить архивными документами — не подошедшими для того, чтобы представлять политику США в Восточной Европе по критериям публикаторов. В делах, находящихся в отделе дипломатических документов (главным образом фонд 59)⁶ встречаются, хотя и не часто, вместо некоторых листов вкладыши с грифом "изъято по соображениям национальной безопасности". Однако и рассекреченные документы американского внешнеполитического ведомства позволяют вскрыть многие неизвестные стороны процесса формирования политики США, "белые пятна" в истории дипломатии, осветить проблемы, недоступные для изучения по другим источникам (например, связанные с политэмиграцией из Восточной Европы).

Среди использованных материалов — донесения дипломатических представителей США в столицах восточноевропейских государств и инструкции, направлявшиеся им госдепартаментом, записи бесед с иностранными представителями, зачастую носившие весьма конфиденциальный характер (скажем, материалы на подготовительном этапе создания НКСЕ*); меморандумы аналитического содержания; обзоры международного положения и ситуаций в отдельных странах и т.д. Наиболее продуктивным методом использования всех видов и категорий документов является их сравнительный анализ, восстанавливающий причинно-следственные связи событий, обнажающий скрытые пружины тех или иных политических действий или программных решений. Сопоставив некоторые документы по содержанию, удастся выявить противоречия между официальными декларациями и подлинными мотивами американских дипломатов.

Хронологические рамки книги ограничиваются в основном второй половиной 40 гг. XX в. Автор считал необходимым их переступить при оценке "новой югославской" политики США, поскольку логика исследования требовала показать все не сразу проявившиеся результаты.

В книге не затрагиваются проблемы американского курса: а) в германском вопросе, по причине того, что они обладают ярко выраженной спецификой, к тому же в период становления восточноевропейского направления политики Вашингтона социалистического государства на югославской земле еще не было; б) относительно Албании, с которой США не установили дипломатических отношений, что привело к отсутствию полноценной документальной исследовательской базы.

* Национальный комитет Свободной Европы.

ГЛАВА 1 ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ"

Интересы народов Восточной Европы учитывались в ходе решения проблем территориально-политического урегулирования, достигнутого главным образом на конференциях руководителей Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании в 1945 г. — в Ялте (февраль) и Потсдаме (июль — август). На встрече в Ялте руководители антигитлеровской коалиции скоординировали планы окончательного разгрома врага, утвердили соглашение об учреждении международной организации для поддержания мира и безопасности (будущая ООН), приняли "Декларацию об освобожденной Европе" и заявление "Единство в организации мира, как и в ведении войны" и др. На том этапе не было оценок ялтинских или потсдамских соглашений как причины раскола Европы в результате того, что западные союзники отдали Восточную Европу в сферу советского влияния. О "расколе" или "разделе Европы" на Западе заговорили тогда, когда из капиталистической системы выпал в Европе ряд стран. "Некоторые возводят раскол Европы к Ялте и Потсдаму, ставят под вопрос заключенные там исторические соглашения. Все тут перевернуто с ног на голову. Ялта и Потсдам заложили основу послевоенного устройства Европы. Жизненность их в том, что это были антифашистские, демократические по сути соглашения"¹.

Решение администрации Г. Трумэна проводить "жесткий курс" по отношению к СССР легко принималось, но трудно осуществлялось на практике. Огромная популярность внешнеполитического курса Ф. Рузвельта во всем мире вынуждала его преемников не только публично заявлять о преданности принципам покойного президента, но и действовать в русле политики, определяемой "духом Ялты". Оппозиция изменению курса США существовала в самой администрации (Уоллес, Икес, Моргентау и др.). К тому же США связывали многочисленные односторонние декларации и договоры предыдущих лет, обязывающие их к дипломатии международного сотрудничества, признанию суверенитета других государств и т.д. Разрушить единовременным актом эту договорно-правовую и моральную основу международных отношений было невозможно.

26 мая 1945 г. А. Маклиш, зам. госсекретаря, выступил с радиообращением, посвященным разоблачению тезиса о якобы приближающемся "неизбежном конфликте с русскими". Перефразируя известное рузвельтовское изречение, он заявил: "Основа подозрений не более солид-

на, чем сами подозрения". Маклиш назвал разговоры о неизбежном конфликте "курьезными дебатами, в то время как наши солдаты живут рука об руку в покоренной Германии, а наши погибшие в общей борьбе только что похоронены". Две нации доказали, подчеркнул зам. госсекретаря, возможность сотрудничества в разрешении трудных военных проблем, "их жизненные интересы не вступают в конфликт ни в одной точке земного шара [подчеркнуто мной. — А.П. — Восточная Европа официально госдепартаментом в таком качестве не расценивалась]. Обе они богаты собственными ресурсами. Нет ничего реального или логичного в разговорах о неизбежном конфликте"². Пройдет совсем немного (по историческим меркам) времени и подобное заявление госдепа станет немыслимым. Значение проблем Восточной Европы в арсенале выдвинутых администрацией Трумэна аргументов о неизбежности перехода к "холодной войне" трудно переоценить.

Весной 1954 г. перед американской дипломатией стояли следующие вопросы: по какому образцу — политическому и экономическому — будет строиться жизнь в освобожденных Советской Армией районах Восточной Европы? Будет ли советское влияние доминирующим? А, главное, — на какую силу, если таковая вообще имеется, могут рассчитывать Соединенные Штаты, чтобы не допустить или, по меньшей мере, преуменьшить это влияние? "Президент Трумэн, — считает американский исследователь Г.Альперовиц, — не в пример своему предшественнику, не только не помышлял о продолжении сотрудничества с русскими, но откровенно поставил перед внешней политикой Соединенных Штатов иную задачу — уменьшить, а если удастся, то и искоренить советское влияние в Европе. (. . .) Атомная бомба повлияла на весь ход дипломатических переговоров ... в значительной степени определила поворот Трумэна к политике с позиции силы, ставящей своей целью вынудить Советский Союз согласиться с американскими планам⁴ в отношении Восточной и Центральной Европы"³.

Большое значение для "просвещения" президента Трумэна в вопросах восточноевропейской политики сыграли его встречи с тогдашним послом США в СССР А.Гарриманом. В ходе беседы с новым президентом 20 апреля 1945 г. он заявил о двойственном характере советской внешней политики: с одной стороны — "политика сотрудничества с США и Великобританией", с другой — "распространение советского контроля на соседние страны путем односторонних действий". Посол утверждал, что Соединенные Штаты оказались перед лицом "варварского вторжения в Европу", причем советский контроль над той или иной страной "означает не только влияние на ее внешнюю политику, а и расширение советской системы — с ее секретной полицией, запретом свободы слова и т.д."⁴ По мнению Трумэна, Соединенные Штаты были способны вынудить Советский Союз считаться с американскими интересами в Восточной Европе, которые в первую очередь заключались в том, чтобы привести к власти в регионе буржуазно-демократические

правительства. Твердый курс и безотлагательная проба сил "показали бы русским, что дальнейшее господство в Восточной Европе обойдется им дорого"⁵.

А Гарриман и его единомышленники допускали просчет в оценке соотношения сил. Этот просчет усугубился, когда администрация в качестве решающего фактора для влияния на ход событий в регионе стала учитывать наличие у Соединенных Штатов ядерного оружия.

В мае 1945 г. зам. госсекретаря Дж. Грю считал: "Мы должны предпринять все для сохранения нашей военной силы и укрепления связей со всем свободным миром. Россия уже показывает нам — в Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии, Австрии, Чехословакии и Югославии — будущий мировой порядок, какой она себе представляет и будет стремиться установить"⁶. Так создавался образ "коварного и опасного врага", для отпора которому хороши все средства.

Исходными принципами, которыми руководствовались Соединенные Штаты, определяя подход к послевоенному статусу Восточной Европы, принято считать сформулированные в Атлантической Хартии — официальном заявлении США и Англии о своих целях в войне, обнародованном 14 августа 1941 г. В этом документе провозглашались отказ от территориальных приобретений, непризнание насильственного захвата чужих территорий, равенство в торговле и доступе к мировым сырьевым источникам (ослабленное оговоркой о соблюдении существующих англо-американских обязательств), построение послевоенного мира на основе отказа от применения силы на базе экономического сотрудничества, всеобщей безопасности, свободы морей, разоружения. Особо в Хартии оговаривалось право "всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить", признавалось, что территориальные изменения должны находиться в согласии "со свободно выраженным желанием заинтересованных народов". В декларации от 24 сентября 1941 г. Советское правительство выразило свое согласие с основными принципами Хартии⁷. Тезис о том, что противодействие СССР реализации данных принципов в Восточной Европе, на чем настаивали Соединенные Штаты, привело к "холодной войне", стал краеугольным камнем западной историографии.

Остановимся на некоторых проблемах планирования политики США в отношении восточноевропейских государств.

Разработкой послевоенной внешней политики США с 1942 г. занимался специализированный орган — Комитет советников, в который входили, помимо госсекретаря и других сотрудников внешнеполитического и военного ведомств, президент Совета по международным отношениям Н. Дэвис, редактор журнала "Форин Аффферс" Х. Армстронг, президент университета Дж. Гопкинса — И. Боуман и др. В его составе действовал ряд подкомитетов — по политическим, территориальным проблемам, по вопросам безопасности, европейских организаций⁸.

В первые два года работы комитета значительное внимание уделя-

лось вопросам территориального устройства и границ государств Восточной Европы. Участники дискуссий достигли согласия в том, что цель Соединенных Штатов добиваться восстановления довоенных границ, а также создания федерации восточноевропейских государств, способной послужить новым "санитарным кордоном" против СССР. Тем не менее, американские дипломаты проявили определенное понимание того, что США будут обладать весьма ограниченными, по сравнению с СССР, возможностями для влияния на ход событий в регионе. В ответ на предложение бывшего посла США в СССР У. Буллита учредить в Восточной Европе англо-американский вооруженный рубеж против Советского Союза, сформулированное в письмах предизенту от 29 января, 12 мая и 10 августа 1943 г., сотрудники европейского управления госдепартамента показали отсутствие реальных оснований для подобных планов. В меморандуме госсекретарю от 10 августа отмечалось: "Вероятно он [Буллит. — А.П.] имеет в виду реставрацию границ, существовавших до 1 сентября 1939 г. в Восточной Европе. Наши друзья в министерстве обороны считают, что попытка ее предпринять будет абсолютной фантазией: США и Великобритания не в состоянии успешно противостоять Советскому Союзу в Восточной Европе, если Германия разгромлена. Единственный путь для реализации предложений м-ра Буллита означает коалицию Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и германских вооруженных сил"⁹. Такой путь представлялся администрации Ф. Рузвельта немыслимым.

В преддверии московской конференции министров иностранных дел (сентябрь 1943 г.) группа в составе ведущих специалистов госдепартамента по советским делам, в которую входили Ч. Болен, Дж. Кемпбелл, Н. Чипман, Ф. Мосли, Э. Дурброу и Ф. Рейнхард, подготовила документ "Советское отношение к региональной организации Восточной Европы". Авторы этого документа исходили из тезиса о том, что нет фатальной неизбежности конфликта СССР и США по проблемам региона. Основой разрешения спорных вопросов должно послужить "формирование долговременного [послевоенного. — А.П.] сотрудничества СССР и западных держав". Вполне реалистичными выглядели взгляды авторов документа, с одной стороны констатировавших — Советский Союз "не потерпит при любых обстоятельствах возвращения к довоенной ситуации..., когда почти все государства Восточной Европы имели антисоветские режимы и возможность заключить союзы между собой или с державами Западной и Центральной Европы против Советского Союза". С другой же, весьма вероятным признавалось, что из войны государства Восточной Европы выйдут, возглавляемые правительствами народного фронта, поскольку "происходит общее полевение народов Европы, проявляющих сильную приверженность далекоидущим экономическим и социальным реформам"¹⁰. В целом США предлагалось учреждение в Восточной Европе "открытой сферы советского влияния", при которой СССР контролирует внешнюю политику восточ-

ноевропейских государств, но не вмешивается в их внутренние дела и экономические связи с Западом¹¹.

Практически одновременно с госдепартаментом свои рекомендации по проблемам Восточной Европы предложил Отдел исследований и анализа ОСС (разведки). Согласно его меморандуму "Стратегия и политика: могут ли Америка и Россия сотрудничать?", действия Соединенных Штатов по восточноевропейским проблемам должны обеспечиваться максимальной концентрацией вооруженных сил в Западной Европе, что вынудит Советский Союз пойти на компромиссные решения в Европе Восточной, "минимизировать его цели, заставив [силой. — А.П.] отказаться от советизации и доминирования" в регионе¹².

Следует подчеркнуть, что из всех рекомендаций по рассматриваемому вопросу высшего уровня администрации достиг лишь меморандум Комитета советников, подготовленный в октябре 1944 г. под руководством помощника госсекретаря А. Берле, "Об общих принципах территориальных и политических решений в Восточной и Юго-Восточной Европе". Основные положения этого документа (несомненно его преемственность Атлантической Хартии) сводились к следующему: 1) право народов "выбирать без вмешательства извне тип политической, социальной и экономической системы" (при этом подразумевалось, что будет избрана буржуазно-демократическая система); 2) "равенство возможностей ... в торговле и коммерции ... независимо от типа экономической системы" партнера, то есть свобода экономического проникновения Запада в страны региона; 3) "неограниченный допуск... представителей прессы и информационных агентств других стран, ... свобода передачи за границу собранной информации"; 4) "свобода деятельности американских филантропических и учебных организаций" (традиционно таковые служили, помимо своего основного назначения, прикрытием спецслужб); 5) "защита и продвижение законных американских экономических прав, существующих или потенциальных"¹³.

Послевоенная политика США в отношении Восточной Европы формировалась на теоретических основах, сформулированных признанным идеологом "холодной войны" Дж. Кеннаном. Его взгляды впервые получили систематическое изложение в подготовленном в сентябре 1944 г. (через несколько недель после прибытия в Москву в качестве советника американского посольства) меморандуме "Россия — через семь лет". В меморандуме центральной идеей, исходя из которой объяснялись движущие мотивы политики СССР в Восточной Европе, являлся тезис о "советском империализме". Кошунственно звучал он в обстановке, когда Красная Армия ценой жизни своих солдат выполняла великую освободительную миссию, вызволяла народы из фашистского рабства.

Подсчитывая демографические ресурсы после войны, Кеннан отмечал, что потери советских людей будут компенсированы присоединением к "советской империи" народов Восточной Европы. Однако, прогно-

зируя возрастание мощи СССР таким путем, Кеннан считал: угрозы доминирования России на всем европейском континенте нет. Справедливо заметив: целью СССР является "предупредить формирование в Центральной и Восточной Европе силы или коалиции сил, способных бросить вызов безопасности России", Кеннан прогнозировал методы, которыми Советский Союз склонен добиваться цели, официально обозначенной в многочисленных публичных заявлениях советского руководства.

"Для небольших стран Восточной и Центральной Европы не стоит проблема: коммунизм или капитализм. Проблема: независимость национальной жизни или подчинение большой силе, которая никогда не проявляла себя приверженной компромиссам с соперничающими за власть группами. Ни поведение оккупационных сил Красной Армии, ни уровень "коммунизации" страны не являются критериями решения этой проблемы. Это не вопрос границ, или конституции, или формальной независимости. Это вопрос реальных отношений власти, чаще тщательно замаскированных или скрытых"¹⁴. Подчеркнем, СССР никогда не пытался изображать дело таким образом, будто ему безразлично, какой путь развития — капиталистический или социалистический — изберут освобожденные от фашистского ига страны. Для американской дипломатии естественным представлялся один путь — возвращение к власти довоенных режимов или передача ее в руки благополучно переживших войну деятелей, не исключено — попустительствовавших фашистам или даже сотрудничавших с ними. Не случайно Кеннан часто высказывал несогласие с программным намерением СССР и демократических сил искоренить остатки фашизма в странах Восточной Европы. Нежелание учитывать конкретную ситуацию проявилось в том, что он предлагал не обращать внимания на вопрос о границах, имевший жизненно важное значение для многих европейских народов, веками служивших источником конфликтов. Антисоветизм государств, граничивших с Советским Союзом, видимо, искупал, с точки зрения американского дипломата, все недостатки довоенного устройства в Восточной Европе.

Накануне Ялтинской конференции в письме Ч.Болену Кеннан высказался в пользу того, чтобы русские и американцы "открыто разделили Европу на сферы влияния, мы должны не вмешиваться в русскую сферу (даже отозвать своих послов из Восточной Европы), а русские — в нашу". Раздел Европы Кеннан предлагал не для того, чтобы сотрудничать, а поскольку "там, где русские располагают силой, наш мир кончается: за этой линией мы не должны пытаться поднимать голос до тех пор, пока не намереваемся делать дело"¹⁵.

Программа такого дела намечалась Кеннаном в меморандуме "Международное положение России в момент окончания войны с Германией" (май 1945 г.), где он утверждал, что потребность "консолидации власти во вновь завоеванных районах [к которым он причислял

Прибалтику, Западную Украину, Буковину, Бессарабию, а также все государства Восточной Европы. — А.П.] сделает необходимым поддержание огромных вооруженных сил и национальная энергия [СССР. — А.П.] будет по-прежнему направлена на их строительство"¹⁶. Предвещая "успешные восстания против власти Москвы", Кеннан высказывал надежду: они "могут потрясти всю структуру Советской власти"¹⁷. Он отводил Восточной Европе центральное место среди факторов, определяющих новое положение России в послевоенном мире.

Кеннан дал правильную оценку реалиям сталинизма, его антидемократической природе, политическому цинизму, игнорированию волеизъявлению народов, полному пренебрежению мировым общественным мнением. Народы Восточной Европы испытали на себе пагубное воздействие методов сталинской внешней политики, навязывания "советской модели" в ее антидемократическом тоталитарном варианте, деформировавшего ход социально-политических процессов в регионе. Влияние СССР было противоречивым и неоднозначным.

Во всех освобожденных странах Восточной Европы шла ожесточенная борьба по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики. Советский Союз не являлся безучастным свидетелем этой борьбы, поддерживая антифашистские силы, их коммунистический авангард. Однако изображать Советский Союз в качестве силы "искусственно привнесшей" классовые антагонизмы и проистекавшую из них политическую борьбу в освобожденные страны можно, лишь полностью игнорируя действительный характер ситуации, сложившейся в регионе. Первые шаги народно-демократической власти по реализации социально-экономических программ народных, отечественных и антифашистских фронтов вызвали сопротивление буржуазии, с надеждой взиравшей на западные державы — членов антигитлеровской коалиции.

Исходя из своих классовых позиций, американская дипломатия рассматривала социально-экономические преобразования, осуществлявшиеся или планировавшиеся в восточноевропейских странах. Уже в ходе войны началось проведение аграрных реформ в Польше и Югославии, решения о сельскохозяйственных преобразованиях принимались в Чехословакии, Болгарии, Румынии и Венгрии. Проводились мероприятия по изъятию основных средств производства у имущих классов (в первую очередь фашистских преступников и коллаборационистов); введению государственного управления на крупных промышленных предприятиях и пр.

О классовых пристрастиях американской дипломатии в Восточной Европе, подходе Вашингтона к важным проблемам ликвидации помещичьего землевладения, национализации крупных предприятий и банков и другим преобразованиям точно отозвался американский историк Д. Флеминг. Симпатии дипломатических представителей США "были на стороне людей их круга, не зависимо от исторических причин ликвидации экономических позиций последних. Американские диплома-

ты ... не могли представить, что изысканные джентельмены, которые владели огромными домами и столь прекрасно развлекались, утрачивают свой статус и судьбы в пользу толпы грубых коммунистов и немых крестьян. Западные дипломаты были уверены, что должны сделать все, зависящее от них, для спасения обреченных классов ... Соответственно, они пытались повсюду тормозить революцию, в результате старые правящие элементы страдали больше, чем это было бы без вмешательства извне. Это особенно касалось лидеров старых политических партий. Поддержка Запада как вдохновляла их на сопротивление, так и обрекала на провал"¹⁸.

В своей политике Соединенные Штаты должны исходить из того, безосновательно утверждал Кеннан, что СССР не может доминировать в Восточной Европе "без моральной и материальной помощи Запада". Поэтому политика Советского Союза, считал он, направлена на достижение целей: а) добиться от Запада, в особенности от США, признания марионеточных государств России в качестве независимых стран и соответствующего отношения к ним; б) получить от США широкомасштабную экономическую помощь и кредиты, которые "позволят советскому правительству восполнить экономический ущерб, причиненный его дорогостоящей и бескомпромиссной политической программой"¹⁹.

Выдвинув в меморандуме "Международное положение России в момент окончания войны с Германией" задачу сдерживания коммунизма в Восточной Европе, которая предполагала срыв достижения вышеупомянутых целей СССР, Кеннан в тот момент констатировал, что подобное сдерживание не найдет поддержки у американского народа. Нужно было пройти еще ряд этапов "холодной войны", чтобы в конце 40-х гг. предложенные Кеннаном рецепты стали основами восточноевропейской политики США.

В 1945 г. американский народ верил, что сотрудничество с Россией вполне возможно, зависит от установления должных личных отношений сердечности и доверия с русскими лидерами, а если Соединенные Штаты не найдут средств для обеспечения этого сотрудничества, тогда борьба в минувшей войне была напрасна, неизбежна новая война и цивилизация окажется перед лицом полной катастрофы²⁰. Сам Кеннан с этой точкой зрения не соглашался, считал ее "иллюзией", чуть ли не результатом "заговора" Москвы, "вводящей в заблуждение" американский народ. "До тех пор, пока эти иллюзии живучи среди значительных слоев американской публики, Кремль не оставит надежды на то, что западные демократии можно использовать как величайшее и наиболее сильное вспомогательное средство установления власти России в Восточной и Центральной Европе"²¹.

Курс на немедленную конфронтацию с СССР ("отрицание как моральной, так и материальной поддержки консолидации власти России" в регионе) поначалу, когда Кеннан выступил с упомянутыми меморандумами, не получил поддержки в государственном департаменте.

Подготовленный для президента в июне 1945 г. алармистский меморандум госдепартамента "Возможное возрождение коммунистического интернационала, возобновление ультралевой деятельности, возможное воздействие на Соединенные Штаты" обвинял "правлящих коммунистов" в применении в странах Восточной Европы "террора, апугивания, массовой депортации, убийств под видом необходимых чисток, (...) ужасающих для нашей концепции демократии"²². Тем не менее, авторы меморандума конечной целью своих усилий определили "укрепление отношений между двумя странами"²³ — США и СССР.

Примером отсутствия в 1945 г. консенсуса в правящей группировке США по вопросу об использовании в качестве средства разрешения в американских интересах проблемы Восточной Европы (как и коренных вопросов американо-советских отношений) ядерной бомбы являлась позиция военного министра Г.Стимсона. Он в полной мере разделял ответственность за применение бомбы, которую расценивал как важный "козырь" при решении европейских проблем. Однако в основе его весьма консервативных взглядов лежало убеждение, что послевоенная структура власти в Европе должна сформироваться путем установления некоего модуса вивенди между СССР и западными державами. Он стремился избежать повторения негативного опыта послевоенного устройства, приобретенного после первой мировой войны. Стимсон рассматривал особые интересы Советского Союза в граничащих с ним странах как само собой разумеющийся факт, критически относился к политикам, "сующим нос во все, что происходит в Центральной Европе". На заседании у президента 23 апреля Стимсон подчеркнул, что "необходимо выяснить мотивы, которыми они руководствуются в отношении пограничных стран ... в регионах, которые они рассматривают как жизненно важные для Советского Союза..."²⁴. Накануне своего ухода из администрации в начале осени Стимсон окончательно пришел к заключению, что стремление использовать атомный шантаж для реализации дипломатических целей в Восточной Европе представляло "исключительно опасный курс" и настаивал на немедленных прямых переговорах с СССР.

Отсутствие консенсуса в восточноевропейской политике США на основе постулатов "холодной войны" во внешнеполитическом ведомстве США в 1945 г. подтверждает и меморандум зав. отделом Южной Европы госдепартамента К.Хастона руководству европейским управлением от 24 октября 1945 г. "Предлагаемое распространение американской политики в Восточной Европе"²⁵.

Этот документ выдержан в духе рузвельтовского подхода к оценке перспектив политического развития региона. Говоря о ситуации в довоенной Восточной Европе, его автор отмечал: антисоветские режимы, подстрекаемые "влиянием Америки и других стран", стремились изолировать Советский Союз от европейской торговли и ресурсов, создали "великую невидимую стену ..., простиравшуюся от Арктики до Чер-

ного моря, построенную из ненависти, страха, недоверия и подозрения". Довоенная политика антисоветских режимов в Восточной Европе открыла путь к господству в ней фашистской Германии. "Бесстрашная Советская Армия, — подчеркивал американский дипломат, — разрушила угрожающий "санитарный кордон". Цель СССР в послевоенный период заключается в достижении "гарантии, что стена, отделяющая Россию от остальной Европы, никогда не будет построена заново"²⁶.

Хастон предостерегал Соединенные Штаты от принятия на себя роли сторожевого пса для Восточной Европы, с "сопутствующими ей лаем, рычанием, укусами и случайными ранами". Гораздо более продуктивный подход, подчеркивалось в меморандуме, состоит для США в том, чтобы избежать таких враждебных методов и публично выразить согласие с целями СССР в Восточной Европе. Хастон предлагал не только выступать с заявлением об "активном содействии" СССР, но и провозгласить в нем американское неприятие любых "групп, направленных против Советского Союза". Стремление СССР к дружбе и "полезным связям" со своими соседями не только "гармонирует с американской политикой и принципами" — считал он, но и получит "искреннее одобрение и поддержку американского правительства и народа"²⁷.

Было бы неверным считать, что Хастон понимал социальный смысл процессов в странах Восточной Европы. Его реализм заключался в рекомендации американскому руководству воздержаться от вмешательства во внутренние дела восточноевропейских стран.

Взгляды Хастона не принадлежали к господствовавшим в государственном департаменте. Невозможно проследить какое-либо влияние его меморандума в подготовленном по поручению зам. госсекретаря Д. Ачесона докладе "Влияние американской политики на возможности и намерения Советского Союза", датируемом 10 декабря 1945 г.²⁸ Его авторы — специальный помощник госсекретаря Ч. Болен и зав. отделом СССР госдепа Г. Робинсон. Основная мысль подготовленного ими документа — коренное изменение баланса сил в мире произошло "главным образом, но не только" в результате того, что Соединенные Штаты приобрели атомную бомбу. А с ней и "решающее военное превосходство" над Советским Союзом. Поэтому "любая война между США и СССР обойдется России несравненно дороже, чем Соединенным Штатам". Восточная Европа обозначена в меморандуме как первый из трех регионов мира, в которых "два центра силы — США и СССР — должны решить проблемы своих отношений".

Болен и Робинсон, оценивая тенденции развития Восточной Европы, отмечали "падение влияния прорусских и прокоммунистических элементов и рост оппозиционных движений в некоторых странах, кроме Югославии и, в меньшей мере, Чехословакии". В меморандуме формально предлагалось два возможных направления политики США — и это отражало положение вещей, при котором в госдепартаменте еще не был принят в качестве единственной точки зрения "лобовой" антисо-

ветизм. Однако наметился поворот к нему в умах госдеповских теоретиков. Поэтому аргументы в пользу продолжавшей традиции рузвельтовского подхода линии на сотрудничество (вариант "А" политики США) избирались неубедительные. Единственно отвечающим интересам национальной безопасности, доказывали Болен и Робинсон, является вариант "Б" — "отказ от передачи знаний и другой помощи, которая будет способствовать развитию советских потенциальных возможностей, и оказание всего доступного Америке давления, вплоть до развязывания войны, с целью достичь внутри страны и за границей преимуществ, столь значительного, чтобы обуздать СССР ... вне зависимости от того, каковыми являются в это время советские намерения"²⁹. Последняя фраза показывает надуманный характер обвинений в том, что якобы только поведение СССР вынудило США начать "холодную войну". Каковы бы ни были намерения СССР — диктовать ему свою волю — такая цель ставилась перед американской внешней политикой в меморандуме, предлагавшем альтернативу без альтернативы.

Более проработанная концепция восточноевропейской политики предлагалась в другом меморандуме Ч.Болена, подготовленном практически одновременно с документом Хастона. Болен в нем сформулировал положение об "открытой сфере влияния" СССР в Восточной Европе³⁰, которое легло в основу выступления госсекретаря Дж.Бирнса в Нью-Йорке 31 октября 1945 г. Отдавая дань реализму, Бирнс констатировал, что США благожелательно относятся "к усилиям Советского Союза по втягиванию в более тесную и дружественную ассоциацию своих центрально- и восточноевропейских соседей, полностью отдают себе отчет в особых интересах России по обеспечению своей безопасности ... и признали эти интересы в соглашениях об оккупации и контроле в прошлом враждебных государств". Однако дальнейшая американская политика будет направлена: на а) непризнани "исключительного советского влияния", "советизации" стран Восточной Европы; б) сохранение этих стран "открытыми" для "позитивного" американского влияния, то есть возможностей воздействовать на социально-экономические и политические процессы в них в желательном для Соединенных Штатов направлении³¹.

22 февраля 1946 г. госдепартамент получил из Москвы, от временного поверенного в делах США в СССР Дж.Кеннана так называемую "длинную телеграмму". В этом документе из 8 тыс. слов формулировались постулаты "сдерживания" коммунизма. Оценивая источники внешней политики социалистического государства, Кеннан заявил: "мы имеем дело с силой, фанатически приверженной идее: не может быть постоянного способа сосуществования с Соединенными Штатами, желательно и необходимо, чтобы внутренняя гармония нашего общества была подорвана, наш традиционный образ жизни разрушен, а международный авторитет нашего государства ослаблен — тогда советская власть будет в безопасности"³².

понимать по-разному. Президент ответил: "Я знаю, Билл. Но это все, что я могу сделать сейчас для Польши"⁴.

Исходным пунктом в проведении администрацией Г. Трумэна политики в отношении Польши был отход от тезиса о возможности двойного толкования путей развития страны.

В полученном Г. Трумэном 13 апреля 1945 г. — в день, когда он приступил к обязанностям президента Соединенных Штатов, — сводном отчете госсекретаря Э. Стеттиниуса о международном положении по польскому вопросу, в частности, говорилось: "Современная ситуация относительно Польши в высшей степени неудовлетворительна (...) Вопрос о будущем статусе Польши остается одной из наших наиболее сложных и насущных проблем как в международной, так и внутренней сферах"⁵.

Как Трумэн решил взяться за решение польского вопроса, явствует из его поведения на состоявшихся спустя неделю встречах с В. М. Молотовым, а также своими ближайшими советниками. Обстоятельства этих обсуждений хорошо известны, неоднократно освещались в советской и американской литературе. Подчеркнем несколько моментов. Во-первых, польский вопрос Трумэн избрал как "пробный камень" для определения меры, насколько русские чувствительны к силовому давлению США. Гораздо в меньшей степени президента интересовало тогда собственно будущее Польши (этой стране второй раз была уготована такая же роль в ходе визита Г. Гопкинса в Москву в мае — июне 1945 г.). Во-вторых, еще сотрудники Рузвельта, не удаленные из Трумэнского окружения (в частности, Г. Стимсон), всерьез воспринимавшие польские проблемы, считали невозможным, чтобы они послужили причиной разрыва с русскими⁶. В-третьих, представители администрации понимали, что ялтинские соглашения допускают отличное от желаемого США толкование. Так что последующие претензии США на единственно верное понимание вопроса о будущем правительстве Польши, лишенные оснований, носили пропагандистский оттенок.

Американский исследователь Л. Дэвис подчеркивает, что администрация Г. Трумэна в польском вопросе уже весной 1945 г. достигла единства на почве антисоветизма: "Никто в Вашингтоне не выступал в пользу одобрения Соединенными Штатами советских акций в Польше. Никто не говорил, что эти действия не касаются Соединенных Штатов. Никто не считал, что США сделали все, что смогли в Польше и должны молчать перед лицом советских нарушений ялтинских соглашений. (...) Без каких-либо дискуссий решили противиться советской интерпретации ялтинских соглашений по Польше ..."⁷. И, тем не менее, США в Потсдаме вынуждены были пойти на уступки этой интерпретации, в первую очередь в вопросе о реорганизации польского правительства.

Накануне потсдамской конференции, сразу после достижения московской комиссией СССР, Великобритании и США с участием поль-

ских представителей договоренности о такой реорганизации, госдепартамент подготовил секретный документ "Предлагаемая политика Соединенных Штатов в отношении Польши". В нем, в частности, ставилась задача "поддержки элементов внутри нового правительства, оппозиционных превращению [Польши. — А.П.] в советский сателлит"⁸ Для обеспечения американского влияния в Польше считалось необходимым: провести выборы и определить границы страны под наблюдением США; воспрепятствовать насильственной репатриации поляков с Запада (в польской армии под управлением лондонских эмигрантов насчитывалось 170 тыс человек) или "бесконтрольной депортации немцев с территорий, которые требует поддерживаемое СССР польское правительство"; участвовать в реконструкции польской экономики путем предоставления кредитов и т.д. при условии "равных возможностей в торговле, капиталовложениях и доступа к источникам информации" (под "равными возможностями" для США понимался "открытый рынок"); осуществлять поддержку польской оппозиции, которая не должна производить впечатление "открытого вмешательства во внутренние дела Польши", но в то же время "быть достаточно эффективной, чтобы позволить демократическим [антикоммунистическим. — А.П.] польским лидерам выполнить обязательства по отношению к польской нации, взятые нами на себя"⁹.

Вопрос о польской государственности в другом документе — "Новое польское Временное правительство Национального единства", приуроченном к его дипломатическому признанию Соединенными Штатами 6 июля 1945 г., ставился так: "Мы должны ... продолжать оказывать все наше влияние, помочь польскому народу образовать свободное и демократическое правительство, как мы понимаем этот термин"¹⁰ [подчеркнуто мной. — А.П.]

Вопрос о выборах в Польше стал определяющим для путей социально-политического развития страны. Потерпев поражение в попытках навязать польскому народу лондонское эмигрантское правительство, получив лишь согласие на введение ряда представителей эмиграции во Временное правительство, американская дипломатия избрала тактику требования безотлагательного проведения выборов. В целом в Вашингтоне правильно считали, что время работает на ППР и ее союзников. Требовался определенный период, чтобы укрепить им свои позиции. Пока этого не произошло, были шансы для победы на выборах партии Миколайчика.

Революционный лагерь сохранил ведущие позиции в коалиционном правительстве, а крестьянские деятели получили посты вице-премьера и министра сельского хозяйства — С.Миколайчик по совместительству, министра общественной администрации — В.Керник, министра просвещения — Ч.Выцех. Они официально заявили о согласии сотрудничать с партиями Национального фронта. Правые силы были вынуждены принять предложенную ППР линию борьбы за массы в легальных формах, путем

ства прилагало все возможные усилия, чтобы наладить нормальную повседневную жизнь в стране, обеспечить население необходимым. Миколайчик разделял, как явствует из донесения, точку зрения посла. Он заверил американского представителя, что "польский народ будет сопротивляться до конца"; события "развиваются благоприятно для правительства США". Передав послу информацию военного характера — о флоте и советской армии, Миколайчик заявил — "размеры и население Польши дают большие возможности для сопротивления" (вооруженного. — А.П.)²².

Руководитель американской разведки (ОСС) генерал У.Донован направил госсекретарю Дж.Бирнсу в сентябре 1945 г. меморандум, свидетельствующий о том, что антипольские акции проводились с территории американской оккупационной зоны, с ведома ее властей. В меморандуме указывалось: "генерал Андерс преследует цель — поддержку антисоветского движения сопротивления в Польше, он установил связь с Польшей при помощи секретной радиостанции, размещенной на оккупированной американцами территории вблизи Пльзена". Информация о деятельности Андерса, группировок подполья, с которыми он поддерживал связь, поступила к А.Лейну²³. 9 декабря 1946 г. Миколайчик передал американским дипломатам копию секретной инструкции о программе действий против подполья и ПСЛ, подписанной начальником штаба польской армии — выдержки из этого документа были безотлагательно направлены в Вашингтон²⁴. Содержание документа стало известно и представителям подполья, что затрудняло борьбу с ним, затягивало бессмысленное кровопролитие. Посол Лейн поддерживал личные контакты с лицами, связанными с подпольем²⁵. "Тяжкая ответственность за участие обманутых поляков в братоубийственных акциях ложится прежде всего на вдохновителей (...), действовавших, главным образом, за пределами страны"²⁶.

Один из таких деятелей, генерал Т.Бур-Комаровский в мае — июне 1946 г. пребывал в США по приглашению Польско-американского конгресса (ПАК). 19 июня МИД ПНР вручил ноту протеста послу Лейну, в которой прием Бур-Комаровского в США расценивался как недружественный акт по отношению к польскому правительству. 21 июня по этому поводу состоялась встреча в госдепартаменте и.о. госсекретаря Д.Ачесона и польского посла О.Ланга. Ачесон заявил: "визит генерала Бура не имеет ни малейшего политического значения, поскольку правительство США не имеет к нему отношения", не считал нужным скрывать, что "лично принял решение о выдаче визы генералу Бур"²⁷. Смысл заявления Ачесона очевиден: Соединенные Штаты не собираются считаться с точкой зрения польского правительства. Однако госсекретарь Дж.Бирнс был возмущен поведением Бур-Комаровского и подчеркнул, что "не желает видеть больше кого-либо из лондонских поляков в Соединенных Штатах, поскольку те усложняют и без того хрупкие отношения с Варшавой"²⁸.

Расчеты американской дипломатии строились на том, что потреб-

ности реконструкции польского хозяйства приведут страну к зависимости от экономической помощи США, а это, в свою очередь, предоставит Вашингтону средства, с помощью которых к власти придет Миколайчик и его партия. Эти расчеты были подорваны как развитием советско-польского экономического сотрудничества, так и энтузиазмом, с которым польский народ приступил к возрождению разрушенной войной страны.

Американская дипломатия понимала, что противодействие социально-экономическим преобразованиям подрывает проамериканские настроения в стране, угрожает позициям тех политических сил, за которыми стояли Соединенные Штаты. Посол США в СССР А. Гарриман предупредил Госдепартамент в связи с развернувшейся на освобожденных землях реформой: "нам не удастся предотвратить распространение реформы", а задача — "действовать таким образом, чтобы избежать критики в Польше и вне ее за поддержку крупных землевладельцев"²⁹. Представителям Вашингтона в Польше трудно было воспользоваться рекомендациями Гарримана, учитывая, сколь твердолоб и прямолинеен посол Л. Лейн. Но вряд ли и противоположные личные качества посла могли создать Соединенным Штатам имидж "защитников интересов масс" — на чьей стороне их классовые симпатии, не вызывало сомнений.

В беседе с премьер-министром Э. Осубкой-Моравским 21 августа 1946 г. Лейн, оговаривая, что выражает личную точку зрения, а не действует по инструкциям Вашингтона, подчеркнул: "пока не будет изменена в корне экономическая и финансовая политика Польского правительства, невозможно инвестирование американского капитала в реконструкцию Польши. Назвав в числе неприемлемых для США клиринговые поставки в СССР угля в обмен на товары, Лейн охарактеризовал их как "аналогичные нацистской и фашистской коммерческой политике, противоречащей нашей внешнеэкономической политике поощрения двусторонней частной торговли между нациями"³⁰.

Надежды американской дипломатии на успех экономического нажима поддерживал С. Миколайчик. Вопреки хорошо известным ему фактам, он заявил (Вашингтон, ноябрь 1946 г.) в беседе с зав. отделом Восточной Европы Э. Дурброу, что "Советское правительство сделало много широковещательных обещаний экономической помощи Польше (...), но в действительности ни одно из них не выполнено, и он не верит, что хоть одно из них будет сдержано в близком будущем"³¹.

Миколайчик считал нужным предоставление Польше кредитов, мотивируя это тем, что "таким образом будут укрепляться позиции прозападных элементов в стране". Со своей стороны, Э. Дурброу потребовал от Миколайчика "доступа к достоверной информации об экономической стабильности и событиях в стране"³².

Точка зрения Лейна, сформировавшаяся вскоре после его прибытия в Польшу, не в последнюю очередь под влиянием близких отношений с лидерами польской оппозиции, — архиепископом С. Сапегой,

С. Грабским, В. Витошем, З. Зулавским — состояла в том, что американские кредиты укрепят существующую власть и поэтому следует от них воздержаться³³.

Экономическую политику США по отношению к Польше (за исключением продовольственной помощи по линии ЮНРРА)* можно сравнить с тем, когда задыхающемуся дают глоток кислорода, а затем перекрывают его доступ — в ожидании, как он будет себя вести. Масштабы кредитов и поставок промышленных товаров ни в коей мере не отвечали запросам разрушенного войной хозяйства страны.

В ходе упомянутого визита Миколайчика в Вашингтон американская сторона выдвинула следующие условия предоставления кредитов Польше: 1) установить "справедливый курс" обмена доллара; 2) разорвать некоторые торговые соглашения с Советским Союзом; 3) представить конкретные доказательства, что Польша будет в состоянии производить достаточно товаров для выплаты долга; 3) составлять подробную информацию о развитии хозяйства и его стабильности³⁴.

Когда в марте 1946 г. польское правительство предоставило американским гражданам право инспектировать свою собственность в Польше "во всех заслуживающих того случаях", вашингтонская администрация сочла возможным предоставить небольшой кредит. Посол Лейн категорически возражал: только после того, как "террористическая деятельность органов безопасности будет прекращена, свобода прессы восстановится и американских граждан [лица, претендующие на гражданство США. — А.П.] освободят из тюрем, тогда и только тогда средства США могут быть предоставлены Временному правительству Национального единства"³⁵.

Несмотря на противодействие А. Лейна, 24 апреля заключено соглашение с Польшей о кредите в размере 40 млн долл. Д. Ачесон заявил польскому послу, что дальнейшие кредиты (Польша в Потсдаме определила свою необходимость в них в размере 500—700 млн долл., на 1947 г. запрашивались кредиты в 200 млн долл.)³⁶ станут доступными в случае "уничтожения всех форм дискриминационного обращения в международной торговле, уменьшения пошлин и других таможенных барьеров", если "американским гражданам будет дана эффективная компенсация" за понесенный в Польше ущерб и обнародована информация о внешней торговле Польши. Посол О. Ланг согласился со всеми условиями. Два дня раньше, 22 апреля, Польше был предоставлен кредит в 50 млн долл. для закупки остатков имущества американской армии в Европе³⁷.

* ЮНРРА (Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций) была создана в соответствии с соглашением, подписанным в Вашингтоне 9 ноября 1943 г. представителями 14 стран, для помощи государствам, пострадавшим во время войны в восстановлении их экономики. В 1947 г. упразднена по инициативе США, которые приняли собственную программу экономической помощи в соответствии с "планом Маршалла".

Американские кредиты предоставлялись таким образом, чтобы использовать их как средство подрыва польско-советских отношений. Как указывалось в телеграмме госсекретаря Дж. Бирнса Д. Ачесону в Вашингтон, "конечно, мы не окажем финансовой помощи Польше без полных гарантий, что преобладающая часть экспорта угля из нее [основного продукта, поставлявшегося в Советский Союз. — А. П.] пойдет в страны к западу от "железного занавеса"³⁸.

Американские интересы затрагивал непосредственно вопрос о национализации в основных отраслях польской промышленности. Капиталовложения США перед войной составляли 210 млн долл., главным владельцем собственности в Польше была компания "Анаконда коппер". Госдеп рассматривал вопрос о собственности в гораздо более широком контексте, чем просто получение компенсации за национализированные предприятия американских компаний. Его руководство расценивало национализацию как мероприятие польского правительства, ведущее к резкому сужению возможностей Запада влиять на положение в экономике и политике Польши. Надежды на то, что этого не произойдет, связывались с деятелями эсью Миколайчика и его партии³⁹. ПСЛ, стремясь вовлечь страну в орбиту англо-американской политики, противодействовала при поддержке католического клира проведению национализации.

Понимая, что наметилась тенденция падения его влияния в массах, Миколайчик требовал безотлагательного проведения выборов в Сейм. Давление на польское правительство в этом направлении постоянно оказывал и посол Лейн, сопровождая его нападка на правительственные мероприятия по борьбе с политической оппозицией⁴⁰.

Демократический блок по инициативе ППР оттягивал их срок. Весной 1946 г. для собирания сил вокруг своей программы он предложил провести общенародный референдум по определяющим аспектам внутренней и внешней политики народной власти. ПСЛ заявила об участии в референдуме (рассматривая его как способ взвесить свое влияние), что оттолкнуло от нее подполье, отрицавшее идею референдума. Из трех вопросов: 1) о ликвидации сената; 2) о закреплении в конституции экономических преобразований — аграрной реформы и национализации; 3) об упрочении западных границ страны, — ПСЛ призвала голосовать отрицательно по первому, связанному с реставрацией старой, доповинной формы законодательного органа. Вся оппозиция готовилась сказать "нет" по первому вопросу. Подполье предложило тем, кто примет участие в референдуме, голосовать "три раза нет". Против новых западных границ, установленных при помощи СССР, готовы были высказаться только крайне правые. 30 июня 1946 г. большинство населения поддержало правительство. Однако за лозунгами ПСЛ и подполья шло около 32 % голосовавших, к ним следует отнести значительную часть проигнорировавших референдум. Тем не менее, расстановка политических сил в стране в целом складывалась в пользу Демократического блока. Референдум укрепил его позиции⁴¹.

В американской ноте по поводу референдума с одной стороны подчеркивалась "особая ответственность" США за "помощь в предоставлении польскому народу ... возможности свободно избрать себе правительство", с другой — Соединенные Штаты отказывались от какой-либо ответственности за результаты референдума, как подготовительного мероприятия к выборам. Прямо не заявляя о фальсификации результатов выборов, госдепартамент предъявлял претензии в нарушении властями порядка подсчета голосов, признавая при этом "справедливый и честный" характер самого голосования. Главный смысл ноты заключался в попытке американской администрации утвердить позиции на будущих выборах партий, представлявших оппозицию — ПСЛ и СП⁴². Таким образом, авторы ноты прямо указали на те партии, деятельность которых поддерживалась Вашингтоном. Эти усилия США высоко оценила оппозиция⁴³.

19 июля 1946 г. в беседе с корреспондентом "Нью-Йорк таймс" В. Лоуренсом Б. Берут дал оценку деятельности посла США в Польше, являвшуюся по сути объявлением его персоной нон грата⁴⁴. Однако госдепартамент встал на защиту своего представителя, занимавшего в целом более экстремистские позиции, чем его руководство. Видимо, деятельность Лейна, препятствовавшая какой-либо нормализации польско-американских отношений, отвечала замыслам вашингтонских стратегов. Д. Ачесон 3 августа публично заявил, что "посол Лейн продолжает пользоваться полным доверием правительства"⁴⁵. Лейн отозван не был.

Такое обострение польско-американских отношений обозначило начало нового этапа в политике Вашингтона.

Штутгартская речь Дж. Бирнса 6 сентября 1946 г. стала в глазах мирового общественного мнения поворотным пунктом в политике США в отношении Польши. Единодушно был отмечен представителями всех частей политического спектра, комментировавшими выступление госсекретаря 6 сентября, его необычайно доброжелательный для тех времен тон, когда речь шла о Германии. Декларировав, что "мир и благосостояние неразделимы, и наш мир и благосостояние не могут быть куплены ценой мира и благосостояния любого другого народа" [намек на то, что страны, пострадавшие от германской агрессии, не могут рассчитывать на получение репараций. — А. П.], Бирнс констатировал: "Силы безопасности, вероятно, должны остаться в Германии на длительный период. Мы не выводим [войска. — А. П.]. Мы останемся здесь в качестве части сил безопасности"⁴⁶. Польского вопроса прямо касался тезис госсекретаря: "Наступило время определить границы новой Германии". Апеллируя к решениям Потсдамской конференции, Бирнс подчеркнул, что "главы государств не согласились при заключении мира на захват какой-либо определенной территории", а вопрос о польской границе на Севере и Западе остается открытым⁴⁷.

В решениях Ялтинской конференции содержалась фраза, которая

гласила "... окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции". Однако зафиксировав в потсдамских соглашениях, что должно быть предпринято перемещение в Германию немецкого населения или части его, оставшегося в Польше, руководители трех держав окончательно решили вопрос о западной границе, поскольку невозможно было бы осуществлять репатриацию населения с территорий, государственная принадлежность которых не определена. В самом соглашении о высылении заключалось признание суверенитета Польши над землями вплоть до Одера и Нейсе⁴⁸. Речь Бирнса в Штутгарте польский народ воспринял как предательство со стороны Соединенных Штатов, удар в спину перед лицом германского милитаризма, который возродившись вновь будет угрожать геноцидом полякам.

Вице-консул США в Кракове считал речь главы внешнеполитического ведомства неприемлемой по трем причинам: 1) явные прогерманские симпатии; 2) несовместимость ее положений с тем, что Соединенные Штаты согласились с переселением немцев с западных земель; 3) ее главный результат — дальнейший рост влияния Советского Союза в Польше и упадок престижа США⁴⁹. Близкую точку зрения занял посол Лейн: "Престижу США нанесен урон в глазах польского народа, чья дружба была столь важна для нас в прошлом [имелась в виду не "дружба", а "санитарный кордон". — А.П.] и может стать решающим фактором в нашу пользу, в случае новой войны в Европе"⁵⁰.

Несмотря на попытки откреститься от антипольских шагов США, в глазах общественного мнения оппозиция однозначно идентифицировалась с ее американскими друзьями. Находившийся в Копенгагене на сессии ФАО С. Миколайчик в заявлении для прессы пытался протестовать против поисков "скрытого смысла" речи Бирнса. Он предостерегал от "неправильного толкования" выступления госсекретаря, т.е. по сути отмежевался от его антипольской направленности. Одновременно Миколайчик предпринял ряд антисоветских выпадов, привлекая внимание к судьбе 5 млн поляков, лишенных своих жилищ к востоку от линии Керзона⁵¹.

Подлинный характер действий лидера ПСЛ стал известен лишь много лет спустя — после обнародования соответствующих документов американского внешнеполитического ведомства. Обсуждая 27 сентября 1946 г. штутгартскую речь с глазу на глаз с Лейном, Миколайчик считал возможным заявить, что "хотя он и задет политический, но, с точки зрения общего воздействия на дипломатию, результаты ее не являются непоправимыми для польских интересов". Лидер ПСЛ не смог привести мало-мальских убедительных аргументов в поддержку своего пассажа, помимо того, что штутгартская речь Бирнса не понравилась Сталину и Молотову — и этого достаточно, чтобы считать ее "отвечающей интересам Польши"⁵². В конце октября в беседе с сотрудниками американского посольства Миколайчик утверждал, вопреки действительному положению вещей: "теперь, по прошествии некоторого времени, в отно-

шении штутгартской речи госсекретаря можно сказать определенно — поляки по-настоящему понимают нашу дружбу (...). Многие чувствуют, что действительной целью речи было поместить "русских за стену" и заставить их точно обозначить, кому они намереваются помогать — полякам или немцам"⁵³. Миколайчик настаивал, чтобы США почаще обращались к ялтинским решениям — "любые заявления, в которых правительство США повторит о решимости придерживаться ялтинских соглашений, окажут исключительно важное и полезное воздействие на народ Польши"⁵⁴. Апеллируя к "духу Ялты", Миколайчик был готов предать польские национальные интересы. Понимая, почва в стране уходит из-под ног, Миколайчик все надежды накануне выборов связывал с иностранной военной интервенцией.

Важнейшим событием в политическом развитии Польши должны были стать первые выборы в высший законодательный орган власти — Сейм. ППР выдвинула в начале 1946 г. план, согласно которому "демократические партии" должны выступить единым избирательным списком, предварительно установив принцип распределения мандатов. США категорически отвергали идею "единого списка", о чем заявили министру польского правительства Я.Станчику⁵⁵.

Сохранив в пропагандистском багаже требование международного контроля за проведением выборов в Польше, Вашингтон отдавал себе отчет в его нереальности, поскольку ни польское, ни советское правительство не согласятся на это. С приближением выборов Миколайчик выдвинул идею бойкота, сопровождающегося отказом его сторонников платить налоги и поставлять сельскохозяйственную продукцию. В условиях создавшегося хаоса и гражданской войны Запад должен предпринять вооруженную интервенцию. 9 июля 1946 г. в беседе с Лейном Миколайчик заявил, что он "внимательно изучил ситуацию, и, несомненно, результатом будет гражданская война". Даже в глазах американского посла позиция лидера ПСЛ отдавала авантюризмом, что он довел до сведения госдепа⁵⁶.

В преддверии выборов американская администрация пыталась оказать влияние на их исход путем давления на польское Временное правительство Национального единства, хотя уже в марте 1946 г. Лейн пришел к выводу: политические шансы Миколайчика и его партии в Польше равны нулю⁵⁷. 19 августа и 22 ноября польскому правительству направлены официальные ноты с требованием позволить "свободное выражение воли польского народа", оставленные без ответа⁵⁸.

За месяц до выборов Миколайчик прямо апеллировал к державам — участникам Ялтинских соглашений с требованием вмешаться в их проведение, изложенном в меморандуме. Этот многословный документ (21 стр. с 26-ю прилож.) должен был доказать невозможность свободных выборов в Польше. Западные державы согласились с лидером ПСЛ.

5 января администрация Трумэна обратилась к правительствам Ве-

ликобритании и Советского Союза с тем, чтобы "привлечь их внимание к ситуации в Польше... в надежде, что они присоединятся к правительству Соединенных Штатов в его подходе к польскому Временному правительству Национального единства". Конечно, американская администрация не рассчитывала, что правительство СССР направит свои усилия на обеспечение победы на выборах в Польше антисоциалистических сил. Цель демарша дипломатии Трумэна состояла в другом — представить Советский Союз нарушителем ялтинских и потсдамских договоренностей, а себя — "хранителями духа Ялты"⁵⁹. 9 января, в следующей ноте польскому правительству, Соединенные Штаты, не сомневаясь в неблагоприятном для оппозиции исходе выборов, потребовали от Временного правительства немедленно прекратить репрессивные акты⁶⁰. Разумеется, Сталин отверг идею выборов под международным контролем, выступив в роли блюстителя польского суверенитета. Во многих других случаях он своими действиями напроочь отметал само право на существование понятия "суверенитет".

19 января 1947 г. состоялись выборы в Сейм. Лозунг бойкота, выдвинутый ПСЛ в ряде округов, почти не нашел сторонников. В результате Демократический блок обеспечил себе 392 места в Сейме, СП — 12, ПСЛ — 28, отколовшееся от него ПСЛ — "нове вызволене" — 8, независимые католики — 3⁶¹. Политические планы оппозиции потерпели полный крах. После выборов "Миколайчик и ПСЛ перестали существовать как независимая сила... Миколайчик превратился в символ ошибочной преданности Западу"⁶². Американский исследователь С. Шарп считает, что "поскольку американский посол в Польше открыто идентифицировал себя с делом Миколайчика, его провал [на выборах. — А.П.] поставил под угрозу престиж Соединенных Штатов"⁶³.

20 января 1947 г. госдепартамент уполномочил Лейна немедленно выступить с решительным устным протестом в адрес польского правительства в связи с результатами выборов. Послу вменялось ожидать дальнейших инструкций, касающихся экономических санкций против Польши⁶⁴.

В своем донесении Маршаллу от 23 января Лейн назвал основную причину неудовлетворенности американской дипломатии — тот факт, что Польша окончательно выбыла из сферы политического влияния западных держав. Впрочем, это было предопределено решениями держав — победителей, принятыми еще весной—летом 1945 г. "Эйн предлагал его лично отозвать из Польши, "поскольку, исходя из любых практических соображений, его миссия исчерпана", но не разрывая дипломатических отношений с Варшавой, поскольку это в интересах коммунистов"⁶⁵.

Курс США в ситуации, сложившейся в Польше после выборов, предлагался Дж. Хикерсоном в меморандуме от 25 января. Основная идея состояла в том, чтобы, не признавая законность выборов в Сейм, продолжить рассматривать польское правительство как временное⁶⁶.

Это экстремистское предложение, ввиду недостаточной практичности (по сути из него следовало лишь сокращение дипломатического присутствия США в Польше), принято не было. Однако программа экономических санкций реализовывалась в дальнейшем в полной мере. Основной расчет американской дипломатии состоял в том, что "США останутся великой державой без дружбы с польским правительством, но сомнительно, что Польша сможет процветать без поддержки Соединенных Штатов"⁶⁷. 28 января, не дожидаясь официального сообщения об итогах выборов в польский Сейм, вашингтонская администрация заявила, что не признает их⁶⁸.

Принимая верительные грамоты нового польского посла в Вашингтоне 4 февраля, президент Трумэн в резкой форме заявил: "Моя точка зрения и таковая всего американского народа: выборы в Польше не были свободными"⁶⁹. Намекнув, что Польша утратила суверенитет в результате "раздела земель победителями, что не ведет к миру", Трумэн вызывающе прервал аудиенцию. Впервые в практике контактов с представителями других стран президент позволил себе подобное поведение⁷⁰.

Лейн не почтил своим присутствием торжественную сессию, которой открывалась работа Сейма. Этот недружественный акт свидетельствовал — посол намеревается покинуть страну. В ходе встречи с Лейном 14 февраля кардинал Хлонд высказал понимание мотивов, по которым принято такое решение. Кардинал отказал Б.Беруту в просьбе участвовать в торжественной мессе в кафедральном соборе по случаю победы Демократического блока на выборах, объяснив, что "церковь не желает принимать какое-либо участие в политике". И в подтверждение того, насколько последовательно верхушка польского клира придерживается этого принципа, безотлагательно передал американскому послу конфиденциальную информацию о "трудностях экономической ситуации в СССР, особенно в сельском хозяйстве, что сделает невозможным оказание советским правительством какой-либо помощи Польше". Хлонд сделал вывод: поэтому польское правительство "приложит усилия для культивирования дружеских отношений с правительством США"⁷¹.

Такой ход событий ни в коей мере не устраивал Лейна. Подрыву нормальных отношений с Варшавой, не говоря уже о "теплых", он посвятил все свои силы. 18 февраля состоялась встреча Лейна с Миколайчиком — первая после выборов, и последняя — на польской земле. Лейн выразил восхищение "отвагой, с которой м-р Миколайчик продолжительное время борется за польскую свободу, мужеством, показанным им самим фактом пребывания в Польше"⁷².

Вопрос о том, нужен ли Миколайчик Соединенным Штатам в Польше, или он исчерпал свою роль, решался совсем непросто. Месяцем раньше, 18 января Лейн доложил в госдеп, что Миколайчику угрожает арест и суд по обвинению в измене. Посол подчеркнул, что "мы несем

более, нежели просто человеческую ответственность за то, чтобы уберечь его [Миколайчика. — А.П.] от судьбы Михайловича”*. Сотрудник отдела Восточной Европы Б.Эльбрик в докладной записке, направленной его заму Томпсону и руководителю европейского управления госдепа Маттеусу предлагал сообщить Миколайчику, что в случае опасности он получит убежище в посольстве США в Варшаве. Резолюция на записке, раскрывающая отношение руководства госдепа к лидеру польской оппозиции гласила: “Не думаю, что нам следует заранее выходить на Миколайчика по этому вопросу. Это может быть истолковано им как приглашение и поставит нас в неловкое положение в том смысле, что придется предоставить ему политическое убежище. У нас должна сохраниться свобода рук, возможность заявить, что мы его не обнадеживали. Мы не одобрим какого-либо предпринятого им конкретного шага, который побудит его просить политического убежища”⁷³.

Этих инструкций придерживался Лейн в упомянутой выше беседе. Только когда западные дипломаты окончательно убедились — Миколайчик в Польше как политическая фигура и информатор больше не представляет ценности, в конце октября 1947 г. было организовано его бегство из страны⁷⁴.

На встрече с первым секретарем посольства США Дж.Эндрюсом 10 января 1947 г. епископ, заверив, что он “в принципе не может придерживаться нейтралитета в политике, поскольку сильно привержен свободе и поэтому является открытым противником коммунизма”, несколько раз повторил: “нет надежды для Польши, Румынии, Югославии, Болгарии и Венгрии без войны США и Великобритании против Советской России” и заметил, что “Советская Россия вынудит их начать войну”⁷⁵. Взгляды Качмарека показательны в том отношении, насколько обострилась к тому времени конфронтация по линии Восток — Запад. Немалую роль в этом играли события в Польше.

Американская дипломатия не случайно обращалась к католической церкви — ввиду неизбежного поражения вооруженного подполья (за годы с которым арестовали и осудили примерно 60 священников), она представлялась им в будущем единственной реальной силой в польском обществе, оппозиционной социалистическому строю. Взаимоотношения с католической церковью в американском посольстве (наряду с другими сотрудниками) занимался военный атташе полковник Т.Беттс.

Исходя из простейшей калькуляции (95 % поляков — католики, религиозные службы отправляются во всех армейских подразделениях и т.п.), они рассматривали католическое духовенство как массовую опору в борьбе против социализма в Польше. Беттс писал: “преобладающее большинство паствы готово беспрекословно выполнять распоряжения своих пастырей”. В каком направлении будет подталкивать наружающих церковь, по расчетам американских дипломатов, явствует

* О судьбе Дражи Михайловича см. гл. 5 данной книги.

из следующего: "... возможности для открытого вооруженного восстания миновали. Скрытая и пассивная оппозиция все еще возможна в достаточных масштабах, чтобы нарушить тщательно сбалансированную и взаимосвязанную структуру политической, экономической и социальной политики"⁷⁶.

О том, насколько большое значение придавалось конфликту церкви с государством в Польше, свидетельствует и другой документ, подготовленный временным поверенным в делах США в Польше — Э. Крокером: "... маловероятно, чтобы условия заставили церковь развязать полномасштабное сражение в ближайшем будущем. Но церковь ввяжется в такую отчаянную борьбу с меньшей неохотой, чем на это пойдет правительство"⁷⁷. Признавая, что не правительство является инициатором конфликта с церковью (это противоречило тезису западной пропаганды), американская дипломатия считала — в интересах Соединенных Штатов обострение конфликта.

В числе антипольских мер, последовавших за победой на выборах Демократического блока, особенно чувствительным ударом по польскому населению стало полное прекращение продовольственной помощи официальным Вашингтоном 23 июня 1947 г. Этот недружественный акт объяснялся не политическими мотивами, а заключением личного посланника госсекретаря, специального помощника министра сельского хозяйства США полковника Харрисона. Он указал в своем докладе "о достаточном уровне обеспеченности населения продовольствием". Вступая в противоречие с неоднократными заявлениями Вашингтона о неэффективности режимов в странах Восточной Европы, Харрисон свидетельствовал по результатам своего четырехдневного визита в страну: "Общее здоровье польского народа представляется хорошим, их дух отличный [в то же время американское посольство неизменно констатировало апатию и равнодушие поляков. — А.П.] и их способность к труду гораздо выше средней"⁷⁸. То, что правительство Польши добилось неплохих результатов в деле восстановления хозяйства, с точки зрения Вашингтона, не служило аргументом в его пользу.

После шестимесячного пребывания в Польше, в ноябре 1947 г. новый посол США С. Гриффис обратился к верхушке американского внешнеполитического истеблишмента — президенту Г. Трумэну, госсекретарю Дж. Маршаллу, министру обороны Дж. Форрестолу, министру торговли А. Гарриману, сенатору А. Ванденбергу, зам. госсекретаря Р. Ловетту — с реалистичным анализом состояния американско-польских отношений и их развития в связи с изменениями общественно-политической ситуации в Польше. В числе причин "почти постоянного ухудшения польско-американских отношений" посол указал неучастие Польши в Парижской конференции; т.е. отказ вступить в программу "план Маршалла"; исключение Польши из американской правительственной программы экономической помощи; лишение поставок зерна; политику США в отношении Германии [которую поляки справед-

ливо расценивали как угрозу своим национальным интересам. — А.П.].

Роль американского посольства, в условиях "исчезновения после бегства Миколайчика последнего следа легальной оппозиции" и консолидации общества благодаря деятельности правительства, "совершающего действительно великолепное дело экономического контроля, развития и организации в общенациональном масштабе"⁷⁹, Гриффис видел в: а) использовании его как символа неистребимой американской дружбы с польским народом и наблюдательного пункта; б) сохранения консульской службы для защиты интересов американских граждан [речь шла в основном о поляках, претендовавших на американское гражданство, по признанию посла, в большинстве случаев без каких-либо на то юридических оснований. — А.П.]; в) "предотвращении опасных инцидентов" [связанных с разоблачением связей американских дипломатов с подпольем. — А.П.]; г) обеспечении наилучших политических донесений"; д) "улучшении невыносимых бытовых условий персонала" посольства⁸⁰.

Гриффис верно считал, что поле маневра американской дипломатии в Польше весьма ограничено, с одной стороны — политикой "крестового похода против коммунизма" вашингтонской администрации, с другой — политической и экономической консолидацией в стране.

Логика "крестового похода" заставляла американцев обращаться к сохранившимся в Польше остаткам подполья, утратившего характер политического движения, превратившегося в группы террористов, совершавшие лишённые какого-либо смысла акции. Консультантом выступал все тот же Миколайчик, хотя его позиции в среде эмиграции на Западе были весьма шаткими.

В беседе с сотрудником европейского отдела госдепа Б.Эльбриком 20 января 1948 г., он заявил: "Хотя программа европейского восстановления имеет жизненно важное значение ... и подготовит почву для неизбежного искоренения коммунизма в Восточной Европе, — это только первый из необходимых шагов... Западные державы должны дополнить план Маршалла активной инфильтрацией в страны Восточной Европы"⁸¹. В этой связи он напомнил, что нацистское правительство Германии внедряло агентов даже в Сибири задолго до начала второй мировой войны⁸².

Направленный в госдепартамент аппаратом политического советника США в Германии, подготовленный армейской разведкой США, доклад о польском подполье (ноябрь 1948 г.) свидетельствовал — в планы Вашингтона не входила нормализация ситуации в Польше, исследовался сохранившийся потенциал подполья⁸³. Ряд документов⁸⁴ показывает надуманность выдвигавшегося американской дипломатией тезиса: якобы она играла роль фактора "удерживавшего" подполье от экстремистских террористических актов в рассматриваемый период.

В действительности дипломаты США стремились отмежеваться от связей с подпольем в глазах общественного мнения.

Можно согласиться с тем, как американский исследователь П.Вандыч описывает ситуацию и широкий контекст влияния революции в Польше на внешнюю политику США: "Прямые политические, дипломатические и экономические сношения между Соединенными Штатами и Польшей сократились после 1947 г. до совершенно незначительных. В то же время польский вопрос придал новое измерение американской внешней политике ... "Пятнадцать недель" 1947 г. стали свидетелем рождения доктрины Трумэна в марте, плана Маршалла в июне и расцвета концепции сдерживания, обнародованной в статье Кеннана в июньском номере "Форин афферс"⁸⁵.

Согласно политическому заявлению госдепартамента "Польша" (1949 г.) "долговременной целью политики США в отношении Польши является уничтожение коммунистического контроля над страной"⁸⁶. Авторы заявления в качестве непосредственной задачи декларируют: "Наша политика должна способствовать срыву польских коммунистических планов развития экономики. Применение ограничений на экспорт в Польшу [введены в марте 1948 г. — А.П.] лишит ее возможности получать важнейшее оборудование, недоступное для приобретения в другом месте и необходимое для осуществления амбициозных планов индустриализации". К американской торгово-экономической блокаде должны были добровольно подключиться западно-европейские страны "по соображениям национальной безопасности". Пытаясь увеличить таким образом экономические трудности, понизить и без того чрезвычайно низкий вследствие ущерба, нанесенного войной и оккупацией фашистами Польши, уровень жизни поляков американские политики тем не менее претендовали на репутацию подлинного друга польского народа: "неотложной целью является демонстрация того, что США интересуются и думают о польском народе".

В отношении Польши реализовывалась концепция "двойной дипломатии", предусматривающая различия между польским народом и польским правительством. "Наши усилия направлены на содействие народу Польши..., в выборе представительного правительства, отражающего национальные интересы"⁸⁷. Таким образом, Вашингтон присваивал прерогативу в определении "польских национальных интересов".

ГЛАВА 3

РЕАКЦИЯ США НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН — БЫВШИХ СОЮЗНИЦ ГЕРМАНИИ

Особенности политической обстановки в Болгарии, Румынии, Венгрии, втиснутых правившими в них кликами в войну на стороне гитлеровской Германии, определялись тем, что в них после освобождения Советский Союз осуществлял практически полный контроль во всех сферах развития. Сталинская модель социализма навязывалась откровенно и грубо. Своей задачей автор поставил — осветить малоизвестные моменты политики США, не затрагивая проблем, решавшихся на международных форумах, а также в таких специфических органах, как Союзные контрольные комиссии (СКК).

Прибывший в Софию 19 ноября 1944 г. политический представитель США М. Барнс в целом верно оценил смысл происходящего в Болгарии. В апреле 1945 г. он отмечал: "С 1944 г. мы проходим болгарскую версию того, что началось в России в ноябре 1917 г. (...) Революция и разгаре"¹.

Весной 1945 г. вашингтонская администрация потребовала от своих представителей в стране резкой активизации деятельности по сбору разведанных как о политической активности коммунистов на местах, так и о гражданских и военных акциях Советской Армии в Болгарии, "представляющей потенциальную опасность для интересов Запада в Греции и Турции"².

Накануне Потсдамской конференции М. Барнс писал своему начальству в госдеп, что опыт семи месяцев в Софии привел его к выводу: советские цели на Балканах включают "использование Болгарии как ступени на пути к захвату и удержанию контроля над Дарданеллами и... использование Болгарии и Югославии для обеспечения доступа к Средиземноморью"³. Это алармистское заявление вскоре было подтверждено сообщением — советские военные рассчитывают через Болгарию обеспечить навязывание своей воли в проливах⁴.

Реакция Вашингтона выразилась в действиях разведки, во многом обеспечивающей связями с политической оппозицией (в первую очередь, демократической) в Болгарии⁵.

В одной из бесед с руководителями СКК С.С. Бирюзовым и А.И. Чернышовым М. Барнс назвал болгарских оппозиционеров "политическими проститутками". "Они, — говорил Барнс, — судьбой Болгарии совершенно не интересуются и смотрят на нас с немым вопросом: "Сколько дадите?"⁶. Столь неллицеприятная оценка не помешала М. Барнсу при-

нять самое непосредственное участие в спасении наиболее видной фигуры оппозиции — лидера аграриев д-ва Г.М. Димитрова (Гемето).

24 мая 1945 г. отстраненный от руководства БЗНС Гемето скрылся из-под домашнего ареста и нашел убежище в резиденции М.Барнса, где пребывал более трех месяцев. В результате затяжных переговоров по этому поводу болгарское правительство уступило требованиям Вашингтона и согласилось разрешить выезд Гемето в Италию в сопровождении американского представителя Барнса. Гемето прибыл на итальянскую территорию 5 сентября 1945 г.

Регулярно встречаясь с лидерами оппозиции — членом регентского совета В.Ганевым и пришедшим на смену Гемето Н.Петковым, М.Барнс был глубоко вовлечен в ее дела. Так, в ходе секретной встречи в конце июля Петков настаивал на прямом вмешательстве США по вопросу о проведении выборов, мотивируя его необходимость тем, что если Вашингтон немедленно не выступит с требованием международного контроля и отказа от "единого списка", многие колеблющиеся антикоммунисты изменят свою позицию в пользу предложений Отечественного фронта. Барнс выступал в качестве ходатая перед Вашингтоном о необходимости такого вмешательства⁷.

О взглядах М.Барнса на международные отношения в послевоенном мире красноречиво свидетельствует терминология, которой он пользовался, обращаясь к госсекретарю Дж.Бирнсу летом 1945 г.: "Если мы занимаемся игрой в покер в мировых делах, а я допускаю, что это так, то мы должны играть в полную меру своих способностей. Я верю, что у нас больше монет, чем у кого-либо за столом. Обстоятельства в регионе требуют, чтобы мы держали карты закрытыми, но в удобный момент сделали ставки"⁸. Свой ход американская дипломатия осуществила, когда встал вопрос о выборах в Болгарии.

По согласованию с американскими дипломатами Петков сделал все от него зависящее, чтобы углубить политический кризис, связанный с подготовкой к проведению выборов в стране, требуя их отложить⁹. Маневрам оппозиции и ее западных покровителей способствовали некоторые члены болгарского правительства. Министр иностранных дел Болгарии П.Стайнов оказывал американским дипломатам услуги, явно несовместимые с его постом. В апреле 1945 г. он конфиденциально заверил американцев, что хотя сам не в силах помешать коммунистам, стремившимся поскорее провести выборы в стране, но делает все возможное, чтобы способствовать усилиям других добиться этой цели¹⁰. Вероятно, именно Стайнов передал 20 августа 1945 г. Барнсу копию секретного бюллетеня, содержащую информацию от болгарского представителя в Лондоне¹¹. Эта информация помогла западной дипломатии провести успешный демарш, который привел к тому, что выборы, первоначально намеченные на 25 августа, пришлось отложить.

Перенос выборов на 18 ноября 1945 г. дипломаты США сочли своей крупной победой, началом конца правящего режима. Определенные из-

менения в обстановке, уступки политической оппозиции говорили, казалось бы, в пользу этого вывода. Правительство Болгарии приступило к консультациям с американскими представителями в связи с выборами, объявило о ряде административных мероприятий, призванных обеспечить их свободный характер¹². Однако, как подтвердил далнейший ход событий, это оказалось не более чем тактическим отступлением.

Известные расхождения в оценке ситуации между американскими представителями на Балканах и госдепом привели к тому, что Дж. Бирнс направил в поездку по столицам Болгарии, Румынии и СССР своего "независимого личного представителя", редактора газеты "Луисвилл кьюррер джорнэл" М. Этриджа.

Как считает американский исследователь Д. Ерджин, причина миссии Этриджа состояла в следующем: "Бирнс был обеспокоен тем, что он плохо информирован представителями США на месте (...), он разделил некоторые из подозрений Рузвельта в отношении госдепартамента, считавшего его сотрудников слишком консервативными и излишне антисоветскими, и допускал, что дипломаты на местах на Балканах слишком глубоко вовлечены во внутривластные дела в этих странах"¹³. Последнее из утверждений Ерджина подтверждается фактами, в них вопрос о том, кто был консервативнее — госсекретарь или его ведомство, однозначно ответить, по-видимому, нельзя (как показано в гл. 1, нет оснований представлять госдепартамент 1945 г. неким консервативным монолитом, а годом позже сам госсекретарь явил миру немало примеров тому). Миссия Этриджа представляет интерес как образец "персональной дипломатии" госсекретаря, осуществляемой в обход собственного аппарата. Несомненно, Этридж (по характеристике Дж. Барнса, "выдающийся либерал") находился "левее центра" в спектре политических воззрений американского внешнеполитического истеблишмента.

В октябре 1945 г. Этридж в сопровождении сотрудника американской миссии К. Блэка прибыл с трехнедельным визитом в Болгарию, в ходе которого имел возможность побеседовать с 45-ю политическими лидерами, включая всех наиболее видных представителей правительства и оппозиции. По оценке Блэка, наиболее интересная беседа состоялась с Г. Димитровым, вернувшимся в Болгарию в начале ноября. Он заявил американским представителям, что "коммунисты не стремятся монополизировать политическую власть, и, напротив, хотят сотрудничать с другими партиями в рамках Отечественного фронта"¹⁴.

Выводы, к которым Этридж пришел после того, как собственными глазами увидел реальность революционной Болгарии, не расходились с точкой зрения госдепартамента на ее проблемы. При столкновении с действительностью либерализм Этриджа перестал чем-либо отличаться от консерватизма Барнса и его коллег. В своем донесении в госдеп (доставленного до сведения президента) Этридж, в частности, отмечал: "Если наша политика и нуждается в изменениях, то в сторону более сило-

вой. Мы должны настаивать со всей мощью на проведении свободных выборов... и отказываться признать результат любых других. Нужно добиться, чтобы оппозиция обладала свободой слова и печати. Эти простые вещи приведут к укреплению наших моральных и, следовательно, политических позиций. У нас много карт, я не вижу причин бояться их разыграть [не могут американцы обходиться без карточной терминологии в политике. — А.П.]. Есть немало шансов, что в Болгарии база правительства будет расширена до тех рамок, когда правительство устроит нас. На это могут понадобиться месяцы, но не следует ослаблять давление. Оба — и премьер-министр, и Г. Димитров — коммунистический лидер, дали обещания в этом направлении, которые будут выполнены, если мы будем нажимать”¹⁵.

3 января 1946 г. Н. Петков поставил в известность М. Барнса: оппозиция сохраняет единство и настаивает, чтобы министерство внутренних дел было “сдано” коммунистами, недавно избранная ассамблея распущена и проведены новые выборы по отдельным спискам (т.е. каждая из партий Ответственного фронта должна выступить самостоятельно)¹⁶. Эта попытка оппозиции переиграть проигранное на ноябрьских выборах политическое сражение путем угрозы вызвать политический кризис получила поддержку американской дипломатии¹⁷.

Весной 1946 г. США отказали Болгарии в кредите на 10 млн долл., прямо объяснив это решение политическими мотивами, а также “ее неуверенным финансовым положением, связанным с выполнением обязательств по репарациям”¹⁸.

Американские дипломаты в Софии расценили, что в результате выборов в Болгарии (октябрь 1946 г.) сложилась новая политическая ситуация, поскольку оппозиция получила достаточно весомое представительство в Великом Народном собрании (ВНС), которому предстояло принять новую конституцию. Барнс считал: в этих условиях продолжение политики дипломатического непризнания и отсутствие мирного договора с Болгарией противоречит американским интересам. Полностью идентифицируя позицию Соединенных Штатов и оппозиционных сил в стране, он отмечал, что следует оказывать давление на коммунистов вплоть до включения лидеров оппозиции в правительство, а “признание Соединенными Штатами Болгарского правительства облегчит проведение позитивной политики США, основывающейся на реальных действующих факторах внутривнутриполитической жизни страны”¹⁹.

20 января 1947 г. США заключили мирный договор с Болгарией²⁰. Этот акт совпал по времени со сменой хозяина в госдепе — на место Дж. Бирнса пришел Д. Маршалл. В феврале 1947 г., когда вопрос о дипломатическом признании Болгарии Соединенными Штатами уже был предрешен, М. Барнс обратился к госсекретарю с пространственным меморандумом о соображениях, которые следует принимать во внимание при разработке политики в отношении страны на будущее. Этот документ интересен уверенностью в том, что США “должны продолжать до

крайних пределов усилия в регионе, чтобы поддерживать надежду и дух подлинно демократических элементов Восточной Европы". Барнс считал наиболее эффективным орудием американской политики экономическое давление. Он предлагал: "Давайте оставим их самих расхлебывать кашу, которую они заварили". Расчет делался на то, что болгарскому народу не под силу реализация программ электрификации, ирригации, развития транспорта и индустриализации "без продукции западной промышленности и кредитов". Чтобы получить их, "коммунистическое правительство Болгарии будет вынуждено расширить свою политическую базу, или позорно провалиться. (...) Их единственная надежда путем обмана заставить нас и Запад в целом обеспечить их необходимыми средствами"²¹.

Комментируя меморандум Барнса, посол США в СССР У.Смит соглашался: "Реалистическая политика США может выглядеть грубой для болгар и народов других стран — сателлитов, но альтернатива ей [т.е. налаживание нормальных отношений. — А.П.] ухудшит перспективы для демократически ориентированных европейцев"²². Политические цели США требуют жесткого курса — в этом смысл замечания посла.

11 июня 1947 г. госдепартамент обнародовал заявление о нарушении прав человека в Болгарии в связи с арестом Н.Петкова, в котором утверждалось: "Лидер болгарской оппозиции пользуется глубокой симпатией в США, поскольку открыто борется за гражданские права в своей стране — принципы, одобренные в Ялте, которые положены в основу перемирия в Болгарии, закрепленного ст. 2 мирного договора"²³. Выступая по поводу ратификации мирного договора с Болгарией 14 июня, Труман обвинил болгарское правительство в том, что оно "не принимает во внимание большинство народа", "угнетает его". Единственная причина, по которой США все же пошли на утверждение договора, заявил он, — то, что за ним последует вывод советских войск из страны"²⁴.

В июне 1947 г., когда лидер оппозиции Петков был арестован и предан суду, М.Барнс пырвался вернуться в Софию, чтобы спасти его (в этому времени Барнс покинул пост полит. представителя США в Болгарии). 9 июня на совещании в госдепе, проходившем под председательством Д.Ачесона, такая миссия Барнса признана нецелесообразной²⁵. В сентябре поверенный в делах в Софии сообщил в госдеп, что миссии посещают болгарские граждане, связанные с оппозицией. Один из них назвал себя руководителем "секретного подпольного союза Н.Петкова", включающего около 6 тыс. членов. Он предложил американцам помочь в освобождении Петкова при перевозке из тюрьмы в суд и организации его бегства из страны. Однако американские дипломаты отказались участвовать в этом деле²⁶. 16 августа его приговорили к смертной казни, а 26-го ВНС приняло закон о запрещении группы Петкова и ликвидации ее парламентской фракции. Вопреки протестам США, 23 сентября Петков был повешен²⁷.

Американской дипломатией постоянно муссировались вопросы о

нарушениях условий мирного договора, прав человека, незаконной национализации американской собственности и т.д. представители США в Софии выдвинули тезис об "утрате Болгарией независимости"²⁸.

В течение 1948 г. происходит формирование нового, наступательно-го курса Соединенных Штатов в отношении Болгарии. Уже летом, в ходе обсуждения проекта политического документа, определяющего такой курс, официально поставлена цель — "трансформация или устранение существующего режима". Предлагалось развернуть антиправительственную деятельность, в перспективе способную "при изменившихся обстоятельствах" (если СССР не выполнит роль гаранта необратимости социалистических преобразований в стране) привести к ликвидации в Болгарии советской модели. "Организованное, получающее поддержку извне оппозиционное движение, с безопасной штаб-квартирой на территории соседней страны, способно возобновить эффективную подрывную деятельность, угрожающую последствиями везде в регионе советских сателлитов, эхом может отозваться даже в самом Советском Союзе"²⁹. Практически это планировалось следующим образом: учредить на территории Греции отделение Болгарского национального комитета (который в США возглавлял Гемето). Его первой задачей станет организация "подпольной железной дороги" для получения из Болгарии информации, переправки беженцев и передачи инструкций. В дальнейшем — "изменение тактики... поддержка прямых акций"³⁰.

21 февраля 1950 г. США разорвали дипломатические отношения с Болгарией. Перед этим (19 января) посольство НРБ в Вашингтоне представило в госдеп ноту, в которой посланник США в Болгарии Д.Хит объявлялся персоной нон грата в связи с якобы выявленными в ходе судебного процесса "шпионов и изменников во главе с Т.Костовым"* его связями с последним. Соединенные Штаты потребовали отозвать ноту. За отказом болгарской стороны выполнить требование последовало заявление о разрыве дипотношений³¹. Такова внешняя сторона дела. Однако события конца 1949 — начала 1950 г. были скорее поводом, нежели причиной этого шага Вашингтона (в ходе обсуждений в госдепе возникло предложение — не разрывать отношения, а ограничиться отзывом миссии)³².

Архивные документы, датируемые февралем 1948 г.³³, свидетельствуют, что идея разрыва отношений с Болгарией с целью продемонстрировать жесткость позиции США другим странам Восточной Европы появилась задолго до того, как Вашингтон пошел на него.

Обострение американо-болгарских противоречий предопределялось концептуальными основами политики США в отношении Болгарии, как они сформулированы в политическом заявлении "Болгария" от 1 июля

* Зам. премьер-министра, член Политбюро ЦК БКП Т.Костов, обвиненный без каких-либо оснований в "антигосударственной деятельности, измене, шпионаже и саботаже", казнен 16 декабря 1949 г.

1949 г.: препятствовать принятию НРБ в ООН; использовать мирный договор и Устав ООН для обвинений НРБ в нарушении их положений и прав человека; задерживать возвращение средств НРБ в банках США, использовать вместе с союзниками рычаги "торговой войны", требовать полной компенсации за национализированную собственность; развить широкую антиправительственную пропаганду среди населения Болгарии; сотрудничать с эмигрантскими организациями для поддержки эффективной оппозиции в болгарском народе и т.п. Принципиальной особенностью заявления было признание того, что "долговременная цель политики США в отношении Болгарии является частью таковой в отношении СССР"³⁴.

Почему Болгария стала единственной из стран Восточной Европы, с которой Соединенные Штаты пошли на разрыв дипломатических отношений? Поводы для трений у Вашингтона с другими странами региона, например, Польшей, были аналогичны или близки (создание условий, затрудняющих функционирование посольств и миссий, репрессии против обслуживающего персонала — граждан стран пребывания, обвинения в шпионаже и т.д.). Более того, инцидент с американскими самолетами, сбитыми над территорией Югославии, казался бы, давал куда больше оснований для такого шага, чем объявление посланника Соединенных Штатов персоной нон грата. Конечно, нужно учитывать момент, когда Вашингтон пошел на разрыв с Софией — к этому времени во всех странах Восточной Европы в полной мере реализовалась сталинская модель, а сама политика США в отношении региона приобрела цельный характер, ее главный инструмент — блок НАТО — создан в 1949 г. Решающим обстоятельством, на наш взгляд, стала близость позиций НРБ к таковым СССР — наибольшая (учитывая традиционные исторические связи народов) по сравнению с другими восточноевропейскими странами. На решение Вашингтона, несомненно, повлияло и то, что, по оценке американских стратегов, Болгария не играла столь важной роли в общеевропейском балансе сил, как например, Польша. Разрыв дипломатических отношений с Болгарией укладывался и в рамки "новой югославской" политики США (речь о ней пойдет ниже), ввиду югославо-болгарских трений в тот период. Однако в целом разрыв отношений с Болгарией вряд ли послужил интересам Вашингтона**.

Обратившись к проблемам политики США в Румынии, автор счел возможным ограничиться рассмотрением планов американской дипломатии, поскольку, с одной стороны, важнейшие события политической истории американско-румынских отношений достаточно полно освещены в исследовании А.А. Язьковой³⁵. Добавить какие-либо факты, способ-

* С Албанией США дипломатические отношения не устанавливали.

** Подписаны в 1960 г. В 1963 г. США и Болгария подписали соглашение о полном удовлетворении имущественных претензий, а в 1966 г. установили отношения на уровне посольств, т.е. в полном объеме.

ные существенно изменить созданную ею картину событий, невозможно. С другой, — аналитическая работа госдепартамента в формировании политики относительно Румынии (единственной из стран Восточной Европы, затрагиваемых в данной книге) прослеживается не только по "конечному продукту" — политическим заявлениям "Румыния" от 1947 и 1949 гг., но и в процессе взаимодействия Вашингтона с его представителями в заграничной службе, дипломатии на месте — в Бухаресте*.

В комментарии по поводу политического заявления госдепартамента "Румыния", направленного ему из Вашингтона 23 апреля 1946 г. политический представитель США в Бухаресте Б. Берри утверждал, что правительство Румынии "не является таковым в привычном нам смысле — это орган, созданный и поддерживаемый в функционирующем виде для выполнения специфической задачи — обеспечивать фасад для СКК, которая в свою очередь прикрывает [румынскую — А.П.] коммунистическую партию"³⁶. Расправившись таким образом с правомочностью румынского правительства, американский дипломат назвал Румынию "латинским островом в славянском море", — а поэтому "благоприятной почвой для прорастания семян западной демократии, в то время как семена коммунизма зачухнут"³⁷. Принципиально важным для того, чтобы этот процесс развивался, признавалось — добиваться вывода советских войск (который последовал бы за заключением мирного договора США с Румынией). Так косвенным путем вынудив Соединенные Штаты пойти на подписание и ратификацию мирного договора, Советский Союз лишил Вашингтон средства давления, способствовал нормализации международного положения Румынии, как и других стран Восточной Европы — бывших сателлитов гитлеровской Германии.

Повышение эффективности американской политики в отношении Румынии, по мнению Берри требовало неотложных мер по двум направлениям. Во-первых, координация усилий американских представителей в Бухаресте и собственно госдепартамента в Вашингтоне. Берри приводил ряд примеров своих запросов в госдеп по экономическим и культурным вопросам, на которые так и не получил ответа. И дело тут не в бюрократических процедурах (хотя госдеп относится к числу наиболее пораженных бюрократизмом вашингтонских ведомств)³⁸ — попросту сотрудники не знали, что предпринять по конкретной проблеме. Документов общего характера, которыми они могли бы руководствоваться во всех случаях, в 1946 г. еще не было. Со своей стороны сотрудники региональных отделов не считали возможным по упомянутым вопросам выходить на уровень руководства и не решали их сами. Ука-

* Политические заявления обобщающего характера подготавливались в госдепе с лета 1946 г. Периодически они обновлялись. По большинству стран Восточной Европы доступны за 1949 г. Только по Румынии автору удалось обнаружить в национальном архиве "комментарии с мест". Остальные "политические заявления" можно изучать как госдеповские директивы его представительству — без "обратной связи".

линии здесь особенность не принадлежала только политике США в отношении Румынии — она просматривается по многим проблемам, каковыми практически всех стран региона. Это не могло не выводить из себя сотрудников заграничной службы "на местах".

Данная ситуация нашла отражение и во втором предложении Берри — "быстрее реагировать на местные действия". В Румынии, как и в других странах Восточной Европы, развитие происходило в условиях столь быстрой смены ситуаций, события нарастали с такой скоростью и непредвиденностью, что Вашингтон не успевал реагировать на них — так, как того желали бы американские представители "на местах". Неспособные осознать необратимый характер того, что происходило на их глазах, американские дипломаты предавались самообману, когда, подобно Берри, считали: "Румынское правительство бестактно рвется вперед, посягает на американские права, но колеблется и порой отступает, когда наталкивается на сильный своевременный отпор"³⁹. При всей искусственности в тактических вопросах, американская дипломатия была склонна принимать свои временные успехи за коренной поворот в развитии событий в стране пребывания.

Основная функция, возлагавшаяся на политическое заявление "Румыния", как и аналогичные документы по другим странам Восточной Европы — придать дипломатии прозорливость, способность разобраться в перспективах политической борьбы и тенденциях социально-экономической жизни и, исходя из этого, оказывать влияние в желательном для Соединенных Штатов направлении, им не выполнялась. Так, обратившись к политическому заявлению "Румыния" от 22 мая 1947 г., т.е. к его второму варианту, откорректированному с учетом замечаний дипломатов "в мест", обнаружим, что "современная политика США в отношении Румынии направлена на предотвращение установления полного советского контроля над этой страной"⁴⁰. Обозначив таким путем подлинный характер румынской политики задачам конфронтации с СССР, господские теоретики расписались в провале собственной политики: "Наши усилия с момента окончания войны — осуществить политическую и экономическую реконструкцию Румынии на демократических основах, потерпели провал"⁴¹. В обозримом будущем, — продолжали авторы заявления, — достичь этой цели трудно, "но будут продолжены усилия по реализации долгосрочной задачи — вовлечь демократическую независимую Румынию в семью миролюбивых наций, а Соединенным Штатам получить равенство возможностей" в стране"⁴².

Весной 1947 г. американская дипломатия делала ставку на оппозицию ("демократические силы"), "активно, но все менее эффективно противостоящую коммунистической диктатуре". Вывод: "продолжать оказывать всю доступную политическую поддержку этим элементам". Планируя установить дипломатические отношения с Румынией, США стремились использовать их для "развития румынской независимости"⁴³.

Политическое заявление "Румыния" от 14 января 1949 г. с полным основанием можно назвать первой развернутой полномасштабной программой румынской политики Вашингтона⁴⁴. Ее характерные черты, как, впрочем, и основные слабости, рельефно выявляются при анализе комментария, подготовленного миссией США в Бухаресте и некоторых других документов.

Цели политики США в отношении Румынии ставились: а) конечные (долгосрочные); б) непосредственные (краткосрочные). В числе первых обозначены:

1) возрождение "подлинно независимого статуса Румынии", включая ее "свободу поведения в отношениях с другими странами". Прежде всего эта "свобода" предполагала переориентацию страны на Запад;

2) "политическая и экономическая интеграция в стабильное и миролюбивое Балканское сообщество одинаково свободных государств" (известно, что для Греции и Турции предназначалось в этой связи "доктриной Трумэна"), а также в "хорошо координируемое (видимо, с помощью военного блока — о создании НАТО было объявлено почти одновременно с данным заявлением) европейское сообщество и мировое сообщество наций"⁴⁵. "С точки зрения США, — подчеркивалось в заявлении, — дунайская или восточноевропейская федерация, служащая конструктивным целям [американских политиков, которые не отказались от идеи создания неких искусственных межгосударственных новообразований. — А.П.] и смягчающая националистическое соперничество должна возникнуть снизу, как утверждение воли крестьянского населения"⁴⁶;

3) "возрождение" в стране "режима", основывающегося на законе, а не произволе властей или диктаторском правительстве". В этой формуле привлекает внимание тезис о "возрождении". Не монархо-фашистский ли режим имели в виду теоретики госдепа в качестве образца "уважающего закон", а также "права человека и фундаментальные свободы"?

4) предоставление румынским гражданам возможности "свободно участвовать в политической деятельности и избрать представительное правительство в соответствии со своей волей"⁴⁷;

5) "здоровая, развивающаяся румынская экономика, включающая активное широкое распространение коммерческих связей" (США в это время уже приняли меры, чтобы не только прервать свои экономические связи со странами Восточной Европы, но организовать их экономическую блокаду Западом)⁴⁸ и "утверждение американских интересов"⁴⁹. Насчет того, что последнее всегда превалировало во внешней политике Вашингтона, сомнений не возникает.

Непосредственные цели американской политики предполагали: защитить, насколько возможно, престиж США против систематических

* Здесь очевидно влияние на госдеповских теоретиков взглядов Г.Димитрова (Гемето). — см.: гл. 6.

попыток румынских властей нанести ему урон — имелись в виду прежде всего процессы по "делам американских шпионов" в Румынии; добиваться соблюдения Румынией условий мирного договора — нарушение его — основной тезис в пропагандистской кампании, которая должна была "поддержать дух большинства румынского народа... его к ру в ценности Западной цивилизации путем поощрения демократических устремлений, доказывая американскую заинтересованность в их благополучии"; вдохновлять румын на "пассивное (до поры скрытое) сопротивление тоталитарной системе и коммунистической идеологии"; развитие торговли с Румынией под контролем, способным предотвратить "существенное укрепление военного потенциала СССР или Румынии"⁴⁸ (такой контроль привел к полному свертыванию торговли).

Американские коммерческие интересы и собственность пострадали в результате мер, принятых румынским правительством. "Его действия не вызывают сомнений — оно намеревается исключить из румынской экономики западные интересы, если не все частные". Многие американские владельцы, в первую очередь Стандарт Ойл, пострадали от национализации, — гласило заявление. Закон о национализации от июня 1948 г., по мнению госдепа, "не обеспечивал адекватной компенсации". Госдепартамент рекомендовал: а) продолжать удерживать находившиеся с 1940 г. в США блокированные ценности Румынии; б) не предоставлять ей никаких государственных кредитов, т.е. продолжать в этом вопросе политику, проводившуюся с момента заключения перемирия; в) препятствовать каким-либо частным кредитам Румынии; г) жесткий контроль над экспортом в Румынию, запрет на поставки промышленного оборудования; д) подключение к "торговой блокаде" других западных держав⁴⁹.

Перспективы американской политики госдепартамент усматривал в "равновесии Востока", т.е. единства социалистических стран. Особые надежды в этом плане возлагались на территориальные конфликты Румынии с ее соседями — Болгарией (по вопросу принадлежности Южной Добруджи) и Венгрией (по проблеме Трансильвании), способные послужить "источником постоянных трений на длительный период". Авторы заявления отмечали, что в тот момент отношения Румынии с "новыми демократическими" правительствами Венгрии и Болгарии, как и Польши и Чехословакии, были "нарочито сердечными". Такие же отношения существовали между Румынией и Югославией "до разрыва Каминформы с маршалом Тито", в котором румынский министр иностранных дел играл ведущую роль". Задача американской политики — "активно использовать этот разрыв в целях США"⁵⁰.

Рассматривая альтернативные сценарии политического развития Румынии, к реализации которых Вашингтон готов приложить руку, планировавшая политика исключала возможность укрепления социали-

⁴⁸ Подробное описание конфликта Югославии с социалистическими странами на внешнеполитическом уровне Вашингтона рассматривается в гл. 5.

стического строя, как чего-то навязанного извне, глубоко чуждого устремлениям румынского народа. Антисоциалистические силы, как считали в Вашингтоне, способны к контрреволюционному выступлению под антисемитскими, "ультра-националистическими, правыми лозунгами железногвардейцев"⁵¹. Американские дипломаты отмечали, что реставрация королевской власти в Румынии маловероятна. Главной заботой Соединенных Штатов в этих условиях выступала "критическая проблема квалифицированного руководства в будущей освобожденной Румынии", "изыскать средства для сохранения и развития таких человеческих ресурсов", способных помочь "реконструкции румынского общества в направлении демократии"⁵².

Авторы заявления, оказавшись неспособными разработать реалистическую программу того, какими средствами можно достичь целей американской дипломатии в Румынии, указывали: "Фактически все проблемы политики США в отношении Румынии остаются нерешенными (...) Современные проблемы отношений США с Румынией не могут быть по существу решены, а в большинстве случаев и смягчены, вне общего контекста проблем наших отношений с СССР, с восточноевропейской сферой советского доминирования и, с другой стороны, со странами Западной Европы. Политика США в отношении Румынии, со всей необходимостью, подчиняется политике США в ее главных политических, экономических и географических [геостратегических. — А.П.] элементах, и ее формулирование должно проистекать из них"⁵³. Конечно, сейчас, когда можно проследить результаты 40-летней истории претворения в жизнь программных положений политики США в отношении Румынии, сформулированных к началу 50-х гг., несложно показать слабости, заложенные в основание. Однако куда важнее для понимания процесса формирования политического курса проследить, как эти "откровения" воспринимались тогда практиками — "дипломатами на месте" — американскими представителями в Бухаресте.

В сопроводительном письме к комментарию политического заявления "Румыния" поверенный в делах США в Бухаресте М.Пиготт, выразив восхищение "исчерпывающим характером освещения различных аспектов наших отношений с Румынией и интересов в ней", отметил присутствующие, с его точки зрения, просчеты: а) в интерпретации характера румынского общества и его основных институтов; б) "впечатление неудачи в оценке практических возможностей достижения или применимости заявленных целей"⁵⁴. Вежливую формулировку следует отнести на счет принятой в госдепе лексики. В следующем абзаце послания М.Пиготта находим: при чтении заявления возникает ощущение "нереальности сформулированных целей" и "возвышенного идеализма, далекого от практически достижимых перспектив"⁵⁵. Подвергая сомнению главную цель американской политики, сформулированную в документе, Пиготт подчеркивал, что "нужно помнить — демократия в принятом на Западе смысле никогда не существовала в Румынии, ее

народ не способен сегодня воспринять в полной мере ее преимущества и накладываемые ею обязанности". Нельзя переоценивать стремление простых к демократическому правительству — заключал американский дипломат. "Вдохновляя румынский народ на противодействие дальнейшим коммунистическим посягательствам, мы должны ограничить цели рамками нашей способности обеспечить их успешное осуществление"⁵⁶. Такими средствами американская дипломатия не располагала.

Развернутый комментарий заявления "Румыния" подготовлен М. Пиготтом вместе с двумя вторыми секретарями миссии — В. Фергюсоном и Р. Криилом⁵⁷. В нем долговременные цели политики США в отношении Румынии охарактеризованы как "слишком обобщенные и фантастические для того, чтобы в настоящее время быть осуществимыми (...), представляющие систему, находящуюся по румынским стандартам недалеко от Утопии"⁵⁸. Американская пропаганда ("Голос Америки") должна довести до сведения румын — они "сами должны работать ради своего освобождения, а не получить его на серебряном блюде без собственных усилий". Американская помощь внутренней оппозиции весьма затруднена, "любое вмешательство от имени правительства Соединенных Штатов будет ухудшать их положение до тех пор, пока мы [США. — А.П.] не окажемся в состоянии оказать материальную поддержку сопротивлению". Здесь явно просматриваются мотивы будущей "доктрины освобождения", в частности, в предположении вторыми комментария формулировке "режим, навязанный силой, может быть устранен только ею же"⁵⁹ — извне.

Достижимость краткосрочных целей политики США, "защита американских интересов и престижа", представлялась сотрудникам миссии США в Бухаресте недостаточно реальной, ее "шансы обеспечить эффективную защиту [этих интересов. — А.П.] один на один с румынским правительством практически равны нулю". Исходя из этих соображений, авторы комментария не возражали против разрыва дипломатических отношений с Румынией, "если по соображениям высокой политики он будет желателен"⁶⁰. Американские дипломаты к "высокой политике" относили глобальные устремления Вашингтона, которым противопоставилось подчиненное региональное направление.

В русле пессимистического взгляда на возможности США влиять на политику Румынии вопрос о заблокированных в США румынских средствах нельзя использовать для давления на Бухарест, поскольку "румынское правительство считает их утраченными для себя"⁶¹. Госдепартамент не согласился с этими аргументами⁶². Вопрос о румынских средствах, задержанных в США, на протяжении 50-х гг., использовался для нанесения урона национальным интересам Румынии.

Политическое заявление "Румыния" и его заинтересованная критика сотрудниками заграничной службы США, пребывавшими в Бухаресте, дает основание заключить, что, преуспев в постановке целей ликви-

дации социалистического строя в Румынии, госдеповские теоретики потерпели провал в главном элементе планирования политики — разработке системы средств, способных обеспечить их достижение. Необходимо подчеркнуть подчиненный характер антирумынской политики Вашингтона соображениям глобальной конфронтации с миром социализма, его лидером — СССР.

Во второй половине февраля 1945 г. американский политический советник и представитель в СКК прибыли в Венгрию. С первых дней своего пребывания на венгерской земле американцы наладили контакты с премьер-министром Б.Миклошем*. С лидерами венгерской буржуазии они установили доверительные отношения. Основной смысл обсуждавшихся вопросов заключался в том, как предотвратить сдвиг влево в жизни страны⁶³. Демонстративным дружественным жестом Вашингтона в адрес режима генерала Миклоша стало предложение госдепа от 22 мая направить венгерского представителя в Вашингтон, хотя речь и не шла о дипломатическом признании Венгрии в полном объеме⁶⁴.

Госдепартамент считал, что нужно настаивать на реорганизации правительств в Румынии и Болгарии, а в Венгрии — только "если возникнет необходимость", то есть правительство Миклоша являлось вполне приемлемым с его точки зрения⁶⁵.

Определенную специфику американско-венгерским отношениям придавала позиция американского политического советника А.Шенфельда. Требуя от Вашингтона "наступательности" в венгерских делах, Шенфельд высокомерно и презрительно относился к венграм, в том числе к естественным союзникам США — представителям венгерской буржуазии, которые, по его словам, "пищат от ужаса как кролики" перед лицом любых действий русских. В то же время Шенфельд не останавливался перед тем, чтобы в конфиденциальных беседах с венгерскими некоммунистическими деятелями, например, лидером социал-демократов А.Сакашичем, порицать вашингтонскую администрацию за "недостаточную последовательность в реализации ялтинских соглашений"⁶⁶.

Ободряющим признаком для Вашингтона стали результаты выборов в Венгрии 4 ноября 1945 г., а стимулом к ее дипломатическому признанию — таковое СССР, Москва установила дипломатические отношения с Венгрией еще до выборов в Национальное собрание. После прихода к власти правительства Тильди, ряд государств (Великобритания, США, Швеция, Турция, Югославия и др.) заявили о готовности установить с ним отношения, но только Соединенные Штаты реализовали свое намерение в 1945 г.⁶⁷

22 сентября госсекретарь Дж.Бирнс направил из Лондона в Буда-

* Назначен на этот пост в декабре 1944 г. на первой сессии национального собрания в Дебрецене, бывший командующий 1-й венгерской армией, хортист, в октябре перешел на сторону Советской Армии.

пашт ногу о готовности Соединенных Штатов установить с Венгрией дипломатические отношения в полном объеме. Этот шаг Бирнса явился полной неожиданностью для и.о. госсекретаря Д. Ачесона. Главная цель, преследовавшаяся госсекретарем, — поддержать позиции партии мелких сельских хозяев (ПМСХ) на выборах и показать направление, в котором должны быть реорганизованы правительства П. Грозы в Румынии и К. Георгиева в Болгарии, чтобы получить признание в США⁶⁸.

В этой ситуации лидеры правых сил, в частности, в руководстве ПМСХ, были удивлены отказом американцев финансировать их деятельность (накануне выборов осенью 1945 г.). С просьбой о деньгах для ПМСХ безрезультатно обращался к Шенфельду известный венгерский антикоммунист банкир барон Ульман⁶⁹. Объясняя мотивы такого поведения Соединенных Штатов, посланник Шенфельд писал спустя несколько лет в журнале "Форин Аффферз": "Американская дипломатическая практика исключает подобное вмешательство во внутривнутриполитические дела зарубежных стран". Позволим себе вместе с сотрудником миссии США в Будапеште Л. Марком (назвавшим этот перл Шенфельда чисто "формальным")⁷⁰ усомниться в столь высоких мотивах, из которых, якобы, исходил Вашингтон. Дело в другом — в неверии в целесообразность помощи деньгами оппозиционерам. Их успех на выборах для американцев был совершенно неожиданным. Правые в правительстве З. Тильди обратили свои взоры на Соединенные Штаты, усматривая в них главную опору своей деятельности. В ходе консультаций в Будапеште с А. Шенфельдом они "выражали надежду на американскую помощь в возрождении Венгрии и подчеркнули, что без такой помощи оно невозможно"⁷¹.

Тактика американской дипломатии в Венгрии осенью 1945 — весной 1946 гг. в основном сводилась к тому, чтобы добиться от руководства ПМСХ устранения коммунистов из правительства, в обмен пообещав ощутимую экономическую помощь. 2 ноября 1945 г. было объявлено, что американская администрация не будет противиться возвращению Венгрии барж, задержанных в ее зонах оккупации в Германии и Австрии. В ноябре — декабре 1945 г. американцы пообещали Венгрии кредит для закупки остатков армейского имущества в Европе. Цель этих мер — "поддержать стремление Венгрии установить и развивать экономические и торговые связи с Соединенными Штатами"⁷². Несмотря на запрет на оказание ЮНРРА помощи бывшим союзникам Германии (кроме Италии), Венгрия получила ее в небольших размерах — 4 млн долл. Но Болгария и Румыния не получили ни цента — несомненно, едва приложила руку американская дипломатия⁷³.

Влияние американские экономические отношения осложнялись безразличными претензиями США, которые не были удовлетворены во второй половине 40-х годов. Эти претензии весной 1946 г. были суммированы американцами следующим образом: довоенные займы Венгрии — 100 млн долл.; американские капиталовложения — 100 млн

(Стандарт Ойл — 58 млн, Сокони Вакуум — 12 млн, Дженерал Электрик — 10 млн, ИТТ — 5 млн, Кодак — 3 млн) долл.; ущерб американским интересам в результате войны — 35 млн долл.; ущерб б, "нанесенный американской собственности в результате оккупации Венгрии советскими войсками" — 25 млн; собственность американских землевладельцев, подлежащая национализации в связи с земельной реформой, — 3 млн долл.⁷⁴

Описывая условия, в которых работали американские дипломаты в первое время после освобождения Венгрии, сотрудник миссии США в Будапеште Л.Марк свидетельствовал: "Сбор информации не составлял труда, достаточно было лишь слово промолвить и мы получали все необходимые факты. Действительно, осведомленные венгры страстно стремились передать нам секреты. Например, в ноябре 1945 г. президент Национального банка А.Караш по собственной инициативе подготовил для нас конфиденциальный меморандум. Многие другие отличались не меньшей отвагой: ими двигала надежда на действия американцев, которые мы не могли предпринять"⁷⁵. Американский дипломат прямо указывал — руки им связывало советское присутствие (в том числе военное) в Венгрии.

Руководство ПМСХ постоянно сетовало на пассивный характер американской политики в отношении Венгрии. Особенно его не устраивали недостаточные масштабы вливаний в венгерскую экономику при правительствах З.Тильди, а затем Ф.Надь (Тильди избран президентом 1 февраля 1946 г.). Даже А.Шенфельд считал, что таким образом Вашингтон подталкивает правительство Венгрии к тесному сотрудничеству с Москвой, "наша экономическая политика мало вдохновляет тех, кто противится советскому проникновению"⁷⁶.

Каковы причины весьма ограниченной помощи Соединенных Штатов оппозиционным силам Венгрии?

Во-первых, Вашингтон исходил из оценки социально-политической ситуации, согласно которой предотвратить коммунизацию и советизацию Венгрии невозможно. Во-вторых, госдепартамент сомневался в способности деятелей ПМСХ и других прозападных политических фигур повернуть события в желательное для американцев русло. В-третьих, нельзя сказать, что взгляды правительств Венгрии и США полностью совпадали. Это проявилось во время визита, который премьер-министр Ф.Надь нанес по собственной инициативе в Соединенные Штаты в июне 1946 г.

В ходе переговоров он заявил о поддержке американской идеи "интернационализации" судоходства по Дунаю. В ответ американская сторона согласилась оказать некоторую экономическую помощь и вернуть венгерское золото, задержанное в оккупационной зоне США в Германии, оцененное в 32 млн долл. Однако в кредитах экспортно-импортного банка США Венгрии было отказано, как и в полном возвращении венгерского национального достояния, так американцы не

вернули корону Св. Стефана. Но, главное, правительство Ф. Надя не получило сколько-нибудь существенной политической поддержки или гарантий предоставления таковой в будущем⁷⁷.

Соединенные Штаты отказались поддержать позицию Венгрии в вопросах мирного урегулирования, в том числе ее территориальные претензии (попрос о принадлежности Трансильвании и др.). В результате неудачного исхода визита Надя в США, в правительстве, прежде всего в ПМСХ, "возобладала атмосфера неуверенности и растерянности, кроме того, Венгрия, по существу, оказалась во внешнеполитической изоляции, заметно испортив отношения с соседними странами"⁷⁸.

В конце 1946 г. Ф. Надь и его сторонники неоднократно обращались к американцам с просьбами об экономической помощи и политической поддержке, но безрезультатно. Донесения А. Шенфельда в октябре — декабре пронизывал один лейтмотив — власть ПМСХ, обладавшей большинством в Национальном собрании, — это чистая иллюзия, поскольку она не может противодействовать давлению левых (за которыми стоит СССР), а устранение ПМСХ с руководящих позиций — дело ближайшего будущего⁷⁹.

Размеры безотлагательных потребностей венгерской экономики обсуждались на совещании в госдепе 6 декабря 1946 г. По подсчетам импортеров ЮНРРА нужды сельского хозяйства определялись в 40 млн долл. С этим согласилось правительство Венгрии, однако экспортно-импортный банк США заявил, что "возможности предоставления займа Венгрии равны нулю, а любое давление, которое госдепартамент окажет на банк исходя из широких политических соображений, чтобы добиться такого займа, ни к чему не приведет". Впрочем, выдано иррациональное разрешение на дополнительное кредитование закупок американских излишков США в Европе. Взамен помощи на указанную сумму советник по экономическим вопросам при госсекретаре Д. Дорт предложил 2 млн. Единодушный вывод участников совещания: "госдепартамент не располагает доступными средствами для расширения экономической помощи и достижения таким путем политических целей в отношении этой страны"⁸⁰.

В январе 1947 г. МВД Венгрии сообщило о раскрытии в декабре антиреспубликанского заговора бывших хортистских политиков, чиновников и офицеров генерального штаба. В связи с разоблачением заговорщиков встал вопрос о политической ответственности генерального секретаря ПМСХ Б. Ковача. Речь шла об окончательном вытеснении правящих из руководства ПМСХ и изменении расстановки сил в правительственной коалиции⁸¹. Позиция американцев в этой ситуации — возмущать руководителей ПМСХ не идти ни на какие дальнейшие уступки коммунистам — была малореалистичной. Попытки Бирнса "лично убедить" Ф. Надя выглядели неубедительно⁸².

Начало 1947 г. ознаменовалось тщетными попытками Вашингтона оказать поддержку правительству Ф. Надя путем предоставления неко-

торой экономической помощи Венгрии. 23 февраля — 22 марта в Вашингтоне находился венгерский министр финансов М.Наради (в американскую столицу он прибыл в ранге зам. министра, а министерский пост получил 17 марта — как признание заслуг в ходе его миссии). В результате переговоров в госдепе, где Наради приняли и.о. госсекретарь Д.Ачесон и его зам. У.Клейтон, помощник Ч.Торп и др. удалось выработать программу такой помощи⁸³. Так, в США дали дополнительный кредит в 15 млн долл. для закупки армейских излишков (общая сумма составила 30 млн долл.), затем в страну было направлено продовольствие. Через экспортно-импортный банк Венгрия получила право на 10 млн кредит для закупки изделий из хлопка. Президент Г. Трумэн в феврале назвал Венгрию в числе стран, которым США предполагают оказать "гуманитарную помощь". Американцы вернули 127 т венгерского серебра, задерживавшегося до того времени в их оккупационной зоне⁸⁴. Но такая помощь оказалась неспособной переломить основную тенденцию социально-политического развития страны. Активную роль в нейтрализации усилий американской дипломатии сыграла политика СССР.

Весной 1947 г. Ф.Надь окончательно утратил авторитет в своей партии и стране. 25 февраля Б.Ковач арестован советскими военными властями функционировавшими в Венгрии в рамках СКК*.

В начале марта госдепартамент считал, что падение правительства Ф.Надя — дело ближайших дней. Вашингтонская администрация приняла энергичные демарши в адрес венгерского руководства и правительства СССР (5 и 17 марта). Прозападные элементы пытались укрепить свои позиции популяризацией тезиса, что Соединенные Штаты не оставят их "один на один" с Советским Союзом. Обе ноты США были широко опубликованы в венгерской прессе. Венгерская оппозиция прямо связывала свое будущее с реализацией положений "доктрины Трумэна"⁸⁵. Однако международная обстановка после ее провозглашения усугубила провал политики Ф.Надя. В мае 1947 г. премьер-министр не хотел принять цели левых сил, а цели правых принять не смел (буржуазная оппозиция и правое крыло ПМСХ видели слабость его положения) — этот факт "явился последним камнем в той стене изоляции, которая уже в течение длительного времени возростала вокруг Ференца Надя"⁸⁶. Для левых было важно как можно скорее окончательно взять инициативу в свои руки.

В середине мая Ф.Надь отправился на отдых в Швейцарию. В его отсутствие зам. премьер-министра М.Ракоши, исполнявший обязанности главы правительства, на заседании Совета Министров ознакомил его членов с показаниями Б.Ковача, "изобличающими Ф.Надя в участии в прохортистском заговоре против Венгрии и Советского Союза".

* Находился в заключении до 1956 г.; в 1956—1958 гг. — депутат венгерского парламента.

Отказавшись вернуться в Венгрию, 30 мая Ф.Надь в венгерском посольстве в Берне подписал заявление о своей отставке. 31 мая он встретился здесь же с атташе американского посольства Ф.Диком. Рассказав о своих действиях, Надь подчеркнул: стоящая перед ним альтернатива — "остаться в Швейцарии и молчать или получить возможность вы' хать в Соединенные Штаты... где он свободно выскажется о том, что советы и коммунисты творили в Венгрии на протяжении полутора лет его президентства"⁸⁷. Приглашение в США не заставило себя ждать. 6 июня Маршалл телеграфировал в Берн — Надь с семьей приглашаются в Вашингтон, им будет оказана помощь в переезде и оплачен проезд⁸⁸.

2 июня в эмиграцию отправился Б.Варга, председатель Национального собрания, последний ведущий политик центра ПМСХ. Значительная часть сотрудников венгерских посольств в западных державах, в их числе посол в Вашингтоне А.Сегеди-Масак, отказались признать нового правительство — Л.Диньеша (ПМСХ).

4 июня А.Сегеди-Масак и три сотрудника его дипломатического персонала, в том числе Ф.Надь-мл. обнародовали заявление для прессы в опровержении ими законности нового венгерского правительства. Накануне Сегеди-Масак представил в госдеп подготовленный по собственной инициативе анализ ситуации в Венгрии, в котором, утверждая, что "окупиционные власти и их коммунистические агенты подводят страну к агрессии против экономического статуса страны и остатков демократического образа избранного правительства", призывал США предпринять необходимые действия "для восстановления независимости и демократии в Венгрии"⁸⁹. Подача этого опуса заву европейским управлением госдепа сопровождалась устной просьбой о предоставлении политического убежища. Таковое было обещано, а бывшему послу "устно и неформально выражена благодарность за сотрудничество"⁹⁰. Сегеди-Масак хорошо рассчитал: основной упор в его меморандуме сделан на прошлые социалистическое переустройство венгерского хозяйства, он затронул классовые чувства американских дипломатов и добился нужного для себя эффекта. На встрече в госдепе 6 июня экс-посол не только обосновал в новом качестве, что предлагал ряд мер, которые имели бы результатом разрыв американо-венгерских отношений. Но ему достаточно твердо в деликатной форме указали место в политической жизни — "поставка информации в качестве частного лица"⁹¹.

20 июня в госдепартаменте зам. госсекретаря Д.Ачсон принял Ф.Надя и А.Сегеди-Масака. Ачсон предложил экс-премьеру высказать свое мнение о "рекомендуемой политике в отношении Венгрии и Восточной Европы". Путаные рассуждения Надя не могли вызвать у сотрудников внешнеполитического ведомства США ничего, кроме недоумения и раздражения. Бывший лидер ПМСХ считал делом "первостепенной важности не раскалывать Европу на два отдельных лагеря"⁹². После провозглашения "доктрины Трумэна" подобные рекомендации были поданы по меньшей мере запоздавшими, а в целом принципиально

противоречили курсу Вашингтона, призванного закрепить раскол Европы на противостоящие группировки.

В конце мая — начале июня в политике США относительно Венгрии наступил перелом (хотя в составе правительства произошло после ухода Надя лишь одно изменение — вместо Я. Дендеши пост министра иностранных дел занял Э. Михайфи, также представитель ПМСХ). 5 июня на пресс-конференции Трумэн охарактеризовал ситуацию в Венгрии как "грубое нарушение законности, произвол" и заявил, что США "не останутся в бездействии"⁹³. Вашингтон заблокировал обещанные дополнительные кредиты, в том числе на закупку Венгрией текстильных изделий. Ее исключили из программ помощи, разрабатывавшихся как наследие ЮНРРА, отказали в какой-либо поддержке⁹⁴.

К лету 1947 г. расстановка сил в стране, по сравнению с предшествующими годами, коренным образом изменилась. 24 июля 1947 г. принят закон, который ограничивал избирательные права "чуждых народно-демократическому строю элементов" — лиц, ранее состоявших в полу- и фашистских организациях, арестовывавшихся или находившихся под надзором полиции по политическим мотивам в период со времени освобождения страны до 1 июня 1947 г. и т.п. Всего из списков избирателей исключили около 300 тыс. человек (в выборах участвовало 4 млн 975 тыс. избирателей)⁹⁵.

17 августа правительство США выступило со специальной нотой по поводу злоупотреблений с выборами в Венгрии. В ней, по материалам "венгерской некоммунистической прессы", заявлялось: "в некоторых районах исключение из списков достигло 70 %". Нота утверждала: "Некоторые подсчеты показывают, что 20 % электората, примерно 1 млн венгерских граждан, уже лишены права голосовать". Авторы разоблачили использовавшиеся венгерскими властями поводы для лишения избирательных прав: "евреев причисляли к членам нацистских организаций, старух объявляли проститутками, фабричных рабочих — в прошлом знатными землевладельцами". Американскому посланнику в Будапеште (на этот пост в июне был назначен С. Чапин) вверялось потребовать от премьер-министра соблюдения прав всех обиженных и прекращения "злоупотреблений"⁹⁶.

В конце октября 1947 г. помощник госсекретаря Н. Армор направил С. Чапину в Будапешт письмо, в котором сформулировал новые задачи миссии США в венгерской столице: "Мы здесь, в госдепартаменте, согласны с основным смыслом ваших доводов и рекомендаций, особенно касающихся упора на разведку и обдумываем дальнейшее наращивание этих функций"⁹⁷.

Базисные положения основного документа о политике США в отношении Венгрии, разработанного госдепом в конце 1949 г., близки содержащимся в рассмотренном выше подробном заявлении "Румыния" (это свидетельствует о достижении Вашингтоном определенного уровня унификации своей восточноевропейской политики к указанному

времени). В заявлении "Венгрия", наряду с риторикой о необходимости "возрождения независимого демократического" венгерского государства, отмечено, что достижению американских долгосрочных целей послужили бы: скорейший вывод советских войск из Венгрии; поддержка демократических устремлений венгерского народа и его "веры в ценности западной цивилизации"; стимулирование "пассивного сопротивления коммунистической идеологии и консолидации режима"; противодействие "посягательствам СССР и венгерских коммунистов на интересы США в Венгрии"; действенное применение положений мирного договора с Венгрией, особенно касающихся "прав и свобод человека"⁹⁸. Пропагандистская кампания о нарушении прав человека развернулась в связи с процессом над кардиналом Миндсенти (30 янв. — 11 февр. 1949 г.), обвиненном в связях с американскими дипломатами⁹⁹.

В апреле 1949 г. сенат США вынес решение, чтобы администрация выступила с протестом по делу Миндсенти, 12 апреля вопрос о нем поставлен в ООН и 30-го включен в повестку Генеральной Ассамблеи¹⁰⁰.

Аналитики из госдепа предсказывали возможность в Венгрии "наиболее быстрого и репрессивного антикоммунистического путча" (такой действительно произошел осенью 1956 г.) и ставили задачу "искать пути оказания помощи в сохранении и развитии... важных человеческих ресурсов (квалифицированных лидеров) ко дню венгерского освобождения"¹⁰¹.

В целом после окончания второй мировой войны, как отмечал С. Макс, "главным вызовом, с которым столкнулись американцы, как и прозападные силы внутри Венгрии, было растущее влияние венгерской компартии, поддерживавшейся Кремлем политическими, экономическими и военными средствами"¹⁰². Неудача американской политики коренилась в том, что коммунисты вели страну курсом, противиться которому в тех условиях в Венгрии, как и в Болгарии и Румынии, было делом безнадежным.

ГЛАВА 4 ДИПЛОМАТИЯ США В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Чехословакия — единственная страна Восточной Европы, в освобождении которой приняли непосредственное участие вооруженные силы США. В конце апреля 1945 г. госдепартамент был одержим идеей взятия Праги американцами. И.о. госсекретаря Дж. Грю направил Г. Трумэну меморандум, в котором предлагал ОКНШ рассмотреть этот вопрос. Он писал, что это "даст кое-что для торга с русскими, сильные позиции в Австрии и Чехословакии". Трумэн, который приводит слова Грю в своих мемуарах, утверждает, что его реакция состояла в следующем: "Я не приму никаких мер. нецелесообразных в военном отношении"¹.

В своих мемуарах "Крестовый поход в Европу" Д. Эйзенхауэр даже не упоминает о возможности взять Прагу американцами. Он скупо пишет о событиях тех майских дней: "Паттон направил 5-й корпус [приданный его 3-й армии — А.П.] на восток — в Чехословакию. Корпус захватил Пльзень 6 мая. В этом районе русские силы быстро надвигались с востока и вновь потребовалась тщательная координация. По соглашению мы направили американские войска занять линию Пльзень — Карлсбад, на юге Чехословакии согласованная линия проходила по железной дороге Будевеице — Линц и далее по реке Эннс"².

Эйзенхауэр придерживался точки зрения, что взятие Праги его войсками не имеет стратегического значения в ситуации, когда главной задачей была ликвидация последних крупных очагов сопротивления фашистов. 6 мая утром советские войска начали наступление. Паттон предложил, чтобы его танковые войска 8 мая в 4 часа утра вошли в Прагу и сокрушили сопротивление фашистов. Однако Чешский Национальный Комитет отклонил это предложение. На рассвете 8 мая штаб группы армий "Центр" был разгромлен советскими войсками. В 3 часа утра 9 мая советские воины-освободители ворвались на улицы Праги. 10—12 мая советские войска вошли в контакт с американскими частями на территории Чехословакии. Освобождение страны завершилось.

Еще 19 апреля Д. Эйзенхауэр направил О. Брэдли развернутые инструкции об устройстве гражданской жизни в освобожденных американскими войсками районах Чехословакии. В частности, в них сохранилась рекомендация "разрешать лояльным чехословацким властям реорганизовывать административные и юридические органы с целью исключения из них нацистов и коллаборационистов", а также

блокировать их денежные средства и собственность. На чехословацкие органы должны быть возложены основные функции по решению местных экономических и финансовых проблем. Впрочем, военные власти "для поддержания закона и порядка" наделялись правом издавать приказы, постановления и учреждать суды. Основные вопросы снабжения предлагалось решать через правительство Чехословакии. На армейские власти возлагалась ответственность за "беженцев и перемещенных лиц"³ — эта проблема имела политическую окраску, поскольку нацисты и коллаборационисты стремились попасть в сферу деятельности американской, а не советской военной администрации.

Сдержанность, проявленная американским военным и политическим руководством в вопросе о взятии Праги, продиктованная масштабными стратегическими соображениями, вызвала недовольство в среде чехословацких политических деятелей, стремившихся к реставрации домюнхенской республики и рассчитывавших на поддержку американцев. Так, в ноябре 1945 г. в госдепартаменте состоялась беседа с участием посла ЧСР в США В.Урбана (назначенного на этот пост лондонским правительством Бенеша), представителя ЧСР при ООН Я.Папанека (развернувшего впоследствии в стенах этой организации антисоциалистическую кампанию в связи с событиями февраля 1948 г.), Х.Маттуса — начальника европейского управления госдепа, Дж.Риддльбергера — зав. центральноевропейским отделом. В ходе беседы Я.Папанек объявил американское решение не вводить войска в Прагу в первых числах мая 1945 г. "грубой политической ошибкой", ее результатом стал "рост левых настроений". Папанек, однако, считал, что еще не все утрачено: "умеренные элементы в Чехословацком правительстве сейчас на подъеме и американская политика сыграет активную роль в Чехословакии, баланс политических сил можно изменить в пользу прозападной ориентации"⁴.

Характеризуя обстановку в стране, посол США в ЧСР Л.Штейнгардт (прибыл в Прагу в июле 1945 г.), отмечал в письме от 26 августа в госдепартамент: "Они [чехи и словаки — А.П.] переживают некоего рода летаргические каникулы, за которые я их не порицаю, учитывая шесть лет германской оккупации, за которой последовали несколько месяцев русской оккупации"⁵. Трудно сказать, чего больше в этой фразе — антисоветские убеждений, политического цинизма (гитлеровские поработители поставлены на одну доску с советскими воинами-освободителями) или шовинистического пренебрежения (летаргические каникулы, то есть безделье покойников). Но позиция посла Соединенных Штатов ясна.

Штейнгардт оптимистически оценивал перспективы "вестернизации" ЧСР, ее возврата к домюнхенским временам. С точки зрения глобальной антикоммунистической стратегии, по его мнению, роль Чехословакии трудно было переоценить: "Прага — единственная столица в Восточной Европе, где у нас есть возможность бороться за утраченные земли

и остановить прилив коммунизма в западном направлении. Это единственная столица, где, если мы удержим дальнейшее проникновение коммунизма в течение года — двух, положение в Варшаве, Вене, Будапеште и Бухаресте может быть существенно улучшено”⁶.

В письме к издателю журнала “Тайм” Генри Люсу американский посол настаивал на необходимости доведения до широких масс в США важности геостратегических позиций Чехословакии. В процессе “возвращения утраченных земель”, т.е. реставрации буржуазных порядков в восточноевропейских странах, Чехословакия не далее чем “в течение немногих ближайших месяцев” должна была, по мнению Штейнгардта, послужить “образцом для вылова более крупной рыбы в Европе”⁷.

Откровенным антисоветизмом была проникнута данная Штейнгардтом оценка восприятия народами Чехословакии Советской Армии — освободительницы. Он писал: “ничто не может, с политической точки зрения, лучше предотвратить угрозу коммунизма в Моравии и Богемии, чем несколько месяцев пребывания крупных сил русских”⁸. Несостоятельность этих утверждений продемонстрировали результаты выборов 1946 г., на которых коммунисты одержали в этой части страны впечатляющую победу.

Показательна позиция американской дипломатии по вопросу о пребывании советских и американских войск (по численности их соотношение было примерно 10:1) на территории страны. Симпатии масс американцев к Советскому Союзу, их отказ рассматривать Советскую Армию как некую “угрозу” Европе, проявились в настойчивом требовании общественности: “Верните наших парней домой”. Это повлияло на позицию многих американских конгрессменов. Иной была точка зрения тех представителей американской администрации, которые уже в 1945 г. исключали возможность послевоенного сотрудничества государств двух мировых систем. Они требовали сохранить войска США на территории ЧСР как “политически необходимое решение или, по меньшей мере, вывести их одновременно с войсками советской армии”⁹. По соглашению в течение ноября 1945 г. войска обеих стран были выведены, что расценивалось прозападно настроенными буржуазными деятелями в правительстве и американскими дипломатами как крупный успех¹⁰. Однако расчеты на то, что с уходом войска генерала Жадова у оппозиции руки будут развязаны в преддверии выборов в стране, оказались несостоятельными.

Жизненно важное значение для ЧСР имела проблема выселения немецкого меньшинства, прямо связанная с подведением окончательных итогов второй мировой войны для чехов и словаков. Спустя шесть недель после освобождения Праги американский поверенный в делах в ЧСР А. Клайфорт сообщал в госдеп; что экстраординарным вопросом для Чехословакии является разрешение проблемы меньшинств, включая переселение около 3 млн в Германию и Венгрию (около 20 % всего населения страны)¹¹. Понимая невозможность решения важнейших во-

процесс социально-экономического развития Чехословакии до выселения, Вашингтон не спешил способствовать нормализации ситуации в стране. В то же время посол Штейнгардт усматривал свою основную задачу в укреплении оппозиции. Оценивая расстановку сил, он считал, что затягивание решения "судетского вопроса" американцами серезно вредит интересам прозападных элементов в правительстве и репутации Соединенных Штатов¹². Посол высказывал эту мысль как обращаясь в Госдеп, так и непосредственно руководству американской военной администрации в Германии. В письме политическому советнику США в Германии Р. Мэрфи он без обиняков указывал, что затягивание принятия судебных немцев в американскую зону в размерах, обусловленных квотой, поставит под угрозу американские усилия в Чехословакии. Штейнгардт признавал: сравнение позиций США и СССР явно не в пользу американцев, "мы, чтобы успешно соревноваться в завоевании симпатий чехов, должны принимать хотя бы один транспорт (состав) в день"¹³.

В американской зоне оккупации Германии с ведома властей незамедлительно стали возникать реваншистские античехословацкие организации. 6 октября 1947 г. чехословацкая военная миссия в Берлине направила американской военной администрации меморандум, в котором высказывала протест, требовала запретить деятельность реваншистских союзов. США отказались выполнить эти справедливые требования, ссылаясь на то, что якобы политическая деятельность переселенцев соответствует решению генерала Клея — главы военной администрации (июнь 1946 г.): "путем направления их политической энергии в русло уже существующих в Германии партий, ...разрешить формирование в среде судетских немцев организаций взаимопомощи, но запретить ассоциации, принципиальной целью которых является политическая деятельность"¹⁴. Картина, нарисованная в американском ответе, имела много общего с действительностью. Даже созданная, на первый взгляд, в соответствии с американскими правилами в 1947 г., "Ассоциация защиты интересов судетских немцев" сконцентрировала свои усилия на "международной политике", с которой связывала "надежды на возвращение"¹⁵.

В заявлении "Чехословакия" (секретном директивном документе Госдепа), датированном декабрем 1949 г., позиция США в судетском вопросе предполагала сохранение его "открытым". Планировалось добиться "возможной компенсации судетскому населению за утраченную собственность или вновь его частичного расселения в Чехословакии"¹⁶.

Чехословацкая национально-социалистическая партия (ЧНСП) стала наиболее активной некоммунистической силой в послевоенной ЧСР. В ней состояло большинство представителей бывшей лондонской буржуазной эмиграции, группировавшейся вокруг Бенеша*.

* Сам президент Э. Бенеш был беспартийным, как и министр иностранных дел Я. Масарик.

Тасные контакты с американцами поддерживал политический секретарь ЧНСР, впоследствии агент ЦРУ Ю. Фирт. Доверительные отношения установились у американских дипломатов с П. Зенклом, настроенным, по словам Штейнгардта, "чрезвычайно проамерикански"¹⁷.

Свою основную задачу представители внешнеполитического ведомства США усматривали в поддержке, по их терминологии, "умеренных", то есть представителей буржуазных и реформистских политических партий.

Некоммунистические силы в Чехословакии после освобождения от фашистов позднее, чем в других странах Восточной Европы, были устранены с политической арены. Значительная часть населения страны не желала классического капитализма или сталинского социализма, сохранила надежды на возможность среднего, "третьего" пути, моста между Востоком и Западом. Штейнгардт с сожалением отмечал, что умеренные "не слишком хорошо организованы и боятся коммунистов". Средством укрепления позиций национальных социалистов и других умеренных элементов американская дипломатия избрала усиление личных позиций Бенеша¹⁸. Ту же цель преследовал президент Трумэн, когда направил дружеское послание Бенешу по поводу Дня независимости Чехословакии 28 октября 1945 г., в котором заверял: "Я уверен, что американский народ поможет чехословацкому любым возможным образом"¹⁹. Действительность оказалась весьма далекой от этих широковещательных заявлений: США явно не спешили с оказанием экономической помощи Чехословакии, прикидывая шансы на реставрацию старых порядков.

1 сентября 1945 г. Чехословакия обратилась с просьбой о кредите в 300 млн долл. через экспортно-импортный банк. Соединенные Штаты воздержатся от их предоставления, "пока Чехословакия не будет готова после приемлемого переходного периода ликвидировать дискриминацию в торговле и капиталовложениях"²⁰, т. е. не развяжет руки американскому капиталу на внутреннем рынке ЧСР, — так ответил Вашингтон. Проникновение в чехословацкую экономику должно было послужить "распространению деловых интересов США и за пределы Чехословакии, а именно — в Польшу, Венгрии, Румынии", решающим образом повлиять на "развитие всей Восточной Европы"²¹. Госдеп по совету Штейнгардта рекомендовал экспортно-импортному банку воздержаться от предоставления кредитов ЧСР вплоть до оглашения программы национализации²².

Чехословацкое правительство в принципе не возражало против соглашения с Соединенными Штатами о компенсации за национализированную собственность американцев, чьи претензии составляли 30—50 млн долл. Интересы наиболее богатых из новых американцев чехословацкого происхождения (бывших граждан ЧСР, эмигрировавших во время войны в США и получивших американское гражданство), в частности, Петчехов в 1945—1947 гг. представлял Дж. Ф. Даллес, ста-

рый друг Л.Штейнгардта по совместной работе в нью-йоркской адвокатской фирме "Кромвелл и Салливан" (будущий госсекретарь). Диллес и Штейнгардт проявляли глубокую заинтересованность в политическом развитии Чехословакии, имевшую личную подоплеку²³.

Выдвигая совершенно нереальное в ту пору требование возмещения убытков в долларах, американская сторона ставила вопрос о компенсации так, чтобы использовать его в качестве средства политического давления. Американское правительство, его эксперты в госдепартаменте, прекрасно отдавали себе отчет в том, что Чехословакия не располагала достаточными золото-валютными ресурсами²⁴. К тому же Вашингтон затягивал решение вопроса о возвращении ЧСР ее золота, захваченного гитлеровцами весной 1939 г., а затем очутившегося в руках американской армии в Европе. Это подрывало авторитет США даже в глазах прозападно настроенных кругов. Такие же последствия имел инцидент с похищением архивов и ценностей в Штеховицах в феврале 1946 г., показавший пренебрежение Соединенных Штатов суверенитетом Чехословакии²⁵.

Соединенные Штаты выдвинули пакет требований к Чехословакии, выполнив которые она могла рассчитывать на американские кредиты: обеспечить адекватную и эффективную долларовую компенсацию за национализированную американскую собственность; воздержаться от мероприятий, противоречащих предложениям США о принципах свободной международной торговли и занятости; заключить временное соглашение о торговле с США; сделать доступной Вашингтону исчерпывающую информацию о своих внешнеэкономических связях и договорах; противиться включению в любые экономические планы под эгидой СССР²⁶.

Правительство Чехословакии не проявляло желания удовлетворять эти требования, а Вашингтон связывал с приближающимися выборами расчет на то, что новое правительство будет сговорчивее и получит как вознаграждение за хорошее поведение крупный американский кредит. Меньше чем за две недели до выборов Штейнгардт утверждал, что умеренные партии составят большинство Национального собрания, причем получат в нем 171 место из 300. Из 129 мест, которые займут левые, 30 придется на социал-демократов, причем не более 20 из них окажут поддержку радикальным социалистическим мероприятиям. Таким образом Штейнгардт предрекал поражение коммунистов, которым, согласно его прогнозу, совместно с левыми социал-демократами отводилось не более трети мест в Национальном собрании. Более того, американский посол писал: "Не удивлюсь, если коммунисты получат еще меньше мест, чем указано, а партией победителей станут национальные социалисты"²⁷.

Результаты выборов 26 мая оказались обескураживающими для буржуазных и правореформистских партий, а также американских дипломатов, основывавших свои прогнозы на полученной от них ин-

формации. Отхода масс от левых на выборах не произошло, коммунисты получили 114 мандатов, что составило 38 % голосов избирателей. Штейнгардт признавал, что выборы прошли в обстановке "порядка и относительного спокойствия, нельзя сказать, что их результаты в пользу коммунистов достигнуты каким-либо запугиванием, это были тайные и честные выборы, ход которых контролировался на избирательных участках представителями всех основных политических партий"²⁸.

Посол США в Праге нашел в себе мужество отдать должное личным качествам К. Готвальда, нового главы чехословацкого правительства. Штейнгардт охарактеризовал его, как "человека, наделенного здравым смыслом, прирожденной проницательностью, способностью понимать (ситуацию), подлинного патриота Чехословакии..."²⁹. Такая характеристика особенно впечатляет, поскольку исходила из уст принципиального противника коммунистов, стремившегося сделать все, что в его силах, чтобы добиться срыва планов возглавляемого Готвальдом правительства.

Госдепартамент направил директиву послу Штейнгардту, смысл которой можно передать формулой "еще не все потеряно". В этом документе, в частности, говорилось: "До тех пор, пока существуют свободные выборы (...), мы будем действовать исходя из принципа, что Чехословакия способна быть важным аспектом нашей европейской политики и ее можно спасти для нашей концепции западной цивилизации"³⁰.

Практическими шагами в направлении поддержки прозападных сил стало решение о предоставлении кредитов. Спустя два дня после выборов Чехословакии выделили 50 млн долл. для закупки остатков снаряжения американской армии в Европе. Днем позже совет директоров экспортно-импортного банка США дал 20 млн долл. кредита для закупки хлопка. Соответствующее соглашение было подписано 3 июля³¹.

Однако воспользоваться этими кредитами не удалось. Неудовлетворенные неуступчивостью ЧСР требованиям США и ее в целом просоветским курсом в международных делах, Соединенные Штаты заблокировали их реализацию. 30 августа Бирнс дал указание зам. госсекретаря Клейтону воспрепятствовать получению ЧСР 41 млн из 50 кредита на закупку остатков армейского имущества США, которые еще не израсходованы³².

13 сентября 1946 г. все продажи армейских излишков Чехословакии были запрещены. Через несколько дней Бирнс дал распоряжение прекратить переговоры о дальнейших кредитах. 28 сентября госдеп уведомил посольство ЧСР в Вашингтоне, что приостанавливает переговоры о предоставлении дополнительного кредита в 50 млн долл.³³.

Меры Бирнса в полной мере соответствовали позиции отдела Центральной Европы госдепа, то есть не были непродуманной импульсивной реакцией на неожиданную позицию Чехословакии (на Парижской конференции). Непосредственным поводом к столь жесткой по-

позиции Бирнса, послужило то, что на Парижской мирной конференции он обратил внимание, как "два делегата Чехословакии аплодировали советскому представителю, обвинявшему США в стремлении достичь мирового господства путем дипломатии доллара"³⁴. Как ни важен этот эпизод сам по себе, его значение состояло в том, что он символизировал неприемлемое для США, по словам Бирнса, "главное направление деятельности правительства Чехословакии, в котором доминируют коммунисты"³⁵.

Осенью 1946 г. Вашингтон сделал ставку на укрепление жесткого курса антикоммунистических настроений населения (и позиции правых партий) по отношению к стране, мол "из-за коммунистов страдают интересы Чехословакии, которой нужно отвернуться от Москвы, чтобы заслужить расположение США". На первый взгляд, "строгий тон" Вашингтона дал свои результаты — в ноябре 1946 г. подписаны соглашения о торговой политике и о принципах компенсации за национализированную американскую собственность. Но правительство ЧСР неизменно выступало за достижение договоренностей по этим вопросам, неверно связывая их урегулирование с каким-то испугом.

Что бы ни происходило в американо-чехословацких отношениях, в глазах вашингтонских стратегов неизменно главным оставалось — на международной арене ЧСР на стороне врага. Черно-белое виденье мира все более доминировало в Вашингтоне. Жесткий курс по отношению к ЧСР в период, предшествовавший февралю 1948 г., согласованно выработывался и осуществлялся различными подразделениями администрации — от ОКНШ, который придерживался точки зрения — "никакой дифференциации, никакой помощи странам на стороне врага" — до госдепа и его представителей в Праге.

Штейнгардт характеризовал реакцию своих чехословацких друзей на отказ страны от участия в "плане Маршалла", к чему его вынудило давление СССР, как "состояние некоего шока, унижения, граничащих в ряде случаев с паникой". Сразу после объявления об этом шаге правительства 10 июля 1947 г. некоторые руководители национальных социалистов и католической народной партии "приступили к разработке планов (...) бегства из Чехословакии и формирования национального комитета или правительства в изгнании"³⁷.

В ходе визита в США в ноябре 1947 г. Я. Масарик выразил Маршаллу восхищение американскими усилиями по оказанию помощи Европе и сожаление, что Чехословакия не смогла участвовать в его программе. Масарик солидаризировался с утверждениями Маршалла, возложившего на СССР вину за "разрушение доброй воли, с которой относились к нему в 1945 г."; т. е. за развязывание "холодной войны". Масарик подчеркнул, что позиция СССР проистекает из "подозрительности по отношению к внешнему миру и навязчивой идеи, что США обречены на экономический коллапс, который устранил их из мировых дел и оставит решение судьбы Европы за Советами"³⁸.

В ноябре 1947 г. на XXI съезде социал-демократической партии в Брно левое крыло потеряло позиции в руководстве. Председателем партии избрали центриста Б.Лаушмана, занимавшего по т министра промышленности. По оценке Штейнгардта, данной еще в 1946 г., существенные различия в позициях левого и правого крыла "должны привести к обострению борьбы за контроль над партией". Он предрекал "наступающее сближение правых социал-демократов и национальных социалистов"³⁹. И не просчитался.

Особое удовлетворение результатами съезда социал-демократической партии испытывал президент Бенеш. В беседе со Штейнгардтом он откровенно заявил — это его "главная победа", достижение которой он с гордостью заносит на собственный счет. Бенеш заверил посла, что будет продолжать предпринимать все, что в его силах, чтобы "сделать социал-демократическую партию независимой и антикоммунистической, насколько это возможно"⁴⁰.

Сразу же после приезда на родину (Штейнгардт уехал в США в конце ноября в отпуск по состоянию здоровья — ему предстояла операция) посол заявил: "Баланс политических сил в стране находится в руках социал-демократов"⁴¹. Возглавлявший в его отсутствие американское посольство в Праге Дж.Брюинс докладывал в то же время в Вашингтон, что "наиболее умеренные элементы захватили сейчас инициативу в социал-демократической партии", и отдавал Бенешу львиную долю заслуг в их успехе. Брюинс не прекращал регулярные консультации с рядом членов исполнительного комитета партии⁴².

Весьма беспокоило Вашингтон то, что коммунисты набирали силу. В доверительной беседе со Штейнгардтом во второй половине ноября 1947 г. Бенеш проявил "наиболее враждебное отношение к коммунистам, чем когда-либо в ходе подобных встреч", а также "сильное желание дружить с Соединенными Штатами". Он высказал оптимизм в отношении успеха буржуазных и реформистских партий, их способности противостоять коммунистам, связывая это с изменениями в руководстве социал-демократической партии⁴³.

Штейнгардт признавал, что прочность позиций коммунистов носит принципиальный характер, а не является результатом тех или иных маневров или особенностей момента⁴⁴. Вывод из этого следовал однозначный — нужно торопиться устранить коммунистов из правительства, поскольку позже, после выборов, это будет невозможно сделать парламентскими методами, даже при поддержке президента. Европейское управление госдепа считало: "шансы умеренных зависят от эффективной поддержки извне", со стороны Запада⁴⁵.

Анализируя политическую обстановку на исходе 1947 г., Штейнгардт писал: "Наилучшие возможности для нас в деле спасения демократии в Чехословакии заключены в отказе пошевелить пальцем до тех пор, пока правительство не отрезвится от пустых мечтаний относительно того, что оно может получить от Советского Союза, и придет к пони-

минию; Санта Клаус ожидает от детей хорошего поведения не только в ночь под рождество". Сравнение чехословацкого правительства с рибенком, а Соединенных Штатов, следует понимать, с рождественским дедом Морозом, одаривающим подарками, неправомочно хотя бы с той точки зрения, насколько скромна была американская помощь стране. Но признавая Чехословакию равным партнером, Штейнгардт высказал оценку тех, на кого он считает возможным опираться в интересах политики США: когда "шансы на коммунистический заговор не растут, но и не уменьшаются, ... некоторые люди в этом городе [Прага. — А.П.] достаточно долго играют двойную игру. Самое время образумить их"⁴⁶. Такая попытка была предпринята американской дипломатией в феврале 1948 г.

В начале 1948 г. поверенный в делах в Праге Дж. Брюинс призвал Вашингтон немедленно изменить позицию по вопросу об экономической помощи Чехословакии, без чего невозможно укрепить позиции умеренных. Он предложил сделать со стороны США "ряд жестов еще до выборов". Путем экономической помощи "нужно попробовать купить себе земли Центральной Европы". Брюинс предлагал безотлагательно заключить "торговый договор или культурное соглашение, или то и другое". Такая акция, по его мнению, "должна показать, что мы не намерены покинуть эту страну"⁴⁷.

В октябре 1947 г. Штейнгардт придерживался точки зрения, согласно которой нужно "не давать займ [Чехословакии. — А.П.] и не отказываться в нем, а создавать впечатление, что решение подвешено, находится в стадии рассмотрения — ничего не предпринимаемая. Эта политика лучшим образом послужит интересам Соединенных Штатов в Чехословакии"⁴⁸.

В январе 1948 г. Штейнгардт, изменив свою точку зрения, поддерживал инициативы Брюинса по заключению коммерческого и культурного соглашения. Не уступая в цинизме своему заместителю, посол считал необходимым "для моральной поддержки" правых заключить торговое соглашение "даже если оно бессмысленно и будет пересмотрено [нарушено. — А.П.] в ближайшем будущем". Примерно так же Штейнгардт мотивировал желательность "культурного соглашения: " "... Просто несколько ни к чему не обязывающих благочестивых слов, декларация о намерениях США, которую легковверные читатели чехословацких газет не смогут отличить от договора по всей форме, послужит целям американской политики. Я думаю, мы вполне можем этим ограничиться"⁴⁹.

С беспрецедентной для послевоенных американско-чехословацких отношений оперативностью Вашингтон согласился приступить к переговорам на обоих направлениях — торговом и культурном. Госсекретарь Маршалл 4 февраля дал соответствующие полномочия посольству США в ЧСР — "для поддержки прозападных настроений" в стране. В феврале в Прагу должен был прибыть специальный эксперт для согласования де-

талей торгового соглашения. Телеграмма госсекретаря содержала программу, включавшую: 1) учреждение Американского фонда образования в стране; 2) организацию обучения стажеров из ЧСР в американских учебных заведениях, приглашение которых будет финансироваться этим фондом; 3) обмен официальными публикациями, т.е. пропагандистская кампания путем переправки печатной продукции из США в ЧСР с ведома властей и т.д.⁵⁰. Для развертывания полномасштабной деятельности в этом направлении у Вашингтона не хватило времени.

Американские дипломаты в Праге, симпатизировавшие антикоммунистам, видели недостатки своих единомышленников. Их не могли не раздражать склоки в среде умеренных политиков, неоднократно приходилось "призывать к порядку" своих друзей⁵¹. В то же время посол Л.Штейнгардт отдавал должное чехословацким коммунистам, их пропагандистским качествам, способностям организовывать массы. Убеденный антикоммунист, Штейнгардт подчеркивал свое "высокое мнение о К. Готвальде и расположение, которое он всегда испытывает к нему"⁵².

События развивались в двух планах. Один из них — консультации оппозиции, проходившие практически ежедневно, попытки укрепить конгломерат антикоммунистических сил, рассчитывающих на более чем на моральную поддержку Запада, не взявшего на себя каких-либо конкретных обязательств. Другой — деятельность коммунистов, занимавших ключевые позиции в структурах государственного аппарата, армии, полиции, безопасности, располагавших собственными отрядами Народной милиции, за спиной которых стоял со всей своей мощью Советский Союз. Исход схватки за власть был предопределен такой расстановкой сил.

Еще в первой декаде февраля 1948 г. ЦРУ получило информацию о неизбежном правительственном кризисе от "чехословацкого источника, имеющего превосходные контакты в кругах народной партии". В частности, источник сообщил о решимости председателя партии Я.Шрамека атаковать по всему фронту "против коммунистов, используя вопрос о злоупотреблениях полиции". Эту атаку он планирует вести "до конца, даже если она приведет к развалу Национального фронта". Расчет базировался на твердой уверенности Шрамека в том, что социал-демократы изменят союзу с коммунистами и оставят последних в изоляции. Тогда, по замыслам инициаторов кризиса, президент Бенеш "будет вынужден немедленно объявить проведение новых выборов". ЦРУ утверждало, что этот план "по меньшей мере частично" был согласован с президентом Бенешем и одобрен им во время встречи с Ф. Галой, председателем фракции народной партии в Национальном собрании 23 января 1948 г. Шрамак, обычно саботировавший свое участие в работе правительства "по причине плохого здоровья", планировал его "резкое улучшение", чтобы выступить действенным участником правительственного кризиса⁵³.

15 февраля состоялось совещание лидеров национально-социалистической партии, которые решили вызвать правительственный кризис. План был прост. Речь шла о том, чтобы правительство Готвальда пало, было сформировано новое, решающие посты в котором получит оппозиция. Весь расчет строился на поддержке президента Бенеша, его популярности в народе. На случай неуспеха предполагалось сформировать чиновничье правительство. Утром на следующий день план согласовали с лидерами словацкой демократической и народной партий. Антикоммунистический блок был готов в решающей схватке за власть. Днем своего перехода в наступление оппозиция избрала 20 февраля 1948 г. В первой половине дня 12 министров от трех буржуазных партий подали в отставку. Вечером на заседании руководства социал-демократической партии решался вопрос о позиции министров — ее членов в условиях правительственного кризиса. Если бы правое крыло в руководстве увлекло за собой большинство, оппозиция получила бы неоценимую поддержку. З.Фирлингер и другие левые помешали немедленному заплению об отставке министров социал-демократов⁵⁴.

20 февраля Штейнгардт вернулся в Прагу. Из пропагандистских изданий в научную литературу перекочевал некритически воспринятый тезис о том, что якобы Штейнгардт прервал свой отпуск. Архивные документы показывают, что отпуск посла давно закончился, он планировал возвратиться в Европу еще 15 января, для чего заказал билет на корабль, отплывавший из Нью-Йорка в Саутхемптон 9 января. Резкое ухудшение состояния здоровья заставило Штейнгардта изменить решение — в конце декабря он был госпитализирован, а 3 января перенес операцию. Штейнгардт намеревался прибыть в Прагу 18—19 февраля⁵⁵.

О степени заинтересованности Вашингтона ходом кризиса свидетельствует тот факт, что со дня приезда посол отправлял две депеши в госдепартамент ежедневно. Американское посольство было исключительно хорошо и своевременно информировано о всех деталях февральских событий. Источник этой информации не вызывает сомнений — руководство буржуазных и реформистских партий, особенно — национальных социалистов.

Штейнгардт по сути опроверг вымысел о "февральском заговоре" коммунистов. Он писал: "Отставка двенадцати некоммунистических министров создала вакуум и коммунисты воспользовались им (...), они не торопили кризис, а извлекли из него выгоду...". В то же время Штейнгардт невольно выдал (в секретном документе, в котором считал возможным быть откровенным) подлинный замысел оппозиции: "сейчас очевидно, что решение о заявлении об отставке 12 министров, представляющих национальных социалистов, католиков и словацких демократов, было принято с прямого одобрения и согласия президента Бенеша"⁵⁶. В течение пяти дней, пока отставка не принималась, президент, по меньшей мере, четыре раза посещали представители министров-

оппозиционеров, чтобы "убедить его держаться твердо, не соглашаться принять отставку"⁵⁷.

Степень американского участия в февральских событиях определяет реплика Л. Томпсона в ходе обсуждения кризиса в Чехословакии 24 февраля в Вашингтоне, участниками которого были руководители европейского управления госдепа и отдела Центральной Европы, а также французские дипломаты, аккредитованные в столице Соединенных Штатов. Заявив: "Из уважения к американским друзьям в Чехословакии два соображения принимаются во внимание: 1) воздерживаться от возбуждения ложных надежд среди некоммунистов; 2) избегать указаний, что ситуация выглядит безнадежной", — Томпсон подчеркнул, что ожидаются протесты США "но не ранее, чем Бенеш будет в состоянии действовать"⁵⁸.

Однако маневры оппозиции были обречены на провал. 25 февраля на массовом митинге на Вацлавской площади в Праге К. Готвальд сообщил: президент принял отставку "министров-предателей" и согласился с составом нового правительства возрожденного Национального фронта. Политики, спровоцировавшие решающую схватку за власть, не сумели и не могли создать необходимых условий для своей победы. В те моменты, когда решалась судьба страны, они не смогли преодолеть разногласия между отдельными группами и партиями. При этом все взоры обратились к президенту республики, который пользовался непререкаемым авторитетом. Они не учитывали, что Бенеш ограничен в своих возможностях повернуть ход событий, кроме всего прочего, и его функциями как президента по конституции. Безответственно подтолкнув выступление оппозиции, Бенеш быстро осознал, что молниеносный контрудар коммунистов не оставил никаких шансов на победу. Поэтому он предоставил своим коллег их собственной судьбе. Его реализм использовали коммунисты, чтобы разрешить кризис мирным путем, с согласия президента и в соответствии с конституционной практикой⁵⁹.

Зав. канцелярией президента и его доверенное лицо, информатор американского посольства Смутный сообщал американским дипломатам: "Президент решил оставаться в стране, поскольку без него потерпит крах сопротивление коммунистам. (...) Эмигрировав, он мало чем сможет помочь своим людям в Чехословакии". Смутный заверил американцев, что "у Бенеша нет ни малейших намерений сотрудничать с новым правительством, напротив, он ищет средства, чтобы доставить ему возможно больше неприятностей"⁶⁰.

Особую неудовлетворенность поведением в ходе правительственного кризиса оппозиционных лидеров, не оправдавших надежды друзей США, их нерешительностью, и недостаточной стойкостью президента Бенеша (которого, с точки зрения Штейнгардта, несколько извиняло плохое состояние здоровья), выразил американский посол. "Внимательно наблюдая, что каждый из них делал в своем министерстве и на

высоком государственном посту, — писал Штейнгардт, — мы видели огромное количество метаний из стороны в сторону, попыток заставить друг друга выполнять ранее взятые обязательства, удержать рядовых членов партий от перехода на сторону коммунистов. Короче говоря [в среде оппозиции. — А. П.], был высокий уровень недоверия, неустойчивое единство, избыток пустых разговоров и движений, все это вызвало нерешительность и нехватку позитивных акций со стороны умеренных. Коммунисты полностью использовали выгоды создавшегося положения⁶¹.

Американские дипломаты признавали, что февральский переворот был бескровным, поражение оппозиции не привело к гражданской войне, "кроме кучки студентов не нашлось в стране персоны — от президента республики до скромного гражданина, которая подняла бы голос в защиту своих политических свобод"⁶².

Несмотря на антисоветскую, антикоммунистическую предубежденность, наглядно проявившуюся в том, что Штейнгардт позднее, в мае 1948 г. всерьез принимал "возможность включения Чехословакии в состав СССР"⁶³, посол вынужден был констатировать: "Нет доказательств советского участия [в чехословацких событиях февраля 48 г. — А. П.]. Даже действия советского посла Зорина, прилетевшего в Прагу 19 февраля, нельзя назвать прямым вмешательством. Его переговоры, о которых посольство получило достоверную информацию, касались вопроса о поставках зерна. Нет также каких-либо свидетельств о давлении на ЧСР на правительственном уровне"⁶⁴. Согласно анализу Штейнгардта, предпринятому непосредственно по горячим следам февральских событий, не было никаких признаков приготовлений СССР к ним или советского участия в них⁶⁵. В этих депешах посол отдавал должное превосходной дисциплине коммунистов, их планированию, организованности в целом. Констатируя отсутствие прямых улик, в целом Штейнгардт возложил на СССР вину за "путч 48 г."

Принятия комплекса жестких мер в отношении Чехословакии посол требовал в телеграмме в госдеп 26 февраля. В частности, он предлагал госсекретарю выступить с "сильным заявлением, которое окажет отрезвляющий эффект на коммунистов, переполненных гордостью за свою победу". Имелось в виду также повлиять на позицию Бенеша, дать толчок его дальнейшим действиям в нужном для США направлении. Некал антикоммунистических убеждений посла дошел в этот момент до такого уровня, что он сравнил методы коммунистов с гитлеровскими, когда тот рвался к власти. "Наказать" Чехословакию посол считал необходимым экономической дубинкой: приостановить любой экспорт из США в ЧСР; запретить движение транспорта в американскую зону оккупации в Германии или через нее (эта мера представлялась эффективной, поскольку основная масса экспорта — импорта ЧСР перевозилась через американскую зону), введением этого запрета предполагалось достичь "хаоса в финансовой и экономической сферах" страны⁶⁶.

В беседе со Штейнгардтом 27 февраля (о ее содержании в тот же вечер стало известно в Вашингтоне) Я. Масарик со слезами на глазах объяснил: он временно остался на посту министра иностранных дел, чтобы в течение короткого времени смягчить "безжалостность коммунистов и, возможно, помочь другим покинуть страну"⁶⁷. В это время налаживались каналы бегства потерпевших поражение оппозиционеров за рубеж. Штейнгардт просил военные власти США в Германии подготовиться к приему политических эмигрантов, покидавших страну и стремившихся в оккупационную зону Соединенных Штатов⁶⁸.

Описывая настроения в среде потерпевшей поражение оппозиции, посол отмечал: ее представители "верят, что единственное спасение принесет война между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Они не думают об ужасных разрушениях, которые такая война может нанести их стране. (...) Они надеются, что США придут и спасут их". Американские дипломаты утверждали, что "в случае будущего конфликта [войны. — А. П.] несомненно будет значительный резерв скрытой расположенности в Чехословакии по отношению к Соединенным Штатам"⁶⁹.

26 февраля правительства США, Великобритании и Франции выступили с совместной декларацией о событиях в Чехословакии, в которой наряду с тезисом о "подрыве в ней принципов свободы, которым отвержены все демократические нации" заявлялось о "приостановке свободного действия парламентских институтов и установлении замаскированной диктатуры одной партии под прикрытием правительства национального союза"⁷⁰.

На официальной пресс-конференции в госдепартаменте 10 марта 1948 г. говорилось, что "в этой стране [США. — А. П.] большую тревогу вызывают события последних недель в Европе, включая падение Чехословакии". По этому поводу Маршалл заявил: "Я думаю, вы правильно описали ситуацию в своем вопросе — эти события вызывают большие опасения. Ситуация очень, очень серьезна. Прискорбно, что страсти разгорелись до нынешнего уровня. Это трагедия, когда случается такое, что произошло в Чехословакии..., где волна террора, а не нормальное функционирование народовластия"⁷¹. В своем развернутом секретном анализе февральских событий, сделанном по горячим следам 12 марта Штейнгардт "оговорился" — это была "практически бескровная революция"⁷². За два дня до этого (10 марта) госсекретарь утверждал о "волне террора".

События в Чехословакии использовались американской дипломатией для продвижения идеи необходимости организационного единства Запада перед лицом нарастающей коммунистической угрозы, как аргумент в пользу создания НАТО.

17 марта 1948 г. Г. Трумен выступил на объединенном заседании двух палат конгресса с алармистским посланием "Об угрозе свободе Европы", выдержанном в духе "всемирного коммунистического заго-

пора", в котором утверждал: "Я сегодня здесь, чтобы доложить вам о критической природе ситуации в Европе и предложить на ваше усмотрение наши действия. Быстрые изменения, которые затрагивают нашу внешнюю политику и нашу национальную безопасность, происходят в Европе. Там возрастает угроза нациям, которые борются за установление формы правления, предоставляющей свободу своим гражданам. США глубоко заинтересованы в выживании свободы этих наций" [т.е. капитализма. — А.П.]. Главной мишенью нападок президента был избран СССР: "Советский Союз и его агенты разрушили независимость и демократический характер целого ряда наций Восточной и Центральной Европы. (...) Трагическая смерть Республики Чехословакия повергла в шок весь цивилизованный мир". Президент заявил, что видит угрозу коммунистического заговора повсюду в Европе — в Финляндии, Греции, Италии, которые могут последовать за Чехословакией. "Методы различаются, но модель всем хорошо известна"⁷³, заявил Трумэн. В телеграмме в посольство США в Великобритании чехословацкие события оценивались далеко не так: "С точки зрения международных отношений захват власти коммунистами в Чехословакии материально не изменит ситуацию, существующую три последних года". Гораздо сдержаннее, чем в речи президента, характеризовалось возможное влияние социалистической революции в Чехословакии — она "может стимулировать и вдохновить действия коммунистов в западноевропейских странах, в частности, в Италии"⁷⁴.

План античехословацкой кампании в ООН был разработан в меморандуме, подготовленном американским представительством при этой организации 26 февраля 1948 г. Заказ на его выработку поступил из госдепа утром того же дня. Проявив завидную оперативность, сотрудники представительства предложили юридическое обоснование кампании. Соединенные Штаты "должны показать: внутренняя ситуация в Чехословакии в сочетании с интервенцией Советского Союза столь остра, что создает угрозу международному миру; советские действия против Чехословакии в поддержку коммунистического меньшинства составляют нарушение мира или акт агрессии против Чехословакии". При этом предлагалось использовать стандартный набор антикоммунистической риторики, употреблявшейся американской дипломатией при обсуждении в Совете Безопасности вопроса "об угрозе миру" на Балканах, в Палестине, Индонезии. "Чехословацкий вопрос" предлагалось расширить за счет обвинений СССР в "подрывной деятельности" в Восточной и Центральной Европе в целом, в Польше, Румынии, Болгарии и Венгрии. Советскому Союзу вменялось нарушение основных целей и принципов Устава ООН⁷⁵.

10 марта 1948 г. Я.Паланек, бывший ранее представителем Чехословакии в ООН, обратился к Генеральному секретарю с предложением вынести "чехословацкий вопрос" на обсуждение в Совете Безопасности⁷⁶. Жалобу отвергли, поскольку она исходила от частного лица, а не

страны — члена ООН. Тогда по команде госдепартамента на сцене появилась чилийская "инициатива".

В послании Генеральному секретарю ООН 12 марта 1948 г. постоянный представитель Чили в ООН Х.С. Круц предложил включить вопрос, поднятый в письме Папанека, в программу заседаний Совета Безопасности, а также безотлагательно вмешаться в чехословацкие дела "используя все средства, предусмотренные Уставом ООН". Дабы показать "действенный и самостоятельный" характер своей акции, правительство Чили разорвало дипломатические отношения с Чехословакией под предлогом обвинения "чехословацких агентов" вместе с советскими и югославскими* в "агрессивной деятельности с целью парализовать чилийскую экономику"⁷⁷.

16 марта Маршалл направил в ООН инструкцию о линии поведения представителя США при обсуждении чилийского предложения. Он должен был поддержать приглашение Я. Папанека к участию в дискуссии наряду с законным представителем ЧСР. При этом госсекретарь подчеркивал, что "для вашей личной информации с целью помочь вам в контактах с другими делегациями и прессой ... мы должны говорить откровенно, но не брать на себя главную ношу"⁷⁸ чехословацкого вопроса. Каштаны из огня для американской дипломатии должны были гасить другие. Правительство США старалось принять меры, чтобы отвести от себя обвинение в том, что Чили как инициатор античехословацкой кампании в ООН является не более чем марионеткой в американских руках. В тот же день Маршалл сообщал: "В случае, если представителю США в ООН будет задан вопрос по чехословацкому делу, он уполномочен заявить, что в соответствии с нашей традиционной позицией мы будем голосовать по пункту, внесенному в повестку заседания. В случае дальнейших расспросов он должен ответить, что наша позиция по этому вопросу не (повторяю — не)** будет сформулирована до изучения чилийской жалобы. Мы должны выглядеть как совершенно непричастные к акции Чили и не имевшие какой-либо предварительной информации о ней"⁷⁹.

Не рассчитывая, что ООН может послужить действенным инструментом восточноевропейской политики, США возлагали на "чехословацкий вопрос" другие функции: сплочение Запада перед лицом "советской интервенции" (создание НАТО уже было поставлено на практическую основу), пропагандистский эффект в арсенале "психологической войны" против стран социалистического лагеря⁸⁰.

* Отношения Чили с СССР и Югославией были разорваны еще в октябре 1947 г., при этом двум социалистическим странам инкриминировалось "вмешательство во внутренние дела" (попытки сорвать добычу важнейшего сырья, которое Чили экспортирует в дружественные страны) путем поощрения нелегальной революционной деятельности национальных групп, действующих в их интересах.

** Так в оригинале. — А.П.

Для оживления "чехословацкого вопроса" в ООН внешнеполитическое ведомство США обратилось к представителям оппозиции, бежавшим из Чехословакии, которые должны были выступить в стенах ООН и в качестве очевидцев⁸¹. Однако эта затея провалилась. И не потому, что эмигрантские лидеры не пожелали появиться на сцене ООН для нанесения ущерба делу чехословацкой революции. Они не смогли представить доказательств "коммунистического вмешательства извне". С разочарованием госдеп сообщал американскому представительству при ООН 2 апреля 1948 г.: "Из информации, полученной из Франкфурта, ясно, что заявление чешских беженцев будет слабым, не покажет однозначно советское вмешательство как причину чехословацкого кризиса"⁸².

"Чехословацкий вопрос" мушкетировался в Совете Безопасности около трех месяцев — с марта по май 1948 г. Свою роль в срыве кампании в ООН сыграла позиция правительства ЧСР, отказавшего какому-либо комитету в праве расследовать положение в стране. "Отказ чехов допустить членов комитета в страну лишает смысла его создание", — так считал госдепартамент еще в марте 1948 г.⁸³ Тем не менее, США продолжали настаивать на его организации. 24 мая чилийский проект резолюции, представленный Аргентиной и поддержанный Соединенными Штатами, призывавший к созданию специального комитета для расследования "чехословацкого вопроса", был забаллотирован в Совете Безопасности. Право вето применил Советский Союз.

Посол Л. Штейнгардт представил в госдеп аналитический комментарий, в котором он претендовал на исчерпывающую, с американской точки зрения, оценку событий февраля 1948 г., их исторической и психологической обусловленности, а также политики США на будущее — в отношении социалистической Чехословакии. Событием, которое спустя исторически короткий промежуток времени привело к февралю 1948 г., Штейнгардт считал Чехословацко-Советский договор о дружбе, подписанный 12 декабря 1943 г. Ни словом не обмолвившись о том, что в результате реализации этого договора стало возможным восстановление государства чехов и словаков, боевое взаимодействие чехословацкой и советской армий в разгроме гитлеровской Германии, посол обратился к инсинуациям об "агрессивных политических целях", преследовавшихся Советским Союзом в ходе освобождения народов Европы от фашистского порабощения. Признавая, что во время войны "в любом случае для чехов не было альтернативы заключению союза с Советами", Штейнгардт определил главным просчетом США в Тегеране, Ялте и Потсдаме, что они, "хотя и не было формальной договоренности об этом, включили чехов в советскую сферу влияния". Не сообразуясь с реальностями исторических событий, посол заявлял, что США совершили ошибку — "позволив советской армии освободить Прагу", но главное — "уделив дальнейшее внимание политическим аспектам войны, могли приобрести за минимальную цену контроль над Центральной Европой"⁸⁴.

28 мая 1948 г. Штейнгардт посетил Бенеша в день его рождения, чтобы поздравить от лица дипломатического корпуса. Эта встреча еще раз продемонстрировала близость двух деятелей на почве антикоммунизма. Проиграв политическое сражение в феврале, Бенеш заявил, что "его взгляды на демократию не изменились". Он поделился с американским послом надеждами, что "современные условия в Чехословакии не смогут просуществовать сколько-нибудь долго". Уверенность в скором крахе социалистического строя связывалась президентом "с неизбежным глубоким экономическим кризисом". Он заверил посла, что "не хочет и не может одобрить новую конституцию", а также в том, что подаст в отставку с поста президента в десятидневный срок⁸⁵. Это была последняя встреча двух единомышленников. Штейнгардт вскоре покинул страну, а ушедший с поста президента Бенеш скончался 3 сентября того же года.

По оценке американского исследователя У. Ульмана, "не прошло и нескольких недель (после февраля), как стало очевидным, что роль американцев в Праге, во всяком случае на ближайшее будущее, стала чисто номинальной. Специальная миссия, которую Штейнгардт и его посольство играли в Праге [как надежда и опора оппозиции. — А. П.] пришла к концу"⁸⁶. Как писал Штейнгардт в письме близкому другу Я. Масарика, американской писательнице М. Давенпорт в октябре того же года, уже приступив к исполнению обязанностей посла США в Канаде: "Я покидал Прагу без сожалений, отчасти поскольку все наши друзья 'умерли' по той или иной причине [намек на судьбу Масарика и Бенеша. — А. П.], частично по причине — условия быстро ухудшались к тому же ощущал: мало что еще смогу сделать в существующей ситуации"⁸⁷. Можно понять посла с точки зрения его вашингтонских корреспондентов: "Прага уже не та с тех пор, как наши друзья изгнаны из своей собственной страны и не сможет стать той же для нас"⁸⁸.

После февраля начался новый этап политики Соединенных Штатов в отношении Чехословакии. Его отличительная черта состояла в том, что ЧСР перестала быть объектом дифференцированного (по сравнению с другими странами Восточной Европы) курса. С середины 1948 г. роль центрального пункта приложения усилий восточноевропейской политики США переходит к Югославии.

ГЛАВА 5 "НОВАЯ ЮГОСЛАВСКАЯ" ПОЛИТИКА ВАШИНГТОНА

10 декабря 1945 г. правительство Югославии официально уведомило посла США о том, что Скупщина, избранная в результате выборов 29 ноября, упразднила монархию и учредила Федеративную Народную Республику Югославию (ФНРЮ). Американская администрация отреагировала заявлением о признании югославского правительства, выразила готовность принять посла ФНРЮ. В то же время заявление содержало обвинения в нарушении ялтинских договоренностей, отсутствии возможностей свободного волеизъявления избирателей и т.д.¹. Аккредитация югославского посла в Вашингтоне затянулась до 16 апреля 1946 г. и состоялась только после того, как правительство Югославии приняло на себя финансовые и договорные обязательства упраздненной монархии².

Последовавшее за провозглашением ФНРЮ обострение отношений с США происходило не по инициативе югославской стороны. Напротив, когда в начале 1946 г. ею зондировался вопрос о возможности поездки И.Броз Тито в США, зам. госсекретаря Д.Ачесон дал инструкцию послу в Югославии Паттерсону "полуофициально" довести до ведома правительственных кругов: "Мы не считаем, что визит маршала Тито будет полезным и не рассматриваем вопрос о его приглашении в подходящее время"³. Следует расценивать как проявление желания установить нормальные деловые отношения с Соединенными Штатами назначение послом Югославии в США С.Козановича. Госдепартаменту не могло не imponировать то, что Козанович, министр без портфеля и в эмигрантском (королевском) правительстве, пребывал в Соединенных Штатах в 1941—1945 гг. и, разумеется, не являлся членом КПЮ.

Американская дипломатия пыталась оказать давление на ФНРЮ по вопросу о судьбе главы четнических формирований, бывшего министра вооруженных сил эмигрантского правительства Д.Михайловича, которого судили в июле 1946 г. 6 июня госсекретарь Бирнс направил поверенному в делах США в Югославии Г.Шанцу ноту для представления в МИД ФНРЮ, в которой сообщалось, что сформированный в США "Комитет за справедливый суд для Дражи Михайловича" готов предоставить югославскому правительству документы, свидетельствующие в пользу подсудимого⁴. Эти документы прибыли самолетом в Югославию, однако не смогли изменить точку зрения суда на дело Михайловича. Американское правительство требовало допустить на процесс в ка-

честве свидетелей своих наблюдателей из числа тех, кто был направлен в штаб Михайловича в годы войны. В ответной ноте Югославия отказала⁵. 17 июля Михайлович был казнен.

США регулярно проявляли неуважение к суверенитету Югославии — их военные самолеты практически ежедневно самочинно вторгались в воздушное пространство страны, совершая полеты между американскими военными базами в Италии и Австрии. Протесты против несанкционированных югославскими властями полетов американской авиации над территорией ФНРЮ содержались, в частности, в нотах правительству США от 9, 19, 30 августа 1946 г., заявлялись послу Паттерсону в ходе личных встреч с И.Броз Тито⁶. Согласно данным, представленным послом Козановичем в госдеп, с февраля по август 1946 г. наблюдалось 1070 нарушений самолетами воздушных границ Югославии⁷.

9 и 19 августа два военно-транспортных самолета США вынудили к посадке на югославской территории. Один из них разбился, другой был поврежден. На вопрос на пресс-конференции 20 августа "Запрашивали ли мы когда-нибудь у Югославии разрешение летать над ее территорией?" зам. госсекретаря Ачесон ответил, что не знает. Он пообещал заняться выяснением этого вопроса⁸. До того, как пострадали два американских самолета, у госдепа не возникало желания осведомиться о мнении Югославии по поводу нарушений ее воздушного пространства — за разрешением на полеты к ней не обращались.

Соединенные Штаты потребовали компенсации — 360 тыс. долл. семьям погибших и за утраченное имущество. Югославское правительство 20 сентября заявило, что не считает себя виновным в произошедших инцидентах, однако выражает соболезнование семьям пяти погибших американцев и готово выплатить им 150 тыс. долл. Какую-либо компенсацию за погибший и поврежденный самолеты правительство ФНРЮ платить отказалось. Правительство США не удовлетворилось и продолжало в высокомерном тоне настаивать на компенсации за самолеты, объясняя их появление в воздушном пространстве Югославии плохой погодой. Американские транспортные самолеты отныне летали по маршруту Италия — Австрия под эскортом истребителей⁹.

26 сентября 1946 г. Югославия приостановила деятельность в стране информационной службы США на том основании, что она распространяла антиюгославские материалы и ее сотрудники участвовали в антиправительственной деятельности. На следующий день и.о. госсекретаря Клейтон сделал по этому поводу заявление на пресс-конференции в Вашингтоне, в котором назвал причиной акции югославского правительства его антидемократический характер¹⁰.

Дальнейшее обострение американо-югославских отношений произошло в связи с проходившим 31 декабря 1946 — 4 января 1947 г. в Белграде процессом по обвинению югославских граждан в шпионаже в пользу США (трое из обвиняемых были затем расстреляны). Сотрудни-

кам американского посольства — аналитику экономического отдела Э. Придонову, помощнику военно-морского и воздушного атташе Дж. Кашуничу, советнику Г. Шанцу вменялось в вину получение от подследимых секретной информации. После отзыва трех американских дипломатов, объявленных персонами нон грата, были арестованы несколько югославских граждан, обслуживавших посольство США. 21 января американский гражданин И. Пинтар, проживавший в Югославии с 1933 г., судом в Загребе приговорен за шпионаж к расстрелу.

“Процессы над американскими шпионами” в ФНРЮ в 1947 г. приобрели характер политической кампании. Директор европейского управления госдепа Х. Ф. Маттеус указывал в меморандуме на имя зам. госсекретаря Д. Ачесона, что дело идет к разрыву дипломатических отношений между США и ФНРЮ¹¹.

В донесении поверенного в делах США в Югославии Кэбота, датированном февралем 1947 г., допускалось, что югославское правительство хочет разрыва отношений или перевода посольства США в соседнюю столицу. Рекомендовал развернуть в США кампанию по преследованию симпатизирующих Югославии как иностранных агентов, используя Комитет по расследованию антиамериканской деятельности, а также узаконить блокирование югославских средств и выплатить из них суммы, на которые претендуют американские владельцы, Кэбот, тем не менее, подчеркивал: “Важно не захлопнуть дверь перед лицом Тито и не оскорблять бессмысленно национальные чувства югославов”¹².

В условиях чрезвычайного обострения продовольственной проблемы в Югославии ее правительство обратилось к США в марте 1947 г. с просьбой поставить по каналам и в рамках финансирования программы ЮНРРА зерно в страну. (К марту 1947 г. поставки ЮНРРА в Югославию составили сумму 375 млн долл. 75 % от нее предоставили США.) Соединенные Штаты отказали под предлогами — Югославия и так достаточно получает от ЮНРРА, а все американское зерно распределено. Отказано было также в кредите в 350 млн долл. на цели восстановления югославской экономики¹³.

12 марта 1947 г. на объединенном заседании палаты представителей и сената президент Трумэн выступил со специальным посланием “о положении в Греции и Турции”. Запросив на помощь правящим режимам в этих странах ассигнования — 400 млн долл. (на срок — до 30 июня 1948 г.), президент утверждал, что без такой помощи невозможно противиться “иностранному вмешательству в Греции со стороны Албании, Болгарии и Югославии”. Смысл президентского послания, конечно же, не сводился к избранному Вашингтоном конкретному поводу для вмешательства — это было “обоснование” права США на навязывание другим народам американских порядков.

Основные тезисы “доктрины Трумэна” состояли в следующем: Соединенные Штаты должны “помогать свободным, проживающим при капитализме, народам защищать свои институты и национальную це-

лостность от агрессивных движений", инспирируемых "тоталитарными режимами"; "прямая или непрямая агрессия тоталитарных режимов подрывает основы международного мира и поэтому — безопасность Соединенных Штатов" — любые действия неугодных государств таким образом объявлялись затрагивающими безопасность США, рядившихся в одежды миротворцев; социально-политическое устройство других стран мира должно избираться по усмотрению США, Вашингтон присваивал себе прерогативу выражать интересы их народов, определять, где "тоталитарные режимы навязаны вопреки их [народов. — А.П.] воле"; под неприемлемыми для США "тоталитарными режимами" однозначно понимались таковые в государствах Восточной Европы. В духе антикоммунистического мессианства США брали на себя обязательство "помогать свободным народам избрать свою судьбу собственным путем". Выступая 13 мая на пресс-конференции с самооценкой собственной доктрины, Трумэн не оставил сомнений в том, что этот путь должен полностью определяться Соединенными Штатами, цель которых — "установить свободное мировое правительство"¹⁴.

Помощь Югославии греческим партизанам, сражавшимся против афинского режима, была по сути единственным реальным фактом из выдвигавшихся администрацией Трумэна в качестве обоснования "права" США вмешиваться в дела других стран для борьбы с "коммунистической агрессией". При этом замалчивалось, что гражданскую войну в Греции "интернационализировал" Запад — на стороне афинского правительства воевали английские войска, весной 1947 г. их численность составляла 8 тыс. человек¹⁵.

Официальные представители правительства ФНРЮ категорически отрицали, что Югославия оказывает военную помощь греческим партизанам. В беседе с госсекретарем Ачесоном 1 июля 1949 г. Козанович заявил, что он "следит за этой проблемой непосредственно с тех пор, когда она впервые поставлена в Совете Безопасности в 1946 г., и не верит, что Югославия на всех этапах делала что-либо большее, чем принимала беженцев со стороны партизан и устраивала для них лагеря; вероятнее всего никакой материальной помощи, в том числе оружия, в действительности из Югославии в Грецию не направлялось"¹⁶. Во всяком случае, реакция Соединенных Штатов на югославское вмешательство в греческие дела неадекватна как масштабам помощи партизанскому движению, так и его международному значению.

В 1945—1948 гг. постоянно возникали трения в американо-югославских отношениях из-за отказа Соединенных Штатов в нарушение московской декларации 1943 г. удовлетворить требования о выдаче Югославии военных преступников, коллаборационистов, скрывавшихся в первые послевоенные годы в оккупационных зонах западных держав в Германии, Австрии и Италии. Как констатировалось в политическом заявлении "Югославия", "из сотен лиц, обвиненных югославами в военных преступлениях, мы передали только сравнительно не-

многих, находившихся в нашей власти, в отношении которых убедились после всестороннего изучения всех доступных свидетельств, что они действительно совершили злодеяния или добровольно сотрудничали с врагом"¹⁷. Это уже по сути было нарушением соглашений — поскольку властям именно тех стран, на чьей территории орудовали преступники, предоставлялось право расследовать их злодеяния.

Архивные документы подтверждают — даже те лица, преступления которых не составляли секрета для американцев, не передавались соответствующим странам. В конце 1946 г. югославское правительство требовало от американцев выдать около 700 преступников, большинство из них составляли изменники родины, сотрудничавшие с гитлеровцами. Американская сторона согласилась передать примерно 110 лиц при условии, если они будут обнаружены в сфере досягаемости американских или союзных властей. Из них не более 20 действительно были переданы в руки югославских органов правосудия. В подготовленном по этому вопросу для госсекретаря меморандуме указывалось: "Сравнительно небольшое число лиц, на чью передачу мы согласились, и затяжки с ответом на югославские просьбы о выдаче длительное время сохраняются как болезненные точки напряженности в отношениях с югославами"¹⁸.

Госсекретарь Дж. Бирнс заключил: а) мы не будем подвергать проверке лиц из числа требуемых к выдаче Югославией, если их преступления не рассмотрены американской юрисдикцией; б) не будем полностью отвергать все требования о передаче ей военных преступников; в) будем внимательно изучать запросы о предполагаемых преступниках, особенно находящихся в Италии и Австрии, чтобы "хотя бы частично защититься от обвинений в сокрытии военных преступников"; г) установим для всех стран (включая Югославию) срок, после которого заявки о выдаче военных преступников не будут рассматриваться¹⁹. Замысел Бирнса состоял в том, чтобы затянуть процесс изучения югославских претензий, а затем оставить их без ответа. Госсекретарь Маршалл пошел дальше, подчеркнув, что даже внесение военных преступников и коллаборационистов в соответствующий список Комиссией ООН по военным преступлениям "не является достаточным основанием для выдачи"²⁰.

В проведении резко антиюгославского курса Вашингтон исходил из таких соображений: прочные позиции коммунистической партии (наиболее сильной из всех компартий в странах Восточной Европы), завоевавшей огромный авторитет в ходе народно-освободительной войны; твердая поддержка югославского правительства Советским Союзом, совпадение точек зрения двух стран по основным международным проблемам; практическое отсутствие после 1945 г. в Югославии организованной политической оппозиции; высокие темпы осуществления социалистических преобразований в ФНРЮ; помощь Югославии греческим партизанам в ходе гражданской войны.

Сравнение позиций Югославии и других стран Восточной Европы в 1945—1948 гг. дает основания для вывода о том, что ФНРЮ последовательно и откровенно занимала наиболее критическую точку зрения на политику США в "холодной войне". По многим проблемам югославские и американские интересы приходили в столкновение, поскольку США рассматривали свою политику в отношении Югославии как подчиненную задачам антисоветской политики.

Американская дипломатия в середине 1947 г. начала осторожно говорить о возможности расхождения точек зрения югославского и советского руководства. Хотя, конечно, разрыв советско-югославских отношений ею не прогнозировался.

7 июля поверенный в делах США в Белграде Дж. Кэбот направляет развернутый комментарий о ситуации в Югославии в госдеп, суммируя информацию, полученную в течение пятимесячного срока на посту главы американской миссии в стране (9 июля в Белград прибывал новый посол К. Кэннон). В этом документе, продиктованном честолюбивым желанием доказать, сколь ошиблись госдеп и администрация, не поручив ему возглавить посольство, Кэбот подчеркивал: "Югославский коммунизм уже значительно отличается от русского, несмотря на положение любимого ребенка, базовое расовое [национальное. — А.П.] сходство и близость политических традиций"²¹. Кэбот указывал на беспочвенность надежд на политическую оппозицию и прочное положение режима Тито: "Даже допуская, что большинство югославов находятся в оппозиции к коммунистическому режиму, это не значит, что больше югославов будут рисковать жизнью, чтобы свергнуть его, чем защищая его. (...) Югославам, которым не нравится правительство, часто еще больше не нравятся иностранные филиппики против него"²².

В проведении политического курса США Кэбот рекомендовал исходить из того, что Югославия совершенно не терпит поучений и угроз. Прибегая к каждодневным обструкциям, посольство США отторгает себя от дел и теряет престиж даже среди оппозиции. Бесплезно определять, чего хотят югославы, чтобы затем противиться этому. "Политикой мелких уколов и беспрестанной враждебности мы подтолкнем умеренных в руки экстремистов, а страну в объятия русского медведя. Жизненно важно, чтобы руководство всегда чувствовало, что наша дверь открыта для них, если они захотят войти... Цель нашей далекоидущей политики в отношении этой страны — продвижение [к власти. — А.П.] правительства..., независимого от русских директив. Для ее достижения требуется постоянно разъярять столкновение интересов России и Югославии... Не обоснован оптимизм в отношении успеха, но было бы преступлением не попробовать"²³.

Нет оснований считать, что американская дипломатия руководствовалась рекомендациями Кэбота. Продолжалась не только политика "булавочных уколов", но и наносился серьезный урон интересам Югославии — в политической и экономической сферах. Как подчеркивает

сотрудник ООС М.Петрович, работавший в ФНРЮ в 1945—1948 гг., "Югославия и СССР рассматривались [американской дипломатией. — А.П.] как две части монолитного коммунистического блока..., угрожавшего интересам США"²⁴.

18 июня 1948 г. Р.Римз, советник посольства США в Белграде, поверенный в делах, на основании анализа совокупности, на первый взгляд, незначительных фактов, касавшихся советско-югославских отношений, телеграфировал в госдеп: "Я убежден, что точно существует раскол. Природа и размеры его скоро станут очевидными..."²⁵. Однако никакой реакции Вашингтона на меморандум Римза не последовало. Как писал в своих воспоминаниях работавший в то время в посольстве в Белграде причастный к подготовке упомянутого документа американский дипломат Ч.Стефен, "молчание госдепартамента и посольства США в Москве означало, что в обоих местах содержание нашей телеграммы не вызвало энтузиазма. Последовавшие десять дней тянулись столь долго, как никакие другие в моей жизни. Если наш прогноз верен, мы должны вскоре увидеть дальнейшие симптомы советско-югославского раскола"²⁶. Посол США в СССР У.Смит честно признал в своих мемуарах, что никто в его посольстве не ожидал разрыва отношений СССР и ФНРЮ²⁷. Просчет руководства госдепа в оценке состояния советско-югославских отношений привел к тому, что, как считает Ч.Стефен, меморандум Римза не пошел "наверх" в госдепе, поскольку мог только вызвать раздражение его руководства²⁸.

28 июня 1948 г. была опубликована резолюция бухарестского совещания Информационного бюро (Коминформа) о положении в КПЮ, содержавшая решение об исключении из него Компартии Югославии. Это послужило сигналом для Соединенных Штатов, которые приступили к разработке и осуществлению новой политики в отношении Югославии.

30 июня госсекретарь Дж.Маршалл направил в дипломатические миссии США циркулярную телеграмму с требованием "проявить особую бдительность" в связи с конфликтом югославского руководства с Коминформом, причем "следует учитывать, что Югославия все еще коммунистическая страна, руководимая человеком, постоянно одобрявшим самонадеянное и враждебное отношений к нам"²⁹ [США. — А.П.]. Глава внешнеполитического ведомства призвал не самообольщаться тем, что "они скоро [подчеркнуто мною. — А.П.] станут интегральной частью западного мира"³⁰. Однако содержание телеграммы говорило — именно это является целью внешнеполитических усилий США. Чтобы не помешать выполнению поставленной задачи, предлагалось "быть осторожными, не создать впечатление — Тито у нас в кармане только потому, что он исключен из коммунистической семьи"³¹. Политику США предполагалось строить в зависимости от поведения югославского руководства, в первую очередь — в отношениях с Соединенными Штатами, затем с их европейскими союзниками и междуна-

родным сообществом в целом. Госдеп усматривал широкий смысл югославских событий в том, что Югославия послужит примером "для других коммунистов". Целью политики США с этого момента стало придать югославскому вызову необратимый характер с тем, чтобы он послужил моделью для других восточноевропейских стран. Ведущие специалисты по коммунизму в госдепартаменте — Ч. Болен, Дж. Кеннан и Л. Томпсон — считали разрыв Югославии с Коминформом "наиболее важным событием с момента окончания второй мировой войны"³².

В соответствии с договоренностью от 19 июля 1948 г. об удовлетворении претензий США к Югославии, Соединенным Штатам была выплачена из югославского золотого запаса компенсация в 17 млн долл., а сам он — деблокирован. По оценке министерства финансов США американское имущество в Югославии составляло 50,3 млн долл. К 1948 г. корпорации и граждане США предъявили к ФНРЮ претензии на компенсацию в сумме 42,3 млн долл. Правительство требовало возместить 180 тыс. долл. за сбитый самолет и 2 тыс. за уничтоженный "Джип". Долг по ленд-лизу составлял 32 млн долл., а по гражданской помощи — 6 млн долл. Таким образом, суммарные претензии США к Югославии — около 80,5 млн долл. Задержанный золотой фонд Югославии в американских банках оценивался в 46,8 млн долл., частные вклады югославских граждан в США — 13,8 млн долл.³³ Как видим, США согласились разрешить взаимные имущественные претензии на весьма либеральных условиях.

Тем не менее, с первых шагов разработки "новой югославской" политики США стало очевидно, что интересы ФНРЮ меньше всего принимаются во внимание американской дипломатией. Ее целью было превратить Югославию в орудие антисоветской политики в "холодной войне". Как подчеркивал поверенный в делах США Р. Римз в донесениях в госдеп, "наша позиция должна в большей мере зависеть от советской, а не югославской тактики", "давление силы будет неумолимо подталкивать Тито в конце концов к Западу и формировать его место в несоветском мире", "наша политика должна пониматься практически полностью в пределах ее влияния на СССР. Наша стратегия — поиск максимального использования растущих возможностей расширения трещины между СССР и Югославией и распространения влияния Тито на советских сателлитов"³⁴, то есть страны Восточной Европы.

Администрация решила, что, действуя постепенно (поскольку не было уверенности — произойдет окончательный разрыв советско-югославских отношений или их восстановят в ближайшем будущем), стимулируя ограниченными мерами прозападные шаги югославского руководства, и с оглядкой на антикоммунистические силы в США (в частности, католические группировки), в глазах которых Югославия оставалась прежде всего коммунистическим государством, а лишь затем "еретиком в коммунистическом лагере", ситуацию в Югославии

нужно использовать в интересах глобальной антикоммунистической стратегии.

Администрации Трумэна, немало потрудившейся в 1945—1948 гг. над созданием в глазах американского общественного мнения образа Югославии как "тоталитарного государства, управляемого тираном", в котором "отсутствуют демократические свободы, преследуются церковь", "террористов, сбивающих американские самолеты", "советского орудия, экспортирующего революцию в другие страны (Грецию. — А. П.)", "угрозы свободе и безопасности США в Средиземноморье", было нелегко получить поддержку в конгрессе своей новой политике — привлечения Югославии на сторону Запада, заветной целью которой было включение страны в НАТО. Оппоненты оказанию американской помощи Югославии представляли собой влиятельные силы, с которыми не могла не считаться администрация.

Аргументы в пользу "новой югославской" политики, в том числе ослабления контроля над экспортом в Югославию с тем, чтобы получить средства для ее осуществления, приводились в докладе СНБ 18/2, одобренном президентом 18 февраля 1949 г. Главным противником реализации на практике Ачесоном положений этого доклада выступил военный министр Л. Джонсон, требовавший пересмотра президентского решения. В конечном итоге — летом 1949 г. — госсекретарю удалось отстоять свою точку зрения. Решающим соображением в его пользу стало закрытие югославо-греческой границы³⁵.

Стойким приверженцем "новой югославской" политики США рекомендовал себя А. Гарриман, в то время директор программы экономической помощи Европе (план Маршалла). Позитивные моменты для США в ситуации вокруг Югославии, делающие необходимой помощь ей Вашингтоном, он подчеркивал в ходе слушаний по вопросам ассигнований на нужды руководимой им программы (февраль 1949 г.)³⁶, связанным с заключением Североатлантического договора (май 1949 г.)³⁷, Акта о взаимном обеспечении безопасности³⁸.

Накануне встречи госсекретаря Ачесона с послом ФНРЮ в Вашингтоне С. Козановичем, который вылетал 2 июля 1949 г. на родину для консультаций, вызванных, по мнению госдеповских аналитиков, "дальнейшим ухудшением отношений с Москвой", для главы внешнеполитического ведомства европейское управление подготовило резюме по проблемам американско-югославских отношений. В нем подчеркивалось, что Югославия серьезно нуждается в кредитах. Целью их предоставления Соединенными Штатами "политически, является углубление раскола между Тито и Кремлем". При этом предлагалось учитывать влияние любых займов на военный потенциал Югославии в долговременном плане. Планировалось отправить для сбора информации в Югославию, по согласованию с посольством США в Белграде, группу экспертов Всемирного (неправительственного) банка. Вопрос о кредитах экспортно-импортного банка США связывался с прекращением югославской по-

мощи греческим партизанам. Поскольку закупка оборудования для металлургического завода представляла первостепенный приоритет для югославов и показатель намерений Соединенных Штатов, этот вопрос решался положительно. Разрешить частным банкам США давать кредиты Югославии. Наконец — никаких уступок ФНРЮ по проблеме Триеста, он должен быть возвращен Италии³⁹.

В русле этих конкретных акций формулировались основы политики США в документе общего характера — заявлении "Югославия", распространенном госдепом 1 сентября 1949 г. В нем ставилась задача "извлечь максимальные политические преимущества из ссоры в коммунистической семье". Для ее решения предлагалось дать право Югославии закупать в США на собственные средства и небольшие американские кредиты необходимые югославской экономике товары, которые она не получает из-за эмбарго, введенного "советским блоком". На скромные уступки со стороны США Югославия должна была ответить "независимостью от СССР, укреплением своего сопротивления советскому давлению и примером неудовлетворенным элементам в коммунистических партиях и странах, входящих в Коминформ"⁴⁰. Как видно из документа, речь о военной помощи и попытке вовлечь ФНРЮ в западный военный блок еще не шла, хотя в нем и заявлялось, что США "должны не упустить возможность привлечь Югославию к Западу как политически, так и экономически"⁴¹.

Шаги администрации по оказанию экономической помощи Югославии встречали оппозицию в конгрессе. В ходе слушаний о выделении дополнительных ассигнований на "помощь Греции и Турции" в августе 1949 г. конгрессмен Смит обвинил госдеп в том, что, санкционировав продажу оборудования для сталелитейного завода в Югославии, он "прилагает усилия по укреплению социалистической экономики в мире"⁴². Этим обвинениям вторил конгрессмен Миллер: "Я поражен действиями м-ра Ачесона и его левых сторонников, которые предлагают не только сталелитейные заводы коммунистической стране, но и займы"⁴³.

Тем не менее 8 сентября 1949 г. США предоставили Югославии кредит через экспортно-импортный банк в размере 20 млн долл., причем 1½ млн можно было воспользоваться немедленно. Выплаты по кредиту отсрочивались на 10 лет. Цель — закупка в США оборудования для металлургии⁴⁴.

Соображения, руководствуясь которыми Соединенные Штаты подерживали югославское правительство, сформулировал посол в ФНРЮ Кэнон: "Чрезвычайно желательный для нас подход к восточноевропейским политическим реальностям, состоящий в том, что устранение Тито создаст условия для более представительного и прозападного режима, игнорирует два неприятных фактора: а) полное отсутствие руководства, программы, денег, организации и т.д. как здесь, так и в эмигранции, посредством чего какая-либо антикоммунистическая югослав-

ская группа рассчитывает выжить режим Тито и б) ... в Югославии нет выбора из трех вариантов, а только из двух: Тито или орудие Москвы"⁴⁵. Американская дипломатия отдавала себе отчет, что при всей остроте советско-югославского конфликта Югославия объективно тяготела к социалистическим странам, а не к Западу.

12 сентября 1949 г. ГПП подготовила документ "Связь югославо-московских противоречий с внешнеполитическими целями США", который стал предметом обсуждения на совещании в госдепартаменте под председательством зам. госсекретаря Дж.Вебба. Тема дискуссии — возможные акции Советского Союза с целью свержения режима Тито, поделенные госдеповскими теоретиками на четыре категории: 1) атака советских войск при поддержке армий других восточноевропейских стран; 2) нападение войск стран Восточной Европы без прямой поддержки советской армией; 3) поддерживаемые-извне интенсивные партизанские операции внутри Югославии; 4) активизация политического, экономического и психологического давления, призванного возбудить восстание в Югославии⁴⁶.

Дальнейший ход событий показал, что лучшие умы госдепартамента (Д.Раск, В.Парк, Дж.Кеннан, П.Нитце, Дж.Перкинс и др.) прогнозировали действия, которые СССР не применил. Первые три варианта курса остались на совести вашингтонских стратегов. Что касается экономического аспекта, то эксперты ЦРУ в докладе "Оценка способности югославского режима противостоять советскому давлению в 1949 г." пришли к выводу: "советский блок" не в силах оказать экономическое воздействие в таких масштабах, что это приведет к краху югославской экономики⁴⁷.

6 октября 1949 г. бюро разведки и исследований (БРИ) госдепартамента подготовило на основании всей доступной разведывательному сообществу США информации, донесений из посольства США в Белграде, а также путем консультаций с отделом исследований и оценок ЦРУ, разведками армии, флота и авиации меморандум "Оценка внутренней ситуации в Югославии". Этот документ не содержал стандартных обвинений "коммунистического режима и его главы "дьявола" Тито". Его авторы сознательно отказались от каких-либо "личных чувств" и "морализаторства" в подходе к ситуации. Главный вывод, базировавшийся на стремлении авторов к максимальной объективности, был созвучен вышеупомянутому политическому заявлению "Югославия": "продолжительное выживание Тито представляет собой первоочередную угрозу для идеологических и стратегических позиций СССР".

Авторы меморандума признавали (и специально подчеркнули в комментариях к нему), что исходят не из фактов, которыми они "как и правительство Соединенных Штатов, не располагают", а из "удобных им мнений, предположений и предубеждений, которые нельзя считать фактами". Эта самокритичная оценка вызвала в стенах госдепартамен-

та негодование, аналитикам БРИ навесили ярлыки проводников "прокоммунистической линии"⁴⁸. Этот факт свидетельствовал о развертывании "охоты на ведьм" в стенах американского внешнеполитического ведомства. Политика США в отношении Югославии строилась с самого начала на весьма зыбком фундаменте — стремившиеся к объективному подходу к процессу выработки ее основ сотрудники госдепа не могли не видеть этого.

20 октября 1949 г. США поддержали кандидатуру Югославии в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН, и она была избрана вопреки противодействию Советского Союза⁴⁹. С этого момента начинается сближение США и Югославии. 24 декабря заключено соглашение о полетах авиации (призванное закрыть вопрос об инциденте с двумя военными самолетами США в 1946 г.). США получили право беспрепятственно использовать воздушное пространство над югославской территорией⁵⁰.

В меморандуме ОКНШ от 16 ноября 1949 г. за подписью его председателя О.Бредли выражалась уверенность, что "углубление раскола между Тито и Кремлем дает существенные выгоды для безопасности Соединенных Штатов"⁵¹. Командование вооруженных сил США высказывалось за оказание как экономической, так и военной помощи Югославии. За то, чтобы США "в принципе заверили Югославию в доступности ей поставок в военных целях в ограниченных масштабах, если на нее нападут", высказался одновременно с ОКНШ и СНБ. Но Соединенные Штаты оставляли за собой право определять, что "возможно и желаемо" для них в процессе предоставления помощи⁵².

Американские представители в Белграде предлагали Вашингтону не принимать всерьез заявления И.Броз Тито о том, что Югославия не присоединится к какому-либо блоку и откажется от экономической помощи США, если она будет сопровождаться политическими условиями⁵³. Действительность опровергла эти расчеты американской дипломатии. ФНРЮ в целом выдержала обозначенный еще в начале 1950 г. курс. Безрезультатным оказался американский зондаж на предмет вступления Югославии в план Маршалла⁵⁴. Белград отказался, опасаясь захлопнуть перед собой дверь для возврата в социалистический лагерь.

В беседе с послом Алленом в марте 1950 г. министр иностранных дел ФНРЮ Э.Кардель откровенно сказал, что в югославском руководстве превалирует точка зрения: "США будут поддерживать Югославию только до тех пор, пока им полезна ее ссора с СССР, но в конце концов США пойдут против Югославии, чтобы уничтожить здесь марксизм"⁵⁵. Сторонники этой точки зрения достаточно прозорливо понимали цену американской "дружбы".

20 марта 1950 г. госдеп объявил о предоставлении Югославии экспортно-импортным банком дополнительного займа в 20 млн долл. на закупку в США промышленного оборудования, запчастей, станков и

материалов⁵⁶. Эти действия администрация предприняла в одностороннем порядке, без одобрения законодательным органом. Конгресс, где антиюгославские настроения по-прежнему обладали широкой поддержкой, сознательно обходилась госдепартаментом, чтобы не допустить ущерба его кропотливой работе по подключению Югославии к выполнению задач, стоящих перед американской дипломатией.

В результате обмена нотами 17 и 21 ноября между правительствами двух стран американские наблюдатели и представители прессы допускались в ФНРЮ для контроля за распределением полученной экономической помощи. 24 ноября 1950 г. президент направил послание председателям комитетов по иностранным делам и вооруженным силам обеих палат конгресса, в котором впервые открыто сформулировал цели, преследуемые США при оказании помощи Югославии⁵⁷. При этом Соединенные Штаты явно переоценивали меру "благодарности", которую должна продемонстрировать Югославия в ответ на американскую помощь — дальнейший ход событий показал несостоятельность этих расчетов.

В американской политике по отношению к Югославии определяющими были военно-стратегические соображения. Особенно явно это проявилось, когда США предприняли интервенцию в Корею. Насчитывавшая около 30 дивизий югославская армия рассматривалась, учитывая состояние отношений Югославии с другими европейскими социалистическими странами, как буфер на южном фланге НАТО. Необходимость укрепления югославской армии администрация мотивировала предоставлением в соответствии с Актом о взаимной безопасности и другими программами помощи стране в размере 33,5 млн долл. (югославское правительство запросило 55 млн долл.). Армия получила в соответствии с ассигнованиями по Акту о взаимной безопасности на 16 млн долл. продовольствия. Трумэн известил об этом комитеты конгресса по иностранным делам и вооруженным силам, союзников по НАТО, и 21 ноября было подписано соответствующее соглашение с Югославией⁵⁸.

В посвященном запросу дополнительных 38 млн долл. на восстановление югославской экономики послании конгрессу от 29 ноября 1950 г. Трумэн суммировал соображения, из которых исходит администрация в своей политике: Югославия сделала попытку стать независимой от СССР, она располагает второй по боеиспособности армией в Европе после Советского Союза, она подвергается экономическому давлению со стороны социалистического лагеря, дополняющемуся пропагандистскими атаками и т.д. Политика США состоит в "укреплении независимости Югославии, поскольку это жизненно важно для безопасности НАТО"⁵⁹.

В конце 40-х гг., с точки зрения натовских стратегов, даже по меньшей мере нейтрализация югославской армии, боеиспособность которой на Западе оценивалась чрезвычайно высоко, привела бы к изменению в

его пользу стратегического баланса. В дальнейшем Вашингтон не соби-
рался удовлетвориться этим — Югославия виделась им в качестве чле-
на западного военно-политического блока. Ликвидация в стране титов-
ского режима произойдет попутно.

Следует отдать должное югославскому руководству — в полной
мере воспользовавшись помощью США для решения острых соци-
ально-экономических проблем, оно не завязло в сетях, расставленных
американской дипломатией. Со всей неизбежностью нежелание Югосла-
вии "платить по счетам", как на то рассчитывали в Вашингтоне, приве-
ло к охлаждению в американо-югославских отношениях.

Было бы неверно сводить роль Югославии в политике Соединенных
Штатов к чисто военно-стратегическим моментам. Не меньшее значение
придавалось "югославскому примеру". Югославия расценивалась в ка-
честве примера того, что социалистическая страна может существовать
вне политико-идеологических и хозяйственных связей с однотипными
ей государствами — но опираясь на "помощь" и "защиту" Соединенных
Штатов.

Дополнительные аргументы в пользу "новой югославской" полити-
ки США привел зам. госсекретаря Дж. Перкинс, выступая в комитете по
иностранным делам палаты представителей 29 ноября 1950 г.: "Голод
и крайние лишения, с которыми югославский народ столкнется в при-
ближающиеся зимние месяцы, могут серьезно ослабить его способность
защищать независимость своей страны от советских попыток ее ликви-
дировать...". В течение двух лет, подчеркнул Перкинс, США проводят
осмотрительную политику ограниченной экономической поддержки,
призванную переориентировать торговлю Югославии с Востока на За-
пад, получившую одобрение Великобритании, Франции и даже Италии
и Греции [с которыми, как известно, у Югославии были остроконф-
ликтные отношения. — А.П.], "осознавшими ее привлекательные сто-
роны". Перкинс заявил о "неприемлемом для США характере режима
Тито"; политика Вашингтона "не означает одобрения югославской
политической системы". Но это, с точки зрения госдепартамента, не
должно мешать использованию ситуации вокруг Югославии для реали-
зации устремлений Соединенных Штатов⁶⁰. Задача демонтажа социали-
стического строя в Югославии ставилась в качестве более отдаленной,
долгосрочной.

8 декабря сенат одобрил билль о помощи (S 4234), 18—19-го —
палата представителей, а 29-го президент подписал его, и он вступил в
действие как закон 897. Принятие закона отражало тот факт, что отны-
не не только администрация, но и конгресс одобряет новую политику
США в отношении Югославии.

Период с середины 1948 до конца 1950 г. характеризовался посте-
пенным укреплением американо-югославских связей. Конечно, не че-
ловеколюбивая риторика определяла необходимость для Вашингтона
оказания экономической помощи Югославии — в первую очередь, име-

ли значение военно-стратегические соображения. Поначалу вашингтонские политики не были уверены в окончательном характере советско-югославского разрыва. Недоверие к коммунистическому руководству ФНРЮ сказывалось в том, что помощь оказывалась в весьма ограниченных масштабах, далеких от подлинных нужд югославской экономики. Вместе с тем неотъемлемым элементом политики США было зондирование почвы на предмет "пристегивания" Югославии к военно-политическому союзу западных держав.

Расчеты американской дипломатии базировались на ставке на необратимый характер разрыва советско-югославских отношений. Эту ошибку допускал и столь опытный политик, как А. Гарриман. Основываясь на личном впечатлении от бесед с И.Броз Тито и другими руководителями страны в августе 1951 года, Гарриман утверждал в ходе слушаний в конгрессе о реализации Акта о взаимном обеспечении безопасности: "Я убежден, что разрыв ... окончательный. Генерал Коллинз инспектировал некоторые подразделения [югославской армии. -- А.П.], и наши военные пришли к выводу, что Югославия представляет значительную силу, но ей очень нужны современные вооружения, которые мы можем поставить в рамках данной программы..."⁶¹. Той же точки зрения придерживался госсекретарь Д.Ачесон⁶².

Период 1951–1953 гг. — наиболее результативный в проведении Соединенными Штатами "новой югославской" политики, насыщенный многочисленными шагами Вашингтона по вовлечению Югославии в экономическую и военную системы Запада. В 1951 г. в ФНРЮ был собран наихудший за все послевоенные годы урожай, причем продовольственная помощь США и Великобритании далеко не компенсировала недостаток продуктов питания в стране. В апреле США выделили 29 млн долл., а в июне США, Великобритания и Франция подписали соглашение о финансировании югославского дефицита в торговле в сумме 150 млн долл. в течение последующих 12 месяцев. В том же году ФНРЮ впервые получила военную помощь от США в соответствии с Актом о взаимном обеспечении безопасности. 7 ноября 1951 г. президент Трумэн сообщил об этом председателям сенатских комитетов по иностранным делам и по вооружениям. В послании мотивы акции США объяснялись интересами НАТО: "Я установил, что Югославия — это страна, которая непосредственно играет существенную роль в обороне Североатлантического региона, возрастание способности Югославии защищать себя важно для поддержания мира и безопасности в Североатлантическом регионе и для безопасности Соединенных Штатов"⁶³. Суть заключалась конечно же, не в "сохранении независимости" Югославии, реальной угрозы ей не существовало. Само фразеологическое оформление послания президента, смысловой упор в нем на североатлантическую терминологию, делал весьма прозрачным замысел автора — втягивание Югославии в орбиту НАТО. 14 ноября США заключили с Югославией соглашение об оказании ей военной помощи, причем в со-

ответствии с ним ФНРЮ не принимала на себя каких-либо обязательств поддерживать военной силой Соединенные Штаты⁶⁴. Тем не менее, в Вашингтоне подсчитывали экономический эффект от привлечения югославской армии к обороне Запада. Р.Биссел, и.о. директора программы экономической помощи Европе, в частности, заявил: "Последним словом должно стать решение Пентагона о том, что мы, вероятно, получим больше прямой военной мощи в расчете на один потраченный доллар в этих двух странах [Турции и Югославии. — А.П.], особенно в Югославии, чем в любой другой"⁶⁵.

Посол США в Белграде Дж. Аллен в интервью телекомпании Эн-Би-Си (24.11.1952) предложил разрабатывать политику США по отношению к ФНРЮ исходя из того, что она "является и должна оставаться полностью реалистической. На этом базисе стоят и югославы. Когда каждый из нас ясно понимает, где находится, нет причин беспокоиться об югославо-американских отношениях. Они развиваются успешно"⁶⁶. В действительности о политике Вашингтона нельзя сказать, что она была столь уж реалистичной. Мера ее реализма определялась лишь одним обстоятельством — не требовать сразу слишком многого от югославской стороны.

В то же время сторонники давления с целью добиться скорейших результатов "новой югославской" политики не сидели сложа руки. В мае 1952 г. конгрессмен Фултон предложил поправку к программе Акта о взаимном обеспечении безопасности, налагающую запрет на продажу реактивных самолетов Югославии до тех пор, пока эта страна не вступит в НАТО⁶⁷. Поправка не прошла, но ее выдвижение говорило о том, что предпочитали умалчивать представители администрации — подлинная цель политики США — вовлечение ФНРЮ в НАТО. Фултон подчеркнул особый статус ФНРЮ, как получателя американской военной помощи: "Почему мы должны давать Тито эту военную технику, если он не допускает никакого контроля за ее применением? Югославия не желает присоединяться к какой-либо из организаций по защите Европы"⁶⁸.

О подталкивании Югославии к НАТО свидетельствует то, какое значение придавал госсекретарь Дж. Ф. Даллес разрешению триестской проблемы: "Триест — область, которая исторически вызывает горечь. Новая концепция состоит в том, как похоронить эту горечь. Это втянет Югославию вместе с Италией и другими странами НАТО в общую стратегию"⁶⁹.

Наибольший оптимизм относительно достижимости целей "новой югославской" политики США вызвало заключение 28 февраля 1953 г. в Анкаре договора между Грецией, Турцией и Югославией о дружбе и сотрудничестве сроком на пять лет. С точки зрения Вашингтона таким образом был заполнен разрыв в обороне НАТО в Юго-Восточной Европе. В августе 1954 г. те же страны подписали договор о политическом сотрудничестве и взаимной помощи, получивший впоследствии назва-

ние Балканского пакта. Он оказался недолговечным, с одной стороны — из-за обострения в середине 50-х гг. греко-турецких разногласий по проблеме Кипра, с другой — поскольку Югославия отказалась усиливать военный аспект пакта, расценив это как отход от принципов собственной внешней политики. В результате Балканский пакт, так и не ратифицированный югославской стороной, прекратил свое существование, не смог стать каналом для втягивания исподволь Югославии в систему НАТО⁷⁰.

Залогом окончательного разрыва ФНРЮ с социалистическими странами, по мнению вашингтонской администрации, был национализм, который, впрочем, обнаруживался в большей или меньшей мере практически у всех народов Восточной Европы. Помощник министра обороны по международной безопасности Ф.Нэш заявлял: "Национализм представляется корнем, прорастающим сегодня во всех странах-сателлитах, но Югославия была первой. В самих югославах заключено нечто глубокое: дух национализма. Это действительно основная причина, по которой они никогда не вернутся в старую систему"⁷¹. Дальнейший ход событий показал бессосновательность этих расчетов, подкреплявшихся массивными вливаниями в югославскую экономику. Всего, по подсчетам американского специалиста Дж.Кэмпбелла, в первой половине 50-х гг. они составили около 1,2 млрд долл., из них примерно половина — военная техника и вооружения. Не более 55 млн долл. затем возвращено США в виде платы за кредиты⁷².

В 1954 г. США сократили размеры экономической помощи Югославии, сделав упор на интеграцию страны в региональный союз с Турцией и Грецией — а затем в НАТО. Средством подталкивания ее в этом направлении должен был послужить "экономический кнут". Резкое охлаждение в американско-югославских отношениях в 1954 г. показало подлинную цену разглагольствованиям об "укреплении независимости" Югославии как цели американских внешнеполитических акций. Ведь если ФНРЮ независима, ей полностью принадлежит право избирать курс своей внешней политики. Но путь к нормализации отношений с СССР и другими социалистическими странами не отвечал вашингтонскому пониманию пределов "независимости" Югославии. Ответом США на провозглашение югославским руководством политики неприсоединения стало дальнейшее сокращение экономической и военной помощи ФНРЮ.

ГЛАВА 6 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ И ЭМИГРАЦИЯ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В отличие от основной массы трудовой довоенной эмиграции, многие представители которой разделяли социалистические взгляды, послевоенная иммиграция в США по социальному составу была в значительной мере буржуазной, а по политическим взглядам — антикоммунистической. Американский автор Э. Нагорский отмечал, что эта иммиграция была "новым и неизвестным" для Соединенных Штатов явлением, "по размерам представительства и облику политических изгнанников, по видимому, она превзошла все известное в новое время"¹. Эти иммигранты отбирались из числа беженцев и перемещенных лиц.

По определению, содержащемуся в документах Генеральной Ассамблеи ООН, термин "беженец" относится к лицу, покинувшему страну, гражданином которой является, или обычное место проживания и независимо от того, сохранило ли оно свое гражданство, принадлежит к жертвам нацистского или квислинговского режимов. К "беженцам" также относятся лица, рассматривавшиеся как таковые до войны по причинам расового, религиозного или национального характера или вследствие их политических убеждений. "Перемещенными" считались люди, выселенные из страны своего гражданства фашистскими властями, например, привлеченные к принудительному труду, или по расовым, религиозным, политическим мотивам².

В числе перемещенных лиц количественно преобладали люди, насильственно угнанные фашистскими оккупантами в Германию и Австрию на принудительные работы. К концу 1947 г. около 7 млн из них вернулись к себе на родину, несколько сот тысяч расселились по всему миру. По состоянию на 31 октября 1947 г. в Германии, Австрии (оккупационные зоны западных держав) и Италии оставалось 990774 лица данной категории, 639476 из них содержались в специальных лагерях. 54 % всех перемещенных лиц находилось под юрисдикцией американских властей³.

22 декабря 1945 г. Г. Трумэн издал директиву, согласно которой до 30 июня 1948 г. в США допустили въезд 40 тыс. перемещенных лиц. Их отбор возлагался в первую очередь на армейскую разведку в Европе⁴. В селекции небольшого числа беженцев, чей въезд, — по определению ОКНШ, — в национальных интересах США и поэтому им отдается приоритет, активно участвовал госдепартамент⁵.

Американские документы, касающиеся процесса иммиграции в

США после второй мировой войны, свидетельствуют, что американские власти сознательно не дифференцировали этих людей по признаку того, добровольно или принудительно они покинули родину, чтобы скрыть в массе действительно перемещенных лиц тех, кто не имел оснований считаться таковыми.

Неправильно представлять дело так, будто все желавшие попасть в США нацисты, коллаборационисты из стран Восточной Европы сразу после окончания второй мировой войны получили для этого возможность. Действовал ряд факторов, осложнявших их приток: а) на ответственных постах в госдепартаменте и иммиграционных службах многие сотрудники все еще занимали антинацистские позиции; б) согласно иммиграционному законодательству допуск лиц этой категории официально был запрещен (хотя указанные ограничения порой нарушались); в) до принятия разрешившего массовый въезд перемещенных лиц билля Стрэттона (1948 г.) было нелегко скрывать коллаборационистов, преступников среди людей, не запятнавших себя сотрудничеством с фашистами; г) потребовалось время на изменения в общественном мнении США, вызванные "холодной войной", в условиях которой антикоммунистические взгляды и заслуги в борьбе с коммунизмом стали решающим аргументом в пользу предоставления возможности лицам с темным прошлым претендовать на американское гражданство.

В 1945—1948 гг. преобладающее число таких лиц, как и вновь прибывающие на Запад из стран Восточной Европы, которые предпочли изгнание социализму у себя на родине, содержались в лагерях перемещенных лиц. Наиболее многочисленными в них были выходцы из Польши. Большинство находившихся на Западе поляков решило после войны вернуться на родину. В 1945—1946 гг. оттуда вернулись почти 2 млн человек. В феврале 1947 г. на попечении ЮНРРА оставалось 335117 польских беженцев, большинство — в оккупационных зонах западных держав в Германии. Многие из них отказывались репатрироваться⁶.

Большую заинтересованность в судьбе поляков — перемещенных лиц — проявляла американская Полония. В конце лета — начале осени 1946 г. президент Польско-американского конгресса (ПАК) Ч. Розмарек и вице-президент И. Ныркевич посетили лагеря перемещенных лиц в американской и британской зонах оккупации, расположенные в Мангейме, Эсслингене, Висбадене, Мюнхене, Штутгарте и Франкфурте. Лидеры Полонии были поражены условиями, в которых содержались перемещенные лица. Розмарек писал: "Мы ехали туда без предубеждений, ожидая увидеть некоторую нужду, но оказались совершенно не готовы к столкновению с такими неопишными условиями..., жизнь в лагерях становилась невыносимой. Пища использовалась как политическое оружие — снижение уровня питания и его однообразие было повсеместной практикой". По его свидетельству, как только перемещенные лица создавали для себя приемлемые условия жизни в лагере, например, от-

крывали школу для детей, их тут же переводили в другое место, где "голые стены и разрушенные бараки — единственное, оставленное прежними жителями"⁷. Доведенные до отчаяния люди были готовы на все.

Отказавшиеся репатрироваться как и новые эмигранты из-за "железного занавеса", прозябавшие в лагерях для перемещенных лиц, стремились не к активной борьбе за демократию в странах Восточной Европы, а к разрешению личных проблем, включению в жизнь стран поселения. Американские власти отдавали себе отчет в том, что, получившие вид на жительство, разрешение на выезд из лагеря в значительной мере будут утрачены как объект влияния эмигрантских организаций и спецслужб — и не прилагали усилий для скорейшего устройства беженцев. Оказавшись в тяжелом материальном положении, многие полигэмигранты физически и нравственно деградировали, что не только вело к интригам и корыстолюбию "борцов за свободу", но и облегчало вербовку в их среде шпионов и диверсантов. Эффективным средством принуждения в руках американских властей была угроза насильственной репатриации.

Любая информация, которой обладали тысячи лиц, бежавших на Запад после окончания войны (в 1945—1948 гг. это было не сложно), собиралась представителями разведсообщества США: языковые возможности, круг знакомств, возможные контакты в их странах. Дюжины подразделений разведки, сотни следователей и сотрудников военной разведки, тысячи агентов работали на границах Восточной Германии, Польши, Чехословакии и Венгрии. Их задача состояла в изъятии информации, которую затем просеивали в поисках весомых фактов в Вашингтоне⁸.

Точно о мотивах, по которым недавно бежавшие из своих стран лица восточноевропейского происхождения становились благодатным объектом для вербовки американскими спецслужбами и последующей заброски, писал Г.Розитцкий, чьему авторитету в этом вопросе вполне можно доверять: "Казалось невероятным, что человек, рискующий жизнью и успешно ушедший от коммунистического угнетения, будет вновь рисковать головой, совершая еще более опасное путешествие. Однако добровольцев хватало. Для некоторых сильным побуждением была борьба против коммунизма, для других — возможность сменить безрадостное существование в лагерях беженцев, но материальные соображения играли решающую роль: работа [шпионаж. — А. П.], хорошая плата, привилегированное право на расселение, помощь в получении визы"⁹. Руководствовавшиеся этими мотивами эмигранты были готовы на антинациональную по своей природе шпионско-диверсионную работу.

Предпочитая вербовать кадры среди лиц, "руководствовавшихся высокими идеологическими мотивами", — отмечал А. Даллес, — спецслужбы США "употребляли также людей, работающих за деньги или из любви к приключениям и интригам. В закулисном мире шпионажа

можно обнаружить персон, движущим мотивом которых является честолюбие, стремление к собственной значимости"¹⁰. Преимущественно в поле зрения спецслужб попадали искатели легкого заработка, деклассированные и уголовные элементы, коллаборационисты и т.п. В этой среде американская разведка (центр находился во Франкфурте-на-Майне) вербовала агентуру. Сетью оффисов американской разведки были покрыты зоны оккупации в Западной Германии, Австрии, Италии, вспомогательная роль отводилась Греции и Турции.

15 сентября 1947 г. начался перелом в судьбе антисоциалистической эмиграции из Восточной Европы. В этот день президент Г. Трумэн подписал закон о национальной безопасности, статья 108 которого предусматривала создание Центрального разведывательного управления. На первом заседании СНБ 19 декабря 1947 г. Трумэн и Маршалл дали ЦРУ право проводить небольшие психологические операции, зафиксированное директивой 4/А. 18 июня 1948 г. СНБ принял директиву 10/2, предписывающую создание для организации подрывных операций Управления по координации политики (УКП). Руководителем УКП назначили Ф. Визнера. В марте 1948 г. Визнер, в то время помощник госсекретаря, курировал подготовку для СНБ документа "об использовании беженцев из советского мира"¹¹. Помимо госсекретаря УКП подчинялось министру обороны, финансы и аппарат предоставляло ЦРУ.

Проталкивание билля Стрэттона, позволявшего массовый допуск в США эмигрантов из Восточной Европы, госдеп считал чрезвычайно важным. Его руководитель занимался лоббизмом в пользу билля в комитетах сената и палаты представителей по иностранным делам, в частности оказывал личное давление на лидеров конгресса — сенаторов Тафта и Бакли, членов партии представителей Мартина, Хэллока и Райборна¹². Это давление к полному успеху не привело — сначала билль был принят в урезанном, не удовлетворившем администрацию виде.

4 июня 1948 г. Трумэн обозначил адресата, в интересах которого необходим этот акт: "Сегодня преследования и угнетение вновь заставляют новые группы перемещенных лиц в Европе искать дом в чужих землях [...] Эти люди — герои демократии и потому не могут вернуться домой. Они — антикоммунисты"¹³. В другом публичном заявлении президент взял на себя личную ответственность за иммигрантов, которые допускались в США в соответствии с новым законом: "Когда я был в Потсдаме в 1945 г., я посетил лагеря для перемещенных лиц... и свидетельствую — это хорошие люди, лучшие в мире"¹⁴.

25 июня президент подписал закон № 774, предусматривавший въезд в США 200 тыс. перемещенных лиц (позднее их число увеличилось до 400 тыс. — превышая запрашиваемое сразу администрацией) в течение двух лет, а также 2 тыс. новых послефевральских беженцев из Чехословакии и 3 тыс. сирот¹⁵. В соответствии с законом, для его реализации в августе была учреждена комиссия по перемещенным

лицам во главе с У. Карузи, уполномоченная обеспечить иммиграцию в США 205 тыс. лиц, "исключая физически и психически больных; лиц, которые должны быть взяты на социальное обеспечение после приезда; все преступные классы; подрывные элементы; лиц, имеющих предварительные контракты на занятость в США; лиц, чья перевозка оплачивается государством или корпорацией"¹⁶.

Госдепартамент координировал усилия других ведомств, обеспечивавших массовый въезд перемещенных лиц и беженцев в США: министерства юстиции, ФБР, министерств труда, торговли и обороны¹⁷. Система допуска не способствовала качественной работе по селекции с точки зрения проверки прошлого кандидатов на иммиграцию. Персонал расследования планировался из расчета 250 виз на одного чиновника в месяц, т.е. примерно 10 в день, что делало невозможным сколько-нибудь тщательную проверку сведений. Спецслужбы заранее определяли перспективных с их точки зрения кандидатов¹⁸.

Позиция госдепа в отношении допуска новых эмигрантов в США просматривалась однозначно: его руководство выступило в числе инициаторов принятия соответствующего законодательства, причем особо оговаривало необходимость предусмотреть интересы антисоциалистических элементов — выходцев из Восточной Европы. Как отмечалось в меморандуме от 4 мая 1949 г., "главным образом в результате представлений департамента билль администрации о дополнении к Акту о перемещенных лицах 1948 г. содержит специальное положение в пользу беженцев из-за "железного занавеса"¹⁹.

Уже в январе 1948 г. в Соединенных Штатах вынашивалась идея создания армии "освобождения" из эмиграции, получившая позднее оформление в виде поправки Керстена к Акту о взаимном обеспечении безопасности, а воплощение — в "иностранном легионе". Необходимо вооружить эмигрантов, сконцентрированных в лагерях перемещенных лиц, считали американские военные. Предлагалось везти в США для прохождения соответствующей подготовки на добровольных началах 50 тыс. из числа специально отобранных. Эта идея нашла отклик в руководстве Госдепартамента. Задержка с ее осуществлением была вызвана тем, что конгресс еще не принял закона о допуске в США новых эмигрантов, который послужил бы общим основанием для рекрутирования армии освобождения и ее обучения на территории США²⁰. Среди поселившихся в США в соответствии с законами о перемещенных лицах было немало тех, кого с полным основанием можно отнести к числу жертв послевоенной политики в отношении беженцев, не сумевших найти пути на родину.

Наряду со службой иммиграции и натурализации, министерством юстиции растущую роль в определении иммиграционной политики приобретало ЦРУ. 20 июня 1949 г. конгресс принял закон ЦРУ, согласно которому разведка получила право ежегодно ввозить в страну на правах иммигрантов 100 человек, если считала, что их прибытие "соответ-

ствуует интересам национальной безопасности или укреплению национальной разведки". Разумеется, ограничительные положения иммиграционных законов на этих лиц не распространялись. В ходе слушаний в конгрессе 5 марта 1952 г. зам. директора ЦРУ А. Даллес сообщил, откуда черпаются эти кадры: в течение года из Восточной Европы прибывают на Запад примерно 6 тыс. беглецов (плюс неучтенные из Югославии). В том числе из Албании — 40, Болгарии — 130, Чехословакии — 100, Венгрии — 175, Польши — 20, Румынии — 30. В Западной Германии скопилось около 12 тыс. таких беглецов, которые "находятся под нашим покровительством"²¹.

В отношениях с иммиграцией восточноевропейского происхождения у американских властей возникали трудности по причине ее неоднородности, различных обстоятельств, вызвавших отъезд с родины. Во второй половине 40-х гг. в числе эмигрантов из стран Восточной Европы на территории США проживали: а) представители "старой" преимущественно трудовой эмиграции; б) люди, оказавшиеся на Западе в связи с оккупацией их стран фашистскими захватчиками (среди них — политические деятели, члены довоенных правительств); в) "перемещенные лица", вывезенные оккупантами из своих стран на территорию рейха, а затем не пожелавшие вернуться на родину или задержанные на Западе; г) коллаборационисты, бежавшие на Запад после разгрома фашистской Германии; д) представители буржуазии и других классов, не примирившиеся с социалистическими преобразованиями на родине.

В то же время привлечение эмиграции к реализации политики "холодной войны" облегчалось тем обстоятельством, что многие традиционные организации лиц восточноевропейского происхождения издавна находились на реакционных позициях, составляли оппозицию курсу Рузвельта справа и поэтому оказались в основном русле внешней политики администрации Трумэна. Так, в мае 1944 г. организован Польско-американский конгресс (ПАК) по указке лондонского эмигрантского правительства для отпора деятельности таких лидеров поляков США, как Ланг, Орлеманский, Кржицкий и Лиги Костюшко, выступавших за американо-советское сотрудничество в войне с фашизмом. Президент ПАК Ч. Розмарек резко выступил против ялтинских соглашений по Польше и лоббировал в этом направлении среди конгрессменов польского происхождения. Позднее он назвал признание Соединенными Штатами Временного правительства Национального единства Польши "трагедией исторической слепоты"²².

Лидеры антисоциалистической эмиграции пытались представить дело так, будто за ними идут массы жителей стран поселения — выходцы из Восточной Европы. Президент Всемирной лиги поляков за границей (Лондон) Б. Хельсинский предлагал госдепартаменту: "Эти поляки могут внести ощутимый вклад в сражениях против коммунистической экспансии в различных частях света и особенно в Европе. Они

смогут внести этот вклад, если будут соответствующим образом организованы, я не сомневаюсь, вопрос лишь в том, в каких масштабах мы можем оказать помощь этим группам и интегрировать их с другими антикоммунистическими силами²³.

В меморандуме Б.Хельсинского все польские эмигранты — 8 млн человек (включая 6 млн — американская Польша) заносились в резерв антикоммунистических сил. Утверждалось, что "тысячи поляков представляют собой стойких врагов коммунизма", причем "большинство польских эмигрантов объединены в организации"²⁴. Последнее не отвечало действительности как в отношении польской, так и всей эмиграции восточноевропейского происхождения.

Потерпевшие поражение на родине лидеры эмиграции пытались восстановить на Западе ячейки своих партий, привлечь к антисоциалистическим акциям рядовых эмигрантов, без чего невозможно было утвердить свой престиж. Однако политическое движение в эмиграции всегда оставалось верхушечным явлением, политэмигранты сразу же попали в организационную и финансовую зависимость от внешнеполитического ведомства, что определило основные направления их теоретической и практической деятельности. Например, национальный секретарь Американской венгерской федерации (существовавшей в США с 1907 г.) С.Балог, в связи с избранием на пост в октябре 1948 г. спешил заверить госдеп: члены его организации "хотя, естественно, интересуются проблемами помощи венгерским беженцам", но он "подчеркивает, что членство в Федерации предполагает только лояльность Соединенным Штатам"²⁵.

Объективно объединяли к концу 40-х гг. политическую эмиграцию из Восточной Европы следующие факторы: подчиненность целям внутренней и внешней политики Вашингтона; антисоциалистическая направленность, стремление к установлению порядков по американскому образцу; акции против дипломатии восточноевропейских стран, призванные препятствовать нормализации отношений между ними и Соединенными Штатами; претензии на право говорить от лица народов стран эмиграции; беспочвенный оптимизм в плане реалистичности достижения своих целей.

Два последних обстоятельства, характер которых не составлял тайны для госдепартамента, прямо связаны с необходимостью получать средства и поддержку от администрации и конгресса. Для этого нужна была и видимость единства, поскольку освободительные движения — каждое в отдельности — были неспособны создавать иллюзию заслуживающей внимания в глазах американцев силы.

Американские дипломаты критически оценивали потенциал эмигрантских лидеров. Например, в политическом заявлении "Румыния" констатировалось: "За фасадом демократических идеалов традиционные [буржуазные "исторические". — А.П.] партии Румынии на практике обнаруживают нехватку понимания демократии в западном смысле.

Их руководство ассоциируется с немногочисленным привилегированным сегментом румынского общества и коррумпированной бюрократией... Политические фигуры среди тех, кому удалось убежать из Румынии, представляют этот старый режим, неприемлемый для народа будущей освобожденной Румынии; они малоперспективны в качестве популярного, эффективного руководства, способного оправдать надежды, поддерживаемые Соединенными Штатами²⁶.

Впечатляющую картину намерений антисоциалистической эмиграции нарисовал хорошо знавший ее изнутри З.Нагорский: "... втолковывая американскому общественному мнению факты и цифры из-за "железного занавеса", они планируют возвращение домой с политической программой, определенной концепцией демократии и способностью дать своим народам первый шанс следовать этому [американскому. — А.П.] образцу. "Свободные выборы определяют, как и кто будет управлять моей страной" — неизменный ответ всех политических лидеров, наслаждающихся свободой на Западе"²⁷.

Важным мотивом деятельности эмигрантских лидеров являлось представить дело так, чтобы под него можно было получать ассигнования государственных органов США и добровольные пожертвования.

С энтузиазмом в кругах эмиграции воспринималась "доктрина Трумэна". Председатель официально воссозданного 4 июля 1947 г. "зеленого интернационала" Гемето считал возможным еще в мае 1947 г. обратиться к президенту с личным посланием. Начав с упрека в том, что Вашингтон не смог воспрепятствовать экспорту сталинской модели социализма в восточноевропейский регион, Гемето заявил, что тем не менее "все надежды демократических элементов в Восточной Европе [выразителем интересов которых он себя считал. — А.П.] на освобождение от коммунистических диктатур... сконцентрированы на Соединенных Штатах". Объявив "доктрину Трумэна" "эпохальной", крестьянский лидер заверил, что его организация приложит все силы для реализации позитивной политики США в Восточной Европе. Стремясь представить эмигрантские организации как реальную силу, он утверждал, что располагает полученной от личной агентуры информацией из стран региона: "Массы твердо решили следовать под руководством Соединенных Штатов... в борьбе против коммунистических меньшинств"²⁸. Усилиями Гемето и его единомышленников в эмигрантских кругах формировался фундамент восточноевропейской политики США — уверенность в том, что основная масса населения в странах Восточной Европы — противники установившегося в них социально-политического строя и с нетерпением ожидают его свержения²⁹.

"Все эти группы, некоторые внутренне разделенные по домашним вопросам, другие — по более глубоким, национальным проблемам, — подчеркивал З.Нагорский, — почти единогласно одобрили платформу создания европейской федерации. Словаки, не желающие покоряться чехам, хорваты — сербам, тем не менее готовы передать свой националь-

ный суверенитет европейской власти. Все они входят в клуб федерации Центральной Европы"³⁰. Еще в 1945 г. для этого фантастического новообразования, призванного объединить 150 млн чел., придумали экзотическое наименование "Интермариум". Идея создания такой федерации — реставрации "санитарного кордона" на качественно новой основе с целью борьбы с коммунизмом, оказалась нежизнеспособной с самого начала. В планах ее создания полностью игнорировались исторические социально-политические реалии в регионе, возникшие в результате разгрома германского фашизма, утверждения сталинской модели социализма в странах региона. Это был призыв к пересмотру послевоенного устройства, достигнутого в результате компромисса великих держав — участниц антигитлеровской коалиции. Идея федерации не могла не импонировать вашингтонским стратегам, она вполне укладывалась в русло "атлантизма", отвечала устремлениям создателей НАТО. Единственным путем создания европейской федерации могла стать III-я мировая война. Никакая политика "освобождения", объединение акций внутренней оппозиции и политической эмиграции, привести к ее созданию в результате устранения от власти правящих режимов в восточноевропейских странах во второй половине 40-х — 50-х гг. не могла.

Лидеры "зеленого интернационала", заявив, что "фундаментальный принцип коммунистических режимов в странах за "железным занавесом" советских армий — правление эксплуатируемых народов международной тоталитарной автократией", провозгласили своей целью "борьбу за восстановление независимости наций Центральной и Восточной Европы". Впрочем, эту "независимость" они мыслили не только в рамках Балканской, Дунайской и Восточноевропейской федераций, но и объединения "всего европейского континента, который представляет культурное, социальное, экономическое, политическое и стратегическое единство"³¹. Утратив чувство реальности, геополитики-аграрии игнорировали Советский Союз, который также является европейской державой. Крах плана создания федерации, его несостоятельность как идеи, способной объединить различные антикоммунистические группировки, предопределили националистические взгляды их представителей, которые, поддерживая федерацию, мечтали о гегемонии в ней собственной нации.

Госдепартаменту было нелегко разобратся в оттенках политических ориентаций многочисленных эмигрантских группировок, избрать в их среде заслуживающих внимания партнеров. Так, 19 февраля 1949 г. президент Г. Трумэн направил С. Грубишичу, исполнительному секретарю эмигрантской организации Объединенные хорваты Соединенных Штатов (ОХШ) приветственное послание в связи с 100-летием прибытия первых переселенцев из Хорватии в США. Группировка Грубишича объединяла коллаборационистов — усташей Павелича (он сам нашел убежище в Аргентине). Представлявший "старую эмиграцию", Хорватский братский союз Америки заявил протест президенту по поводу его послания, в котором резонно указал, что ОХШ — наследник режи-

ма, объявившего войну Соединенным Штатам и союзникам, а абсолютное большинство хорватов в США не принадлежат к его членам³². Можно было бы охарактеризовать этот случай как курьез, ошибку аппарата президента, если бы не одна немаловажная деталь — в процессе выяснения причин, по которым Трумэн обратился к фашистам, а не к демократической эмиграции, 26 апреля С. Грубишича принимали в госдепартаменте. В ходе беседы выяснилось, что взгляды его организации хорошо известны сотрудникам европейского управления³³. Фашистское прошлое единомышленников Грубишича (сам он проживал в США с 1938 г.) не предотвратило упомянутый просчет президента.

По признаку партийной принадлежности эмиграция образовала ряд группировок. 1 февраля 1948 г. было объявлено о создании Союза социалистических партий за реставрацию свободы в Восточной Европе. В марте того же года Союз созвал свою первую конференцию, сформировавшую Международное социалистическое бюро, в которое вошли Ч. Пейер (венгерская), Ж. Топалович (югославская), З. Заремба (польская), Я. Зиссу (румынская эмиграция) и др. О его политическом лице говорил меморандум (июнь 1949 г.), призывавший в регионе "к восстановлению фундаментальных свобод под международным контролем". Готовность к сотрудничеству с социалистами в этом деле "сейчас и завтра, после победы" проявил "зеленый интернационал", воссозданный в июле 1947 г. как "продукт общей судьбы и устремлений крестьян, бывших на протяжении столетий объектом террора и социальной несправедливости". Своей целью "зеленый интернационал" провозгласил установление "социальной, политической и экономической структур на принципах индивидуальной свободы и частной собственности". Возглавлял его Г. Димитров (Гемето), в руководство вошли Миколайчик (польская), Надь (венгерская), Мачек (хорватская), Гаврилович (сербская), Бузеску (румынская эмиграция).

Профсоюзные деятели и журналисты из шести восточноевропейских стран образовали союзы по профессиональному признаку, последние реализовывали свою продукцию через Свободную европейскую пресс-службу — предшественницу и союзницу РСЕ^{*34}.

26—28 января 1949 г. в Лондоне состоялась конференция Всемирного либерального союза, учредившего постоянный комитет и региональные подкомитеты, в том числе в США. Госдеп, как явствует из донесения американского посольства в Великобритании, заинтересованно наблюдал за организационным оформлением и этого крыла эмиграции. Либеральный союз, собравший в своих рядах выходцев из шести восточноевропейских стран, отличался от других региональных организаций тем, что в него также вошли "либеральные лидеры" из Испании (де Мадарага), а также из прибалтийской и украинской эмиграции³⁵.

К 1950 г. политэмигранты из Восточной Европы образовали 12 ко-

* Радио Свободная Европа.

митетов освобождения и правительство (польское, лондонское) в изгнании. Политический спектр эмиграции был весьма широк — любые партии, кроме коммунистов. Наряду с центристскими группами — крестьянскими партиями, социалистами, христианскими демократами и т.д. в ней присутствовали консервативные и крайне реакционные, фашиствующие группы.

Приспосабливаясь к американским стандартам, румынские "железнодорожники" опубликовали декларацию, в которой заявили об отречении от своего антисемитизма в прошлом. И, более того, провозгласили "опозицию всем видам угнетения", приверженность "принципам гражданских прав и свободы". Под этим прикрытием Х.Сима, лидер "железной гвардии", сотрудничавший с гитлеровцами, предпринял попытку присоединиться к румынскому национальному комитету, правда, неудачную. Апеллируя к госдепартаменту, внимательно изучавшему потенциал антикоммунистических экстремистов, "легионеры" и "железнодорожники" предлагали способы отделить их в общественном мнении от фашистов путем фальсификации целей и истории "движения за твердую власть и порядок"³⁶. Венгерские фашисты (салашисты) приглашали к объединению "под своими знаменами" молодое поколение эмигрантов, членов ПМСХ, объявив их "товарищами по оружию в общем деле"³⁷.

Эмигрантские лидеры хорошо понимали суть своих взаимоотношений с внешнеполитическим ведомством США. Например, в апреле 1949 г. об организационных изменениях в руководстве политической эмиграцией из Словакии доложил госдепу Словацкий освободительный комитет. Его программа — "борьба с врагами демократии, международным коммунизмом и противниками словацкой национальной свободы". У словацких националистов не вызывало сомнений, что предоставление такой "свободы и независимости в структуре Центральноевропейской конфедерации"³⁸ — приоритетная цель внешней политики Вашингтона. В марте 1948 г. госсекретарь Дж.Маршалл подготовил для президента Г.Трумэна меморандум о возможном приеме хозяином Белого дома четырех деятелей эмиграции из Восточной Европы: бывших короля Румынии Михая, короля Югославии Петра, премьер-министра Венгрии Надя и вице-преьера польского правительства Миколайчика*. Мотивируя желательность приема этих лиц президентом, хотя и отметив, что откликаться на просьбы "бывших" политиков совсем необязательно, Маршалл писал: "В свете последних событий в Европе ваш прием этих четырех в течение ближайших недель: 1) подчеркнет, что установление Соединенными Штатами дипломатических отношений с режимами, от которых они были вынуждены спасаться бегством, не означает одобрения США этих режимов; 2) послужит поводом для СССР задуматься о намерениях США на будущее в отношении этих ре-

* В меморандуме он "повышен в чине", — назван премьером, видимо, учитывая его пост в лондонском эмигрантском правительстве в 1943–1944 гг.

жимов; 3) продемонстрирует непреходящую заинтересованность Соединенных Штатов в благосостоянии важных угнетенных демократических элементов в странах, которые представляют эти беженцы"³⁹. В меморандуме довольно определенно формулировалась идея, в дальнейшем воплощенная в доктрине "освобождения" — о ставке на "единый фронт" внутренней и эмигрантской контрреволюции.

В редких случаях, когда эмигранты получали некоторые возможности влиять на политические события в странах, откуда они бежали, или им представлялось, что такие возможности у них есть, прилагались все силы для их реализации. Так, в конце марта 1948 г. у чешской иммиграции в США возникла идея передать по американским дипломатическим каналам письмо президенту Бенешу в Прагу с "настоятельным требованием уйти с поста президента, чтобы прекратить использование его имени как респектабельного прикрытия для коммунистического режима". Эта идея была благосклонно воспринята в европейском управлении госдепа. Трудно проследить, дошло ли это послание до адресата (его должен был передать Я. Йина из канцелярии президента)⁴⁰, но факт остается фактом — Бенеш вскоре ушел со своего поста.

Потерпевших поражение на родине буржуазных политиков американские власти вовсе не встречали с распростертыми объятиями. Было бы неверно представлять дело так, будто в Соединенных Штатах всех их ожидал "и стол и дом". Показательна судьба многих лиц, бежавших из Чехословакии после февраля 1948 г. Так, 13 марта 1948 г. американский консул в Вене Эрхардт сообщил в госдепартамент, что туда прибыли "ведущие антикоммунистические фигуры в Словакии, как известно госдепу", лидеры Словацкой демократической партии, активные участники февральских событий Й. Леттрих (председатель словацкого национального совета), Р. Фраштацкий (казначей СДП) и Ф. Ходжа (генеральный секретарь СДП)⁴¹. 17 марта госсекретарь Дж. Маршалл уполномочил консульство выдать всем троим необходимые документы, визы и организовать их отправку с помощью армии в Лондон. Однако он категорически отказал в деньгах: "средства госдепартамента не выделяются в настоящее время на указанные цели"⁴². Как явствует из дальнейшей переписки, госдеп посоветовал застрявшим в Вене деятелям СДП непосредственно обратиться за деньгами к словацким организациям в США, причем отказался служить ходатаем по этому вопросу перед такими организациями или другими частными источниками средств.

На таком отношении к упомянутым деятелям сказывалось раздражение американского внешнеполитического ведомства ходом и последствиями февральских событий в Чехословакии. Но присутствовали здесь и иные мотивы связей с восточноевропейской политической эмиграцией. Во-первых, госдепартамент считал, что нужно дать ее представителям почувствовать собственное положение — дабы сделать сговорчивыми, готовыми на выполнение "с энтузиазмом" своей роли.

Во-вторых, прежде чем материально поддерживать эмигрантов, следовало тщательно изучить, на что они пригодны (а, может быть, и вовсе непригодны). В-третьих, весной 1948 г. у американского внешнеполитического ведомства кандидаты в лидеры эмиграции имелись в широком наборе, возникала проблема поиска места для новоприбывших, да и немаловажно, что они оставили на родине — влияние, связи и т.д. В-четвертых, госдеп желал предоставить финансировать эмигрантов тем, кто интересовался их использованием — разведывательному сообществу.

В-пятых, еще не сформировался НКСЕ, взявший на себя впоследствии заботу об эмигрировавших политиках. В-шестых, госдепартамент занимался продвижением важного общего акта для эмиграции — билля Стрэттона. В-седьмых, в среде эмиграции из Чехословакии активно шла борьба, препятствовавшая созданию "Совета свободной Чехословакии", новые лица могли лишь затруднить завершение работы по его организации.

О стремлении некоторых политэмигрантов не брезгуя изготовлением фальшивок набить себе цену в глазах американцев, как и дрязгах в их среде, свидетельствует следующий факт. В ноябре 1948 г. бывший посол Чехословакии во Франции С.Озизкий, профессор Колгейтского университета, шт. Нью-Йорк, предложил редакции "Нью-Йорк геральд трибюн" обширную статью о собственных заслугах в борьбе с коммунизмом, снабдив его якобы полученным им личным письмом покойного президента Бенеша. Это письмо, носившее характер политического завещания бывшего президента, содержало призывы "к народу Чехословакии забыть прошлое и искать в лице Озизкого руководителя в будущей борьбе против коммунистического режима". Лица из окружения П.Зенкла, к тому моменту избранного председателем подготовительного комитета "Совета свободной Чехословакии", разоблачили "письмо Бенеша" как фальшивку. Сотрудники госдепа с раздражением отметили: С.Озизкий безосновательно утверждает, что "его поддерживает госдепартамент как лидера эмигрантского движения" и дали указание представителям прессы: "В настоящее время необходимо отрицать это и расценивать в данном качестве д-ра Зенкла"⁴³. 11 октября 1948 г. П.Зенкл, проинформировав о ходе сессии чехословацких эмигрантских лидеров 9—10-го того же месяца, заверил госдеп, что ему удалось договориться и 28 октября Совет свободной Чехословакии готов к сотрудничеству с дипломатическим ведомством⁴⁴.

В связи с возникновением в США эмигрантских национальных комитетов беженцев из Восточной Европы, министерство юстиции поставило в 1949 г. вопрос об их официальной регистрации в соответствии с законом 1938 г. как "иностранных агентов". Госдепартамент считал необходимым добиться, чтобы для "Совета свободной Чехословакии" и других аналогичных ему организаций было сделано исключение из закона — особенно волновал его сотрудников вопрос о том, как скрыть

источники финансирования деятельности этих "независимых", якобы содержащихся на членские взносы и пожертвования, группировок⁴⁵. Что представляли из себя указанные "национальные организации" явствует из замечания сотрудника ЦРУ К.Оффи, сделанного в подготовленной для ГПП госдепа записке по поводу регистрации: "Если эти разнообразные комитеты и их члены и являются агентами, то они — агенты правительства Соединенных Штатов". Еще одно замечание из того же документа заслуживает быть приведенным: "В современных условиях... диссиденты в Восточной Европе могут считаться агентами комитетов"⁴⁶ [американских. — А.П.]. Разумеется, выступавшие в таком качестве эмигрантские организации благополучно избежали регистрации по закону 1938 г.

Бежавшие на Запад лидеры оппозиции быстро лишились каких-либо иллюзий относительно своего положения, осознавали полную зависимость от воли работодателей. Так, И. Духачек заявил сотрудникам посольства Соединенных Штатов в Париже (куда он и Ю. Фирта были доставлены из Франкфурта), что он "желает любым способом сотрудничать с правительством США и если у нас [американцев. — А.П.] есть какие-либо предложения о том, в каком качестве он может быть полезен, он их более чем приветствует". Сам Духачек предложил, что "если разрешит правительство США, он хотел бы попасть в Америку и выступить в конгрессе... с разоблачением природы сил, пытающихся разрушить демократию во всем мире — с этой оригинальной идеей он бежал из Чехословакии"⁴⁷. По прибытии в Вашингтон, куда Духачека и Фирта пригласили в октябре 1948 г., они были приняты в госдепартаменте для обсуждения конкретного вопроса — "психологическая война против Чехословакии". Не вдаваясь в подробности предложенных ими рецептов развертывания такой войны, антinationальных выпадов бывших демократических лидеров, подчеркнем, что ее результатом, по мысли Духачека и Фирта, должно было стать "свержение коммунистических порядков в Восточной Европе... Рост непрекращающегося давления на Советскую систему извне и возрастание оппозиции внутри приведут к неизбежному краху и упадку всю коммунистическую доктрину"⁴⁸. Неудивительно, что впоследствии на Ю. Фирта администрацией было возложено ведение "психологической войны" в качестве руководителя чехословацкой редакции РСЕ. Для формирования движения сопротивления в изгнании⁴⁹ американское внешнеполитическое ведомство не пожалело усилий — об этом свидетельствуют многочисленные документы европейского управления госдепартамент, координировавшего деятельность причастных к этому процессу ведомств — ЦРУ, армейской разведки и др.

Учитывая значительное расслоение в среде эмиграции, постоянную борьбу в ее верхушке, претензии на создание правительств в изгнании, что не входило в планы американских властей, госдепартамент в конце 40-х гг. приступил к реализации идеи консолидации восточноевропей-

ской эмиграции путем создания одной организации, представляющей все ее национальные отряды. Шагом к ее созданию должно было послужить образование Национального комитета Свободной Европы (НКСЕ) как американского центра для объединения под своей эгидой всей антикоммунистической эмиграции*.

1 июня 1949 г. провозглашено образование НКСЕ со штаб-квартирой в Нью-Йорке. По словам Дж. Даллеса, он создавался "с единственной целью — предоставить помощь и убежище для выдающихся политических изгнанников из Центральной Европы"⁵⁰. Однако в действительности его созданием госдепартамент преследовал куда более широкие и далеко идущие цели: а) найти организационную форму совмещения признания коммунистических режимов в Восточной Европе с поддержкой эмиграции из нее (особенно ратовал за необходимость общественного прикрытия политики США руководитель ГПП Дж. Кеннан); б) развернуть под эгидой неправительственной организации крупномасштабную "психологическую войну" против восточноевропейских государств, осуществлять радиопропаганду такого содержания, которое не мог позволить себе официальный "Голос Америки", другие диверсионно-пропагандистские акции; в) образовать центр эмиграции, способный осуществлять непосредственный контроль за происходящими в ее среде процессами, облегчать использование эмиграции государственными органами, в частности спецслужбами США.

Официально НКСЕ создавалась как "частная организация", связанная с лидерами и учеными, изгнанными из Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии и Болгарии, которая "будет финансироваться из частных источников"⁵¹. Задача № 1 для антисоциалистической эмиграции во второй половине 40-х гг. состояла в поиске средств для развертывания политической деятельности. "Активные друзья американского народа", как именовали себя эмигрантские лидеры, направляли усилия на получение от него материальной помощи. Вышеупомянувшийся Я. Папанек преуспел в привлечении средств, организовав Американский фонд для чехословацких беженцев, собравший в 1948 г. 30 тыс. долл.; 5 тыс. долл. он получил по завещанию Я. Масарика.

"Хотя внешняя политика США безгранично привержена идее восстановления свободы во всех европейских странах, невзирая на ведение в течение двух лет "холодной войны" против Советского Союза и коммунизма в целом [за точку отсчета принималось официальное провозглашение "доктрины Трумэна". — А.П.], группы изгнанников получали мало вдохновения до образования Национального комитета Свободной Европы в 1949 г."⁵². С этой оценкой З. Нагорского можно согласиться — если понимать под таким "вдохновением" ассигнования политэмиграции и попытки формирования из нее "армии освобождения".

* Позже были сформированы Ассамблея поработанных европейских народов (АПЕН), Национальный комитет поработанных народов (НКПН) и др.

Недостаток средств был общим для всех эмигрантских группировок фактором. Румыны, болгары, венгры и др. искали средств к существованию, работали преподавателями, клерками, дворниками, священниками и т.д. Ситуация для них изменилась к лучшему с созданием Национального комитета Свободной Европы (НКСЕ).

Возглавил НКСЕ известный консерватор, ветеран госдепа Дж.Грю (в 1945 г. — зам. госсекретаря), но за его спиной стояли подлинные инициаторы создания комитета — госсекретарь Д.Ачесон и руководитель ГПП Дж.Кеннан. Членами НКСЕ стали бывший посол в Польше А.Лэйн, М.Этридж и, что особенно важно — Д.Эйзенхауэр и А.Даллес. На пресс-конференции 23 июня 1949 г. Д.Ачесон заявив, что госдепартамент счастлив видеть формирование группы столь выдающихся граждан, подчеркнул: он "понимает цели организации как отличные, рад приветствовать и от всей души поддерживает ее"⁵³.

В числе задач НКСЕ Дж.Грю назвал: 1) поиск соответствующих мест занятости для изгнанников, привлечение их к исследованию проблем стран Восточной Европы, подготовка к будущему возвращению, дабы обеспечить на родине политическое руководство; 2) выпустить в эфир голоса этих изгнанных политических лидеров с тем, чтобы они обращались на родном языке к народам своих стран, донести и их печатное слово; 3) установить тесные контакты изгнанных лидеров с американской политической жизнью⁵⁴. В комментарии к разосланной в 24 посольства, консульства и миссии США в Европе и на Ближнем Востоке программе НКСЕ отмечалось: "Госдепартамент постоянно был в курсе дел в процессе формирования комитета, ... дал неофициальное одобрение целям комитета, между ним и госдепом будет налажена координация. Мы ожидаем, что комитет будет сотрудничать с госдепартаментом любым доступным образом в деле достижения наших целей в Восточной Европе и общих задач нашей внешней политики"⁵⁵.

Определенные усилия предпринимались госдепартаментом по использованию интеллектуального потенциала эмигрантов, допущенных в США, для обслуживания внешнеполитического механизма, разработавшего восточноевропейскую политику Вашингтона. Госдепартамент проводил работу по выявлению всех исследователей, заслуживающих внимания⁵⁶.

Однако, в первую очередь, как свидетельствует Г.Розитцкий, речь шла о привлечении эмигрантов к диверсионно-подрывной работе (он непосредственно руководил ею в 1950—1953 гг.). После 1949 г. на ЦРУ было возложено ведение подрывной пропаганды и шпионские акции (полувоенные операции), "осуществление тайных операций, призванных уменьшить советский контроль ... над народами Восточной Европы, ослабить просоветские режимы и коммунистические партии в Европе, ... препятствовать советским усилиям по нейтрализации антисоветских эмигрантских группировок ... любой ценой"⁵⁷. Принципиальной задачей подразделений ЦРУ в Германии, Австрии, Греции и Турции

было внедрить постоянных агентов в Восточной Европе, заслать агентуру, которая будет вербовать жителей, служащих постоянными источниками разведанных в своих областях. К такой "борьбе за свободу" подключалась восточноевропейская эмиграция. Мотивируя необходимость финансирования деятельности Болгарского национального комитета, Гемето прямо указывал — деньги нужны на развертывание разведки "опозицией внутри страны", заброска в Болгарию около 50 "курьеров" и развертывания массивной подготовленной шпионов из эмигрантов, в частности на территории Франции⁵⁸.

Пропаганда являлась наиболее легкой и наименее опасной для ее организаторов из тайных операций. Во время "холодной войны" писатели, журналисты, публицисты, специалисты по радиовещанию попадали в распоряжение ЦРУ тысячами. Главное задание, которое ЦРУ получило от госдепа — включить восточноевропейские эмигрантские организации в Европе в борьбу против коммунистических режимов у них на родине. В ноябре 1948 г. госдеп подготовил меморандум "Информационные цели в Болгарии, Венгрии, Румынии и Югославии", выдержанный в духе "освобождения". В качестве основных направлений американской информационной политики в нем провозглашалось: "1) стимулировать интерес и доверие народов к идеалам, достижениям, доброй воле и ресурсам США; 2) убеждать их в нашей заинтересованности в их благополучии; 3) таким образом поддерживать их в сопротивлении коммунистическому господству до того момента, когда наступит освобождение"⁵⁹.

Следует подчеркнуть — "освобождение" Даллеса — Эйзенхауэра было не более чем плагиатом политического багажа госдепа, накопленного в 1948 г. Сотрудники отдела Южной Европы европейского управления госдепартамента в упомянутом меморандуме считали необходимым довести до сведения народов Восточной Европы, что цели внешней политики США предусматривают будущее этих народов в составе реконструированного европейского сообщества, базирующегося на демократических устремлениях и вере в ценности западной цивилизации. Его приблизить можно широким пассивным сопротивлением коммунистической идеологии и существующему тоталитарному контролю. Более того, в этих странах планировалось налаживание "через частные американские организации и дипломатические представительства сотрудничества с организациями и институциями для расширения американского влияния"⁶⁰. Создавая шпионскую сеть, органично вписывающуюся в информационно-пропагандистскую работу, как заявил зам. директора ЦРУ А. Даллес, "мы используем разведывательный потенциал этих беженцев и беглецов... Это неоценимый источник кадров для работы на всем поле психологической войны"⁶¹.

4 мая 1950 г. в госдепартаменте состоялось совещание, посвященное установлению отношений между дипломатическими службами и радиостанцией Свободная Европа (РСЕ). Представитель ЦРУ К.Оффи

сообщил данные об РСЕ, его возникновении, персонале, задачах — оно было образовано в декабре 1949 г. как подразделение НКСЕ. На совещании решили, что на политическом уровне планирование деятельности РСЕ [“частной независимой организации”. — А.П.] возлагается на представителя ГПП Р.Джойса, прием госдеп будет регулярно готовить политические инструкции для персонала американских надзирателей на РСЕ как условия полномочий радиостанции. Более того, РСЕ должно быть открыто любым позитивным идеям госдепа. Его сотрудник отвечает за то, чтобы не случалось отклонений от общей политической линии на уровне редакции. Программы будут записываться, а их перевод направляться по запросу в департамент. Госдеп назначался главной контролирующей инстанцией; если информация готовится совместно с другими учреждениями, разрешение на ее использование дает только он. Ответственность за допуск информации возлагалась на его региональные отделы⁶².

Созданная под прикрытием НКСЕ “частная” радиостанция РСЕ начала свою работу с территории ФРГ в июле 1950 г. передачами на Чехословакию. Наряду с пятью радиовещательными отделами на страны Восточной Европы и основными оперативными службами в структуре РСЕ предусмотрены два подразделения, выполняющие разведывательные функции — отделы исследований и анализа Восточной Европы и коммунистической сферы. Работая по открытым и закрытым источникам из социалистических стран под руководством кадровых офицеров спецслужб около 200 рядовых сотрудников — эмигрантов аккумулировали информацию для ее последующей обработки в Вашингтоне. “Хотя РСЕ приветствовалось эмигрантскими лидерами, которым оно предоставило работу, возможности для борьбы с коммунизмом и подразумевающееся обещание неизбежного освобождения и возвращения на родину, это было лишь паллиативом для тех эмигрантских политиков, которые надеялись, что Запад позволит им сформировать правительства в изгнании”, — обоснованно подчеркивает американский исследователь Б.Ковриг⁶³.

Переписка руководства восточноевропейского отдела госдепа с лидерами многочисленных эмигрантских организаций показывает, что во второй половине 40-х гг. США угрожала роль — стать Меккой для правительств в изгнании — такой, как был Лондон в годы второй мировой войны. Можно выделить ряд причин, по которым администрация Г.Трумэна, несмотря на декларативную поддержку политических платформ эмиграции, не разрешила создание таких правительств: американские власти отдавали себе отчет в том, что этот шаг осложнит дипломатические отношения с правительствами государств Восточной Европы, может послужить причиной их разрыва, что считалось нецелесообразным (как известно, в годы “холодной войны” США пошли на разрыв дипотношений только с Болгарией); отсутствовала реальная близкая перспектива антикоммунистического переворота в какой-либо стране

региона; эмигрантские "правительства", в силу дифференциации восточноевропейской иммиграции в США, не представляли бы основную массу своих соотечественников — американских граждан, поэтому их создание не привело бы к повышению эффективности ее использования для реализации целей внешней политики Вашингтона; придание статуса "правительства в изгнании" определенной группировке политэмиграции затруднило бы ее привлечение для "черной работы", и в то же время оттолкнуло другие эмигрантские организации.

Образование НКСЕ не разрешило, да и не могло разрешить проблему преодоления организационной раздробленности политэмиграции. Сразу после образования НКСЕ, 29 июня 1949 г. Гемето, например, заявил о претензиях "зеленого интернационала" выступать в качестве его единственного партнера, представляющего "страны Восточной Европы с преобладающим крестьянским населением". Ему и только ему, руководствующемуся "высокими идеалистическими мотивами", должны адресоваться ассигнования НКСЕ⁶⁴.

Госдепартамент не мог разобраться как в хитросплетениях политических отношений внутри эмиграции, так и в том "кто кого представляет". И дело не в недостатке желания или профессиональной квалификации сотрудников внешнеполитического ведомства. Не представляя в действительности даже основную массу очутившихся в США соотечественников или американских граждан восточноевропейского происхождения, эмигрантские лидеры претендовали на то, что представляют всех, включая население стран Восточной Европы. Здесь кроется принципиальная причина возникновения помех для использования эмиграции в целях внешней политики США.

Американские исследователи обоснованно отмечают, что сравнительно с другими периодами эмиграция из Восточной Европы была наиболее заметна на политической арене Соединенных Штатов в конце 40-х — первой половине 50-х гг. Как свидетельствует Дж. Кеннан, "большинство из них сильно хотело советско-американской войны и прилагало усилия, чтобы подтолкнуть наше правительство в этом направлении... Опираясь на сплоченные группы избирателей в больших городах, они могли оказать прямое воздействие на некоторые фигуры в конгрессе. Они временами успешно взывали к религиозным чувствам или, еще более удачно — к господствовавшей антикоммунистической истерии (...) Но не обладали политическим влиянием в Вашингтоне"⁶⁵. Когда руководство Госдепа шло на контакты с лидерами эмигрантских организаций, то для использования их в своих целях.

В то же время дипломатов США не могли не раздражать диктуемые эмоциями, а не трезвой оценкой ситуации попытки политической эмиграции "подталкивать" их, демонстрирующие бессилие Вашингтона свергнуть коммунистические режимы в Восточной Европе.

ГЛАВА 7 СТАНОВЛЕНИЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ США

В 1948 г. зона социализма распространилась на все страны Восточной Европы. Весной 1948 г. разразился первый крупный конфликт в послевоенных отношениях Восток — Запад — берлинский кризис, а летом Югославия была исключена из Коминформа.

Что касается Соединенных Штатов, то "Уорлд политикс" отмечала в редакционной статье: "Богатейшая и сильнейшая нация в мире не обрела ни счастья, ни безопасности в своем богатстве и силе. Народ, монополизировавший в настоящее время ноу-хау на ядерное оружие, переживающий наибольший бум в своей истории в мирное время, подавлен, полон страхов и охвачен чувством безысходности. Не прошло и трех лет после самой разрушительной войны всех времен, и люди размышляют о неминуемой новой войне"¹.

Эти умонастроения сделали возможным принятие "доктрины Трумэна". Когда ее одобрил конгресс, страх войны стремительно возрастал в США — ее боялись 73 % населения, только 18 % считали, что опасности нет. Каждый 7 из 10 респондентов заявили: война разразится в ближайшие 25 лет, 5 из 10 — в следующие 10 лет. 99 % американской прессы ежедневно подвергало нападкам государства Восточной Европы, как "сателлиты России". По данным опроса Гэллапа (декабрь 1947 г.) не менее четверти взрослых американцев не могли показать на карте местонахождение хотя бы одной восточноевропейской страны, 13 % знали, где Болгария, 17 — Румыния, 18 — Венгрия, 22 — Югославия, 25 % — Чехословакия². Американский журналист и политолог Г.Селдес, изучавший вопрос о влиянии проблем Восточной Европы на приверженность американских граждан курсу "холодной войны", утверждал: "За редким исключением они сознательно не интересуются этим районом мира. И, тем не менее, они несомненно обеспокоены им"³.

Американская дипломатия, немало сделавшая для развязывания "холодной войны", была явно неудовлетворена ее результатами. В середине 1949 г. чрезвычайный и полномочный посол Ф.Джессип писал пом. госсекретаря Д.Раску: "Мне пришло к голову задаться вопросом: составляют ли части нашей программы сдерживания коммунизма единое целое? Ответ был отрицательным"⁴.

Начался поиск рецептов — что нужно предпринять дабы реализовать "ситуацию превосходящей силы" на стороне США, найти ее адекватное воплощение в политических решениях международных проблем. В процессе этого поиска не обошли вниманием Восточную Европу.

23 февраля 1949 г. ГПП приняла решение приступить к изучению ситуации в Восточной Европе с целью определить, какие шаги доступны Соединенным Штатам в регионе и изучить различные варианты активизации своей политики. Этим вопросам посвящалось совещание в госдепе 1 марта 1949 г., проведенное под председательством руководителя ГПП Дж.Кеннана. Помимо сотрудников группы планирования в совещании участвовали: П.Томпсон, зам. зав. европейским управлением, У.Барбур, зав. южноевропейским отделом, вызванные в Вашингтон для консультаций Д.Хит, посланник в Болгарии, С.Чапин, посланник в Венгрии, Р.Шенфельд, посланник в Румынии, М.Барнс, политический представитель США в Болгарии в 1944—1947 гг., У.Смит, посол США в СССР в 1946—1949 гг. (в 1950—1953 гг. — директор ЦРУ), Ф.Джессип, посол. Открывая заседание Дж.Кеннан подчеркнул, что "когда мы изучали европейскую ситуацию два года назад, было принято решение действовать план Маршалла для спасения Западной Европы от коммунизма. Эта цель достигнута. Сейчас нашей целью должно стать — добиваться отступления советской силы из Восточной Европы. Если мы этого добьемся, необходимость в войне отпадет"⁵. Установка, которую задал Кеннан, приступая к формулированию восточноевропейского курса администрации, недвусмысленно показывает: а) в 1949 г. проблемы Восточной Европы приобретают важнейшее значение в системе приоритетов Вашингтона, если в зависимость от них ставится сохранение мира или развязывание войны; б) по пути Кеннан прямо поставил задачу освобождения Восточной Европы от советского влияния — так от "сдерживания коммунизма" осуществлялся переход к политике "освобождения" (уже в 1949 г.).

На заседании 1 апреля, когда состав участников пополнился зав. отделом Восточной Европы госдепа Дж.Рейнхардтом, Дж.Кемпбеллом (впоследствии известным историком и политологом) и Дж.Кларком, зав. сектором Балкан БРИ, были приняты рекомендации о безотлагательной активизации подрывной пропаганды, популяризации "югославского примера", использования эмиграций⁶. Эти рекомендации оперативно реализовывались — 1 июня создан НКСЕ.

Первый вариант документа ГПП "Политика США в отношении стран — советских сателлитов в Восточной Европе" подготовлен в конце мая и вынесен на заседании ГПП 2 июня. В окончательном виде этот документ одобрен ГПП 24 августа 1949 г. 14 сентября ему придан статус директивы СНБ 58, которая стала предметом обсуждения на совещании послов США в странах Восточной Европы, проходившем в Лондоне 24—26 октября. (Предложение о регулярном проведении таких совещаний выдвинул президент Г.Трумэн на встрече с госсекретарем Д.Ачесоном 16 мая 1949 г.). В повестке дня совещания, на котором присутствовали послы США во всех восточноевропейских столицах, а также в СССР (Кирк), проводившемся под руководством двух зам. госсекретаря — Перкинса и Аллена (27 октября назначен послом

в Югославию), стояли следующие вопросы: 1) "Титоизм" и его вероятное влияние на страны — сателлиты СССР; 2) торговля Восток — Запад; 3) политические средства, доступные для применения в Восточной Европе; 4) пропагандистские усилия США в Восточной Европе с упором на "Голос Америки"; 5) дискуссия о свертывании деятельности агентств по оказанию помощи системе ООН в странах региона; 6) необходимость разработки американской политики в отношении балканцев из "советской сферы"⁷. Повестка дня точно отражала порядок приоритетов в восточноевропейской политике Вашингтона. С учетом рекомендаций совещания (часть из них до сих пор засекречена) завершено концептуальное формулирование политики США в отношении государств Восточной Европы — в виде директивы СНБ 58/2. Одобренная 13 декабря 1949 г. президентом Г. Трумэнном, директива 58/2 направлена во все учреждения внешнеполитического сообщества США в качестве руководства к действию, координация усилий по ее реализации возлагалась на Госсекретаря.

В качестве главной цели восточноевропейской политики США в директиве названа ликвидация социалистического строя ("советской власти") в странах — сателлитах. Для ее достижения "мыслимы два принципиальных курса. Первый — война, второй — меры, близкие к войне... Этот документ обращен к мерам, близким к войне"⁸. Удивляться такому "миролюбию" СНБ не приходится. В то же самое время разрабатывались и принимались один за другим планы ведения собственно войны против СССР и стран Восточной Европы. У данной директивы были близкие, но отличные от этих планов задачи, что, впрочем, не уменьшало ее агрессивный дух: "Настало время для нас сделать упор на наступление, принимая во внимание то обстоятельство, можем ли мы сделать большее для уничтожения или по меньшей мере уменьшения доминирующего советского влияния в странах Восточной Европы"⁹. Антисоветизм, пронизывающий документ, сочетался со снисходительным отношением к народам Восточной Европы, "заботу" о которых США принимали на свой счет, для чего брались "предоставить возможности избрать правительства, которые будут соблюдать основные свободы и права человека (вот где источник "оригинальных" идей американской дипломатии до сего дня) в соответствии с нашей собственной позицией"¹⁰. Разумеется, о равноправных отношениях США с этими странами, об уважении их суверенитета и речи быть не могло — ведь "эти страны являются сами по себе второстепенными на европейской арене", "демократия в западном смысле чужда их культуре и традициям". Авторы директивы позволяли им в будущем "играть важную роль в свободной, интегрированной [на американских принципах. — А. П.] Европе"¹¹.

Конечной целью провозглашалось насаждение в восточноевропейских странах демократических правительств. Но "серьезные тактические соображения удерживают от постановки этой цели в качестве

первоочередной задачи¹². Причина тому — Советский Союз, выступающий в качестве гаранта необратимости социальных преобразований в странах Восточной Европы, а также традиционное американское желание не переотягощать себя для достижения поставленных целей, а загребать жар чужими руками. Не отказывались США и от возможной интервенции, если не удастся свергнуть социалистический строй другими методами, или, скорее, угрозы ею. "Нетоталитарное руководство... имеет мало шансов безопасно прийти к власти посредством вооруженной интервенции с Запада. Если мы поставим в качестве непосредственной цели замену тоталитаризма демократией, большинство работы по ее выполнению падет на нас... и мы вызовем сильную советскую реакцию, возможно в форме войны. В лучшем случае мы окажемся глубоко запутанными в восточноевропейские дела и взвалим на себя на неопределенные сроки груз политической, экономической и военной ответственности за выживание режимов, поставленных нами у власти"¹³. Эта перспектива не устраивала американское руководство, поэтому предлагались другие средства достижения намеченной цели, рассчитанные на длительные сроки.

Определенные возможности для влияния США, рассчитывали теоретики госдепа, имеются в полигической сфере. При этом важнейшим направлением признавалось оказание давления в сфере двусторонних отношений и многосторонней дипломатии (в международных организациях) для ослабления связей между СССР и восточноевропейскими государствами, и последних между собой. Выдвигался принцип дифференцированного подхода (который в последующее время выдавался за "новейшее слово" восточноевропейской политики США): "в отношении сателлитов нельзя проводить единый курс. Очевидно, наша политика как в отношении методов, так и по времени их осуществления, должна дифференцироваться от страны к стране. Это тактическая проблема, которая должна гибко разрабатываться оперативными подразделениями в правительстве"¹⁴.

На идеологическом направлении центральное место отводилось нападкам на ключевую доктрину — единства соцлагеря, которая "должна быть неограниченно атакована по всему фронту в ее политическом, экономическом, культурном аспектах". Всяческими путями нужно поощрять "здоровый национализм"¹⁵. Причем наступление осуществляется как в открытом виде, так и путем скрытых (подрывных) акций. Видимо, не случайно пункты 47—56 директивы СНБ 58/2, т.е. ее заключительная часть, не рассекречены ко времени опубликования. Есть основания предполагать, что в ней содержалась программа акций скрытого характера против государств Восточной Европы.

В качестве важнейшей задачи США выдвигали создание единого фронта западных держав, "наши западные союзники имеют далеко идущие законные интересы в Восточной Европе и... эффективность наших действий зависит от сотрудничества с ними"¹⁶.

Сформулировав широкую программу деятельности, авторы меморандума вычленили факторы, которые, на их взгляд, необходимо учитывать при ее реализации: это соображения а) выбора момента и темпов; б) учета долговременных целей; в) положения США в мире; г) отношений с СССР; д) относительной уязвимости той или иной социалистической страны. "Хотя пришло время наступления, это не означает, что мы должны продвигаться в максимальном темпе. Он должен избираться в соответствии с тем, что гарантирует ситуация в стране"¹⁷. Эти общие положения директивы 58/2 дополнялись и конкретизировались в заявлениях по отдельным странам, служивших руководством к действию для всех звеньев внешнеполитического механизма.

Авторы директивы следующим образом определили роль торгово-экономических отношений, как инструмента политики США в Восточной Европе: "Вероятно, наибольшее влияние мы можем оказывать в экономической сфере. (...) СЭВ подвержен влиянию политики, которую мы проводим по таким вопросам, как торговля Восток — Запад, продажа золота и контроль над экспортом. Потенциальная эффективность нашей экономической тактики далекоидущая. Если нам удастся потрясти структуру СЭВ, это отзовется в политической, военной и культурной сферах"¹⁸.

Не случайно СЭВ с момента своего создания стал объектом внимания американских политиков — США усматривали в нем угрозу срыва своей торгово-экономической войны против восточноевропейских стран, поскольку СЭВ поднимал на новый качественный уровень их экономическое сотрудничество, способное помочь разрешению насущных проблем развития национальной экономики.

Временный поверенный в делах США в СССР Ф. Колер сообщал в госдепартамент (январь 1949 г.): "Этот план [создания СЭВ. — А. П.] призван переделать их [страны Восточной Европы. — А. П.] возможно скорее (без включения в состав) в точное подобие советских республик, уже входящих в Союз. Это предполагает полную реконструкцию и переориентацию их политической, экономической, военной, социальной и идеологической жизни и институтов вплоть до того, пока они не станут практически во всех отношениях частями Советского Союза, направляемыми из Москвы как и другие его национальные компоненты. Действительное включение останется только технической формальностью, которая реализуется в конечном счете в удобный момент"¹⁹.

Стремясь воспрепятствовать укреплению основ строя в странах Восточной Европы, американские власти использовали контроль над экспортом вместе с тарифной и кредитной дискриминацией для ограничения торговли с социалистическими странами. В этой ситуации по меньшей мере издевательски звучали слова госсекретаря Ачесона: "Мы не считаем народы Восточной Европы ответственными за ухудшение наших отношений с их правительствами.. Эта страна не уменьшит свою заботу об их [народов. — А. П.] правах и благополучии"²⁰.

Для того, чтобы навязать такую же политику своим союзникам, был создан координационный комитет (КОКОМ), в который вошли страны НАТО (кроме Исландии) и Япония.

По-видимому, сами авторы директивы СНБ 58/2 не были вполне удовлетворены ее качеством как руководства к действию для американского внешнеполитического ведомства. Это подтверждает меморандум зам. госсекретаря Дж.Вебба исполнительному секретарю СНБ Дж.Лею всего через полтора месяца после того, как президент подписал директиву. Вебб подчеркнул, что, с его точки зрения, краткосрочная цель реализации директивы — “подорвать отношения Советов с сателлитами”. Определенные надежды на успешное выполнение этой задачи связывалось в меморандуме Вебба (как и в следующем, посвященном “прогрессу в применении СНБ 58/2”, датируемом маем 1950 г.) с “волной чисток [массовых репрессий. — А.П.] против коммунистов и некоммунистов” в странах Восточной Европы, свидетельствовавших, с точки зрения вашингтонских стратегов, о “неуверенности Москвы в определенных группах коммунистических лидеров”. Этим нужно было воспользоваться — “в обстановке подозрений и страха мы сможем психологическими, экономическими и другими [шпионско-диверсионными. — А.П.] средствами углубить трещины, образующиеся в системе советского контроля”. На пропаганду возлагалась задача “способствовать росту смятения, подозрительности и страха в рядах компартий, а также укреплять антикоммунистическое сопротивление в массах населения”²¹. Для реализации вышеуказанных задач в феврале 1950 г. учреждена специальная координационная группа из представителей всех подразделений разведывательного сообщества США (армейской, флотской, авиаразведок; ЦРУ; отдела разведки и исследований госдепа). Особый упор в ее работе делался на поиск средств экономической войны для откола стран Восточной Европы от СССР²².

Одновременно интенсивно проводились консультации с правительствами Великобритании и Франции для подписания “общего соглашения о целях Запада в холодной войне и методах ее ведения”. В апреле—мае в Лондоне встречались представители внешнеполитических ведомств, причем в основу обсуждений был положен американский проект документа FM.DB —22 а “Политика в отношении советских сателлитов в Восточной Европе”. Он с небольшими изменениями одобрен 11 мая 1950 г. на совещании в Лондоне министров иностранных дел как часть трехстороннего документа MIN/TRI/P/4, May 9, в котором, в частности, сформулированы принципы координации акций в Восточной Европе, со специальным акцентом на действия против дипломатических представительств восточноевропейских стран и пропаганду²³.

Содержание директивы 58/2 как определяющей региональное направление политики Вашингтона в полной мере отвечало общим целям США, сформулированным в документе, посвященном долгосрочной внешнеполитической стратегии — широкоизвестной директиве 68.

После того, как она была одобрена президентом Трумэном 30 сентября 1950 г., директива "Цели и программы Соединенных Штатов в сфере национальной безопасности" получила официальный шифр СНБ 68/2. В этом документе центральной задачей США обозначено добиться установления "мира по-американски", что предполагало "фундаментальные изменения в советской системе". Оценивая значение Восточной Европы, авторы директивы на примере одной из стран региона подчеркивали: "Шок, испытанный нами из-за разрушения Чехословакии, был вызван не материальным значением для нас [этой страны— А.П.]. Там советская система бросила нам смертельный вызов"²⁴. Примирение невозможно, поскольку, согласно директиве, речь шла о "системе ценностей, полностью непримиримой с нашей". В терминах идеологического конфликта делался вывод о необходимости уничтожить противоположную систему²⁵.

В директиве подчеркивалось, что "советский монолит сохраняется железным занавесом", а поэтому "отношения Кремля с его сателлитами весьма уязвимы". Ликвидировать этот монолит "продуманным вызовом мощных сил извне" представлялось вашингтонским стратегам вполне разрешимой задачей, поскольку "национализм все еще остается наиболее влиятельной эмоционально-политической силой"²⁶. Расчет авторов директивы строился на том, что большинство населения в странах Восточной Европы настроено резко антисоциалистически, "им ничего терять, кроме советских цепей и они составляют потенциал, который находится на нашей [американской. - А.П.] стороне"²⁷. На таком фундаменте создавалась доктрина "освобождения" народов Восточной Европы.

Развернутая программа того, как "выиграть мир" по-американски включала следующие практические шаги: "... внушить другим народам сознание нашей силы и решимости, вести открытую психологическую войну, рассчитанную вдохновить массовое предательство Советов и ослабить кремлевские планы другими путями; интенсифицировать мероприятия и операции скрытыми [подрывными — А.П.] акциями в сферах экономической войны, политической и психологической войны, имея в виду подстрекать и поддерживать беспорядки и восстания в избранных стратегически важных сателлитах"²⁸. Такие цели американской восточноевропейской политики сформулированы и одобрены на уровне президента в 1950 г. В это время достигается почная взаимосвязка глобальной стратегии Вашингтона с ее региональным восточноевропейским направлением. Это стало возможным, поскольку была выработана комплексная программа действий США в отношении социалистических стран Европы на годы вперед²⁹.

Унификации американских акций в странах Восточной Европы, выработке генеральной линии этой политики на основе обобщения опыта дипломатических миссий США в странах региона послужили проводившиеся на регулярной основе с февраля 1951 г. совещания

руководства госдепа с главами представительств Вашингтона в восточноевропейских столицах. Обычно они проводились в одном из городов Западной Европы. На первом таком совещании в Париже представилась возможность американским дипломатам высказаться по широкому кругу вопросов (о коротко- и долгосрочных тенденциях развития "советского блока", контроле над экспортом, проблемах функционирования посольств и миссий и т.п.) — протоколы составили отчет в 60 стр. Основной вывод, к которому пришли участники Парижской встречи — "консолидация стран советской орбиты успешно продвигается", укрепляется их обороноспособность, вся надежда на освобождение "порабощенных народов" в активизации деятельности НКСР³⁰, за которым стояло ЦРУ.

Как отмечал Г.Розитцкий, "в начале 50-х гг. тайные операции ЦРУ вышли на первый план в усилиях по "сдерживанию" [коммунизма. — А.П.]. В их ходе проникали в ряды врага, изучали его оборону, обращали его эмигрантов против него, направляли подрывную пропаганду против его народов и организовывали вооруженное сопротивление на его территории... это было все, что мог Вашингтон"³¹.

Итак, во главу угла в восточноевропейской политике США (наряду с торгово-экономической войной, в действительности которой в госдепартаменте сразу возникли значительные сомнения)³² ставится шпионско-диверсионная деятельность. Это свидетельствовало о слабости этой политики — вряд ли можно рассчитывать на серьезные результаты, опираясь на такие средства. Официальное их закрепление во внешнеполитическом арсенале Вашингтона прокламировалось широкоизвестной поправкой Керстена к закону "О взаимном обеспечении безопасности", согласно которому США ассигновали 100 млн долл. на формирование "армии освобождения" из числа эмиграции и активизацию акций подполья. Восточноевропейская политика США получила материализованное воплощение, не способное обеспечить цель Вашингтона в регионе — изъятие государств Восточной Европы из сферы советского влияния.

ВЫВОДЫ

1. После окончания второй мировой войны Соединенным Штатам, возглавляемым администрацией Г. Трумэна, пришлось приступить к формированию нового курса в отношении государств Восточной Европы, которые вошли в сферу советского влияния.

Раздел Европы на сферы влияния, как известно, не был договорно оформлен и не признавался ни одной из сторон. Советский Союз, войска которого внесли решающий вклад в освобождение стран Восточной Европы от фашизма, и в дальнейшем оказывал им огромную помощь в восстановлении разрушенного войной хозяйства, налаживании мирной жизни. В то же время странам региона навязывалась сталинская модель социализма. Равноправные отношения с восточноевропейскими государствами только декларировались, их суверенитет постоянно грубо нарушался.

Со своей стороны, Запад, не признавая, на словах восточноевропейский регион сферой советского влияния, на практике во второй половине 40-х гг. в основном принял такое положение вещей. Восточноевропейская политика США, характеризовавшаяся недостатком реализма, избытком антикоммунистической риторики не могла стать продолжением политики сотрудничества с СССР в рамках антигитлеровской коалиции со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не являлась она в сколько-нибудь ощутимой мере и результатом реализации планов, разрабатывавшихся в различных звеньях государственного аппарата для устройства "послевоенного мира". Переход к конфронтации в Восточной Европе не произошел в одночасье: вплоть до окончания 1945 г. в госдепартаменте выдвигались идеи, альтернативные по своему содержанию лобовому антикоммунизму.

Начальный период становления послевоенной восточноевропейской политики США можно обозначить двумя вехами — от "длинной телеграммы" и фултонской речи У. Черчилля до штутгартского выступления Дж. Бирнса и начала реализации основных положений "доктрины Трумэна" (еще до ее публичного провозглашения) — зима 1945—1946 гг. — осень 1946 г.

Наиболее насыщен событиями следующий период — осень 1946 г. — весна 1947 г. — 1948 г. Сталинская модель социализма утвердилась во всех странах Восточной Европы, и США оказались бессильны переломить основные тенденции социально-политического развития региона.

Изучение акций американской дипломатии в данный период показывает: единый курс в отношении этих стран, как результат реализации цельного внешнеполитического замысла Вашингтона, отсутствует. В то же время идет интенсивная отработка методов восточноевропейской политики в широком диапазоне — политических, экономических, пропагандистских и других мер. Возникают элементы планирования политики в отношении отдельных государств Восточной Европы, разрабатывается ее идеологическое обеспечение.

Третий период (завершение формирования восточноевропейской политики США) связан с конфликтом среди европейских социалистических государств, исключением Союза коммунистов Югославии из Коминформа и попыткой Соединенных Штатов использовать ситуацию а) менее благоприятную с точки зрения Вашингтона, поскольку во всех странах региона унифицирована общественно-политическая система; б) открывающую определенные возможности в связи с расколом социалистических стран. Попытка играть активную роль в восточноевропейских делах сделана в ходе осуществления "новой югославской" политики США. В указанный период американское внешнеполитическое ведомство оказалось в состоянии впервые сформулировать цели своей политики в регионе и обозначить средства, которыми США рассчитывают их добиться. Качество сформировавшейся политики Соединенных Штатов относительно государств Восточной Европы приобретает в 1949—1950 гг. В это время создаются и организационные структуры, на которые возлагается реализация восточноевропейского курса, как глобального характера (НАТО, КОКОМ и др.), так и специализированные (НКСЕ, РСЕ и т.п.).

Следует подчеркнуть, что на всех этапах становления восточноевропейской политики США американским дипломатам не хватало трезвого расчета и взвешенной оценки расстановки противоборствующих в странах Восточной Европы политических сил. Это послужило причиной изначальной слабости восточноевропейской политики США, в которой провозглашенные цели никогда не подкреплялись достаточными для их осуществления средствами. Едва успев приобрести стройность и структурную завершенность, хотя бы в глазах ее вашингтонских конструкторов, политика США в отношении Восточной Европы ее же создателями доведена до абсурда "освобождения", несостоятельность которого выявилась в ходе событий в Венгрии в 1956 г.

2. По мере нарастания социально-экономических и политических преобразований в странах Восточной Европы, утверждения нового строя, Соединенные Штаты затягивали петлю экономических санкций, ограничивали экспорт товаров, столь необходимых для развития народного хозяйства, повышения жизненного уровня населения, пострадавшего в годы войны. Динамика экспорта из США в страны региона показывает, что размеры его зависели от темпов общественно-политических и социальных процессов.

Если бы Вашингтон руководствовался не политизированным подходом к торговле, а учитывал нараставшие темпы реконструкции и индустриализации стран Восточной Европы, — экспорт в них из США должен был бы многократно возрасти (уменьшился в 1946—1949 гг. — примерно в 6 раз). В начале 50-х гг., Соединенные Штаты заморозили торгово-экономические отношения с восточноевропейскими странами (за исключением Югославии) и всячески обостряли ситуацию в них, стремились воспрепятствовать росту жизненного уровня населения, чтобы отвратить его от социализма.

3. Естественными союзниками американской дипломатии в странах Восточной Европы в исследуемый период были лидеры некоммунистических партий. Испытывая очевидные классовые симпатии к оппозиционным социализму силам в восточноевропейских государствах, тем не менее, Вашингтон не предоставил им всю возможную помощь. Прагматизм американского внешнеполитического ведомства проявился в том, что содействие оппозиции оказалось избирательно, а масштабы поддержки зачастую были гораздо скромнее запросов тех, кто на нее рассчитывал. Причинами этого, видимо, послужило: а) неверие Вашингтона в способность оппозиции переломить доминанту общественно-политических процессов в регионе; б) стремление Соединенных Штатов добиться целей своей политики не прямыми акциями в отношении каждой страны Восточной Европы, а как результата грядущего разрешения в пользу Запада глобального противоборства с социализмом как мировой общественной системой; в) отсутствие (особенно на начальном этапе формирования восточноевропейской политики США) поддержки целей антикоммунистического курса общественным мнением в США, конгрессом, что затрудняло его финансирование, ограничивало материальные ресурсы; г) неразвитость соответствующей структуры, появившейся с созданием ЦРУ, НКСЕ, РСЕ и пр.

Следует отметить, что Соединенные Штаты не возложили на себя ответственность за исторические судьбы оппозиции в Восточной Европе — это проявилось в полной мере, когда ее представители в массовом порядке эмигрировали на Запад.

В отношениях с послевоенной иммиграцией восточноевропейского происхождения у американских властей, с одной стороны, превалировало желание “поставить ее на место”, с другой — рекрутировать на службу “холодной войне”. Внешнеполитическое ведомство США, отдавая предпочтение эмиграции либеральной ориентации, не отказывалось и от услуг крайне правых. Во второй половине 40-х гг. в Соединенных Штатах формируется структура антикоммунистических эмигрантских организаций, что не привело к прекращению конфликтов в их среде, продолжалась конкуренция за обретение внимания конгресса, госдепартамента и т. д.

4. Страны Восточной Европы дифференцировались с точки зрения их ценности в качестве объектов внешней политики США, причем поря-

док приоритетов изменялся в зависимости от темпов социально-политических преобразований в каждой из них; их военно-стратегической, геополитической и экономической роли в послевоенной Европе. Первоначально центральное место отводилось Польше как крупнейшей из стран региона, в которой сильна антикоммунистическая, религиозная оппозиция. Наряду с Польшей вплоть до февраля 1948 г. стояла Чехословакия. В конце 40-х гг. на первый план вышла Югославия.

По сей день наиболее крупномасштабной попыткой проведения дифференцированного курса в отношении восточноевропейских стран остается "новая югославская" политика Вашингтона. Раскол единства соцлагеря мыслился американскими стратегами как необходимое условие ликвидации советского влияния в регионе, причем ФНРЮ должна была послужить "образцом", "моделью независимости от Москвы", обретенной, благодаря помощи Соединенных Штатов. Важная роль отводилась Югославии с точки зрения изменения в пользу Запада военно-стратегического баланса. Вначале нейтрализация югославской армии, а затем вовлечение Югославии в члены военно-политического блока — для воплощения в жизнь таких целей разрабатывалась и применялась "новая югославская" политика США. "Новая югославская" политика администрации прокладывала себе дорогу в США, преодолевая значительные трудности — сказывались антикоммунистические настроения в стране, непримиримые позиции многих конгрессменов и других политических деятелей. Пытаясь обострить советско-югославский конфликт, придать ему необратимый характер, Вашингтон постоянно подчеркивал нарастание опасности "советской агрессии".

Следует отдать должное югославскому руководству — в полной мере воспользовавшись предоставленной Вашингтоном помощью для решения острейших социально-экономических проблем, оно не "завязло" в сетях, расставленных американской дипломатией. Нежелание Белграда "платить по счетам" отказом от собственного пути развития, как рассчитывали в Вашингтоне, привело к охлаждению в американо-югославских отношениях.

5. Отношения государств, принадлежащих к двум противоположным общественным системам — в том числе Соединенных Штатов и восточноевропейских социалистических стран — в огромной мере зависели от состояния советско-американских отношений. Эти отношения не только требовали реализма от washingtonских стратегов, разрабатывавших те или иные рецепты создания помех деятельности правящих партий в государствах Восточной Европы, но препятствовали реализации таких планов.

В то же время нельзя не видеть — политика США в отношении восточноевропейских социалистических стран в первую очередь рассматривалась американской администрацией как подчиненная задачам политики в отношении СССР. Это вытекало не только из того факта, что антисоветизм (в недавнем прошлом) являлся стержнем внешней политики

США. В силу исторических, геополитических, экономических причин США никогда не рассматривали восточноевропейские страны как достойных партнеров. Неуважение к малым странам — в традициях внешней политики Вашингтона, склонного уважать только силу и считаться лишь с крупными державами.

6. Анализ повседневной практики американских дипломатических представителей в странах Восточной Европы, их взаимодействия с госдепартаментом в исследуемый период позволяет выявить труднообъяснимую, на первый взгляд, закономерность: дипломаты заграничной службы зачастую придерживались гораздо более экстремистских взглядов, чем их руководство в Вашингтоне. Европейское управление, госсекретарь и его окружение зачастую не откликались на просьбы воздержания от позитивных мер (в том числе от дипломатического признания). Без ответа нередко оставались и настойчивые требования с мест безотлагательно предпринять определенные конкретные шаги с целью, например, давления на правительства восточноевропейских стран, помощи оппозиции. При этом какие-либо политико-идеологические расхождения между сотрудниками вашингтонской штаб-квартиры внешнеполитического ведомства США и ее представителями в столицах государств Восточной Европы обнаружить невозможно (во всяком случае, с 1946 г.). Видимо, источник разногласий во взглядах следует искать в другом, а именно — дипломатам в Вашингтоне был в большей мере присущ пессимизм в оценке способности США ликвидировать социалистическую тоталитарную модель в восточноевропейских странах, они менее склонялись к политике "булавочных уколов", льстящих самолюбию авторов, но не приводящих к коренным изменениям основных тенденций развития региона. Эти элементы реализма, во многом представляющие собой наследие рузвельтовской эпохи, напрочь исчезли из политики США относительно Восточной Европы с принятием Вашингтоном курса на "освобождение поработенных народов" в начале 50-х гг., для воплощения в жизнь которого США не располагали соответствующими средствами.

Реакция американской дипломатии на одноплановые события социально-политической жизни государств Восточной Европы не была унифицированной, менялась в зависимости от глобального контекста конфронтации двух мировых систем. Только когда силовая политика стала постепенно уступать место ориентации на международные договоренности, совместимые интересы и цели, сотрудничество и взаимодействие — во второй половине 80-х гг. — в восточноевропейских странах произошли успешные демократические антидоталитарные революции. Это поставило на повестку дня задачу выработки новых основ политики США в данном регионе, принципиально отличных от постулатов "освобождения", о становлении которых идет речь в данной книге.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Орлик И.И. Империалистические державы и Восточная Европа: 1945—1965. — М. : Наука, 1968; Орлик И.И. Политика западных держав в отношении восточноевропейских социалистических государств. — М. : Наука, 1979; Орлик И.И. Политика США в отношении восточноевропейских социалистических государств // Американский экспансионизм. — М. : Наука, 1968. — С. 230—237.
- ² Lundestad G. The American Non-politic, towards Eastern Europe : 1943—1947. — Tromsø : Universitetsforlaget; New York : Humanities press, 1975.
- ³ Davis L. The Cold War begins : Soviet-American conflict over Eastern Europe. — Princeton : Princeton univ. press, 1974; De Santis H. The diplomacy of silence : The American Foreign Service, the Soviet Union, and the Cold War, 1933—1947. — Chicago; London : Univ. of Chicago press, 1980; Yerdin D. Shattered Peace : The Origins of the Cold War and the National Security State. — Boston : Houghton Mifflin, 1977; Boll M. Cold War in the Balkans : American Foreign Policy and the Emergence of Communist Bulgaria, 1943—1947. — Lexington : The Univ. Press of Kentucky, 1984; Wandycz P. The United States and Poland. — Cambridge (Mass.); London : Harvard Univ. Press, 1980; Lukas R. The Strange Allies : The United States and Poland, 1941—1945. — Knoxville : The Univ. of Tennessee press, 1978; Lukas R. Bitter Legacy : Polish-American Relations in the Wake of World War II. — Lexington : The Univ. press of Kentucky, 1982; Max S. The United States, Great Britain and the Sovietization of Hungary, 1945—1948. — Boulder; New York : Columbia Univ. press, 1985; Ullmann W. The United States in Prague, 1945—1948. — Boulder. New York : Columbia Univ. press, 1978 etc.
- ⁴ Foreign Relations of the United States (FRUS). — 1946. — Vol. 6. Eastern Europe. The Soviet Union. — Washington : GPO, 1969. — P. III—IV etc.
- ⁵ FRUS. — 1948. — Vol. 4. — Eastern Europe. The Soviet Union. — Washington : GPO, 1974.
- ⁶ The National Archives of the United States, Record group 59. — (Данее: NA, Rg.).

Глава 1

- ¹ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — М. : Политиздат, 1988. — С. 201.
- ² The New York Times. — 1945. — May 27.
- ³ Alperovitz G. Atomic diplomacy : Hiroshima and Potsdam. The use of the atomic bomb and the american confrontation with soviet power. — Harrisonburg : Sifton, 1985. — P. 62—63.
- ⁴ Memo by Ch.Bohlen of a Meeting at the White House, Apr. 23, 1945. — FRUS : 1945. — Vol. 5. — Washington : GPO, 1967. — P. 253.
- ⁵ Alperovitz G. Atomic diplomacy : Hiroshima and Potsdam. — P. 72.
- ⁶ Grew J. Turbulent era : A diplomatic record of forty years, 1904—1945. — Boston : Houghton Mifflin, 1952. — Vol. 2. — P. 1446.

- 7 История США. — Т. 3. 1918—1945. — М. : Наука, 1985. — С. 336, 337.
- 8 *Notter H.* Postwar Foreign Policy Preparation, 1939—1945. — Washington : GPO, 1949.
- 9 *Davis L.* The Cold War begins. — P. 79—80.
- 10 *Mark E.* Charles Bohlen and the Acceptable Limits of Soviet Hegemony in Eastern Europe : A Memo of 18 Oct. 1945 // *Diplom. History.* — 1979. — N 2. — P. 204.
- 11 *Ibid.*
- 12 *Davis L.* The Cold War begins. — P. 82—83.
- 13 FRUS : 1945. — Washington : GPO, 1968. — Vol. 4. — Notes to P. 143.
- 14 *Kennan G.* Memoirs, 1925—1950. — Boston; Toronto : Little & Brown, 1967. — P. 505—506, 521—522.
- 15 *Max S.* The United States, Great Britain, and the Sovietization of Hungary. — P. 24, 25.
- 16 *Kennan G.* Memoirs, 1925—1950. — P. 532—533.
- 17 *Ibid.*
- 18 *Fleming D.* The Cold War and Its Origins, 1917—1960. Vol. 1. — Garden City . Doubleday, 1961. — P. 259.
- 19 *Kennan G.* Memoirs, 1925—1950. — P. 543.
- 20 *Ibid.* — P. 543—545.
- 21 *Ibid.*
- 22 Possible Resurrection of Communist International, Resumption of Extrem Leftist Activities, Possible Effect on US. — FRUS. — 1945. — The Conference of Berlin. — Washington : GPO, 1960. — Vol. 1. — P. 269.
- 23 *Ibid.* — P. 280.
- 24 Memo by Ch.Bohlen. — FRUS. — 1945. — Vol. 5. — P. 253.
- 25 NA, Rg. 59, F.711.61/10—2445. — Memo on suggested extension of American policy in Eastern Europe.
- 26 *Ibid.*
- 27 *Ibid.*
- 28 NA, Rg. 59, F.FW 711.61/12—1045. — The capabilities and intentions of the Soviet Union as Affected by American Policy.
- 29 *Ibid.* — P. 698—699, 707.
- 30 *Mark E.* Charles Bohlen and the Acceptable Limits of Soviet Hegemony in Eastern Europe. — P. 207—209.
- 31 Department of State Bull. — 1945. — Vol. 13. — P. 709—710.
- 32 Kennan to the Sec. of State. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 706.
- 33 *Ibid.*
- 34 *Ibid.* — P. 705, 709.
- 35 *Bohlen Ch.* Witness to History, 1929—1969. — New York : Norton, 1973. — P. 200.
- 36 *Messer R.* Paths Not Taken : The United States Department of State and Alternatives to Containment, 1945—1946 // *Diplom. History.* — 1977. — N 4. — P. 298.

Глава 2

- 1 President Roosevelt's Address to the Congress Reporting on the Yalta Conference // The Public Papers and Addresses of F.D.Roosevelt, 1944—1945. — New York : Harper, 1950. — P. 573, 581—582.
- 2 *Sharp S.* Poland : White Eagle on a Red Field. — Cambridge (Mass.) : Harvard univ. press, 1953. — P. 300.
- 3 NA, Rg. 59, F.501 BC/1—945. — Durbrow to Matthews.
- 4 *Leahy W.* I Was There. — New York : McGraw Hill, 1950. — P. 315, 316.
- 5 *Truman H.* Memoirs. — Vol. 1 : Year of Decisions. — New York : New American library, 1955. — P. 26.
- 6 Memo by Bohlen. — FRUS. — 1945. — Vol. 5. — Europe. — P. 253.
- 7 *Davis L.* The Cold War Begins. — P. 215.

- ⁴ Ibid. — P. 403.
- ⁵ NA, Rg. 165. — History of the Allied Control Commission, Bulgaria. — P. 2, 20, 63—65, 80.
- ⁶ Черепанов А.И. Бурные годы в Болгарии // Новая и новейшая история. — 1976. — № 6. — С. 114.
- ⁷ Barnes to Byrnes. — FRUS. — 1945. — Vol. 4. — Europe. — Washington : GPO, 1968. — P. 272; Barnes to Byrnes. — FRUS. — 1945. — The Conf. of Berlin. — Vol. 2. — P. 728—732.
- ⁸ Barnes to Grew. — FRUS. — 1945. — The Conf. of Berlin. — Vol. 1. — P. 708, 709; Notes to P. 383.
- ⁹ NA, Rg. 59, F.874.00/7—745. — Barnes to Byrnes.
- ¹⁰ NA, Rg. 59, F.874.00/4—1145. — Barnes to Sec. of State.
- ¹¹ Ibid., F.874.00/8—2045. — Barnes to Sec. of State.
- ¹² The New York Times. — 1945. — Sept. 7; Sept. 10; Nov. 20.
- ¹³ Yergin D. Shattered Peace; The Origins of the Cold War and the National Security State. — Boston : Houghton Mifflin, 1977. — P. 144.
- ¹⁴ Black C. The View from Bulgaria // Witnesses to the Origins of the Cold War. — Seattle; London : Univ. of Washington press, 1982. — P. 82, 83.
- ¹⁵ NA, Rg. 59, F.871.00/1—1146. — Memo by Mr. Ethridge "Summary Report of Soviet Policy in Rumania and Bulgaria".
- ¹⁶ Barnes to Byrnes. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 85, 86.
- ¹⁷ Byrnes to Cohen. — Ibid. — P. 64, 65; Department of State Bull. — 1946. — Vol. 14. — P. 447.
- ¹⁸ NA, Rg. 59, F.874.51/5—1546. — Luthringer to Clayton; Ibid., F.874.51/6—546. — Memo of Conv., Clayton with Stoytcheff.
- ¹⁹ Barnes to Sec. of State. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 166.
- ²⁰ Жигня К.Л. Подготовка и заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией после второй мировой войны. — Кишинев : Штиинца, 1981; Исразлян В.Л. Из истории подготовки мирного договора с Болгарией (1944—1946 гг.) // Из истории международных отношений. — М.: ИМО, 1963. — С.18—62.
- ²¹ NA, Rg. 59, F.874.01/2—1447. — US Policy Considerations with Respect to Bulgaria.
- ²² Ibid., F.874.00/3—2547. — Smith to Sec. of State.
- ²³ Department of State Bull. — 1947. — Vol. 16. — P. 1218.
- ²⁴ Ibid. — P. 1214.
- ²⁵ Minutes of the Sec. of State's Staff Meeting. — FRUS. — 1947. — Vol. 4. — P. 163.
- ²⁶ NA, Rg. 59, F.874.00/9—1747. — Horner to Sec. of State.
- ²⁷ Ibid., F.874.00/8—1847. — Marshall to Representative in Sofia.
- ²⁸ Heath to Sec. of State. — FRUS. — 1948. — Vol. 4. — P. 319.
- ²⁹ NA, Rg. 59, F.711.00/9—148. Draft Policy Statement for Bulgaria.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Department of State Bull. — 1950. — Vol. 22. — P. 353—356.
- ³² Acheson to Legation in Bulgaria. — FRUS. — 1950. — Vol. 4. — P. 511.
- ³³ NA, Rg. 59, F.711.74/2—548. — Blaisdell to Rusk.
- ³⁴ Bulgaria. — FRUS. — Vol. 5. — P. 332, 338—339.
- ³⁵ Языкова А.А. США и Румыния в первые послевоенные годы (о некоторых аспектах американской политики 40-х годов) // Амер. ежегодник, 1980—1981. — С. 9—35.
- ³⁶ NA, Rg. 59, F.711.00/5—2346. — Berry to Sec. of State.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Порубаев А.В. Джентльмены из Фогги Боттом. — С. 11—16.
- ³⁹ NA, Rg. 59, F.711.00/5—2346. — Berry to Sec. of State.
- ⁴⁰ Rumania. — FRUS. — 1947. — Vol. 4. — P. 482, 484.
- ⁴¹ Ibid. — P. 483.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ Ibid.

- 44 Rumania. — FRUS. — 1949. — Vol. 5. — P. 521–535.
 45 Ibid. — P. 521.
 46 Existing East-West Trade Restrictions. — FRUS. — 1949. — Vol. 5. — P. 130–132.
 47 Rumania. — FRUS. — 1949. — Vol. 5. — P. 521.
 48 Ibid. — P. 522.
 49 Ibid. — P. 527–529.
 50 Ibid. — P. 531, 532.
 51 Ibid. — P. 534.
 52 Ibid.
 53 Ibid. — P. 532, 533.
 54 Pigott to Secr. of State. — FRUS. — 1949. — Vol. 5. — P. 535.
 55 Ibid. — P. 536.
 56 Ibid.
 57 NA, Rg. 59, F.711.00/3–2649. — Comment. on Policy Statement on Rumania.
 58 Ibid.
 59 Ibid.
 60 Ibid.
 61 Ibid.
 62 NA, Rg. 59, F.840.51 FC 74/9–1649. — Position to be Taken by the Department Concerning Further Releases of Blocked or Vested Assets of Bulgaria, Hungary in the U.S.
 63 Ibid., F. 864.01/2445. — Kirk to Secr. of State.
 64 Acheson to Schoenfeld. — FRUS. — 1945. — Vol. 4. — P. 819.
 65 Recommended Policy on the Question of Establishing Diplomatic Relations and Concluding Peace Treaties with the Former Axis Satellite States. — FRUS. — The Conference of Berlin. — Vol. 1. — P. 362.
 66 NA, Rg. 59, F.740.00119 Control (Hungary) / 6–2545, 7–645. — Schoenfeld to Secr. of State; Ibid., F. 864.00/7–2445, 2645. — Schoenfeld to Secr. of State.
 67 История венгерской народной демократии, 1944–1975. — Будапешт : Корвина, 1984. — С. 36.
 68 NA, Rg. 59, F.740.00119 Council/9–2645. — Acheson to Byrnes; Ibid., F.711.64/9–2745. — Informal Background on Hungarian Recognition; *Byrnes J. All in One Lifetime*. — New York : Harper, 1958. — P. 319.
 69 *Max S. The United States, Great Britain, and the Sovietization of Hungary, 1945–1948*. — Boulder; New York : Columbia Univ. Press, 1985. — P. 36.
 70 *Mark L. The View from Hungary // Witnesses to the Origins of the Cold War*. — P. 206.
 71 Schoenfeld to Byrnes. — FRUS. — 1945. — Vol. 4. — P. 904.
 72 Byrnes to Harriman. — FRUS. — 1945. — Vol. 4. — P. 888, 889; Schoenfeld to Secr. of State. — Ibid. — P. 881–883; Byrnes to Schoenfeld. — Ibid. — P. 902, 903; Schoenfeld to Secr. of State. — Ibid. — 904, 905; Byrnes to Schoenfeld. — Ibid. — P. 914, 915.
 73 *Woodbridge G. UNRRA: The History of the UN Relief and Rehabilitation Administration*. — New York : Columbia univ. press, 1950. — Vol. 3. — P. 361, 428.
 74 Schoenfeld to American Delegation, Paris. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 283–285.
 75 *Mark L. The View from Hungary*. — P. 208.
 76 Schoenfeld to Secr. of State. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 260.
 77 NA, Rg. 59, F.711.64/5–2846. — Byrnes to Amembassy, Budapest; Ibid. — F 711.64/6–1146. — Hickerson to Byrnes; Ibid. — Matthews to Byrnes; Department of State Bull. — 1946. — Vol. 15. — P. 232.
 78 История венгерской народной демократии, 1944–1975. — С. 58.
 79 Szegedy-Maszak to Matthews. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 342–344; Schoenfeld to Secr. of State. — Ibid. — P. 345–347.
 80 Memo of Concl., by McKisson. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 347–350.
 81 История венгерской народной демократии. — С. 68–69.

- ⁸² NA, Rg. 59, F.864.00/1-1547. — Memo of Conv. with Szegedy-Maszak, by Barbour; Department of State Bull. — 1947. — Vol. 16. — P. 1217.
- ⁸³ Note to P. 291. — FRUS. — 1947. — Vol. 4.
- ⁸⁴ Department of State Bull. — 1947. — Vol. 16. — P. 341, 342, 585; *Campbell G.* The United States in World Affairs, 1945-1947. — New York, London. Harper, 1947. — P. 463-464; The Department of State to the Hungarian Legation. — FRUS. — 1947. — Vol. 4. — P. 282-285.
- ⁸⁵ Schoenfeld to Secr. of State. — Ibid. — P. 288-290.
- ⁸⁶ История венгерской народной демократии. — С. 76.
- ⁸⁷ Harrison to Secr. of State. — FRUS. — 1947. — Vol. 4. — P. 301-303.
- ⁸⁸ NA, Rg. 59, F.864.00/6-547. — Arrangements for Nagy of Hungary to Come to the US, by Matthews; *Ibid.*, F.864.00/6-647. — Marshall to Amlegation, Bern.
- ⁸⁹ Szegedy-Maszak to Secr. of State. — FRUS. — 1947. — Vol. 4. — P. 304-307.
- ⁹⁰ NA, Rg. 59, F.864.00/6-247. — Matthews to Lovett.
- ⁹¹ Memo of Conv. by Barbour. — FRUS. — 1947. — Vol. 4. — P. 312.
- ⁹² *Ibid.* — P. 329.
- ⁹³ Public Papers of the Pres. of the US : TRUMAN. — 1947. — Washington : GPO, 1963. — P. 262-266.
- ⁹⁴ Marshall to Legation in Hungary. — FRUS. — 1947. — Vol. 4. — P. 352; Department of State Bull. — 1947. — Vol. 16. — P. 1166.
- ⁹⁵ *Нежинский Л.Н., Пушкаш А.И.* Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 399, 405-406, 415.
- ⁹⁶ Department of State Bull. — 1947. — Vol. 17. — P. 329.
- ⁹⁷ NA, Rg. 59, F.864.00/10-247. — Armour to Chapin.
- ⁹⁸ Hungary. — FRUS. — 1949. — Vol. 5. — P. 481-482.
- ⁹⁹ NA, Rg. 59, F.864.404/-2-2349. — The Trial of Cardinal Mindszenty.
- ¹⁰⁰ Венгеро-американские отношения, 1918-1960. — Будапешт : Панония, 1961. — С. 47.
- ¹⁰¹ Hungary. — FRUS. — 1949. — Vol. 5. — P. 482.
- ¹⁰² *Max S.* The United States, Great Britain, and the Sovietization of Hungary. — P. 6.

Глава 4

- ¹ *Truman H.* Memoirs. — Vol. 1. — P. 239-244.
- ² *Eisenhower D.* Crusade in Europe. — Garden City : Dolphin, 1961. — P. 442.
- ³ Eisenhower to Bradley. — FRUS. — 1945. — Vol. 4. — P. 437-439.
- ⁴ NA, Rg. 59, F.860 F.00/11-1545. — Memo of Conv. between the Czechoslovak Ambassador with Williamson.
- ⁵ Libr. of Congr. — Steinhardt Papers. — Steinhardt to Allen. — 1945. — Aug. 26.
- ⁶ *Ibid.* — Steinhardt to Riddleberger. — 1945. — Sept. 1.
- ⁷ *Ibid.* — Steinhardt to H.Luce. — 1945. — Sept. 7.
- ⁸ NA, Rg. 59, F.860 F.01/7-2445. — Steinhardt to Secr. of State.
- ⁹ Meeting of the Secr. of State, War and the Navy. — FRUS. — 1945. — Vol. 4. — P. 496, 497; NA, Rg. 59, F.860 F.01/9-745. — Harris to Matthews.
- ¹⁰ Libr. of Congr. — Steinhardt to Van Slyke. — 1945. — Dec. 17.
- ¹¹ NA, Rg. 59, F.711.9/6-2845. — Klieforth to Secr. of State.
- ¹² *Ibid.* — Steinhardt to Secr. of State; *Ibid.*, F.00/8-1145. — Steinhardt to Secr. of State.
- ¹³ Libr. of Congress. — Steinhardt to Murphy. — 1945. — Dec. 7.
- ¹⁴ NA, Rg. 59, F.860 F.00/10-2147. — Murphy to Secr. of State.
- ¹⁵ *Celovsky B.* The Transferred Sudeten-Germans and Their Political Activity // Journ. of Centr. Europ. Affairs. — 1957. — July. — P. 131.
- ¹⁶ Czechoslovakia. — FRUS. — 1949. — Vol. 6. — P. 419.

- 17 NA, Rg. 59, F.61160 F31/9-445. — Steinhardt to Secr. of State, *Ibid.*, F.61160 F/10-545. — Steinhardt to Kelly.
- 18 NA, Rg. 59, F.860 F.60/11-1546. — Steinhardt to Secr. of State; *Libr. of Congr.* — Steinhardt to Riddleberger. — 1945. — Oct. 29.
- 19 Department of State Bull. — 1945. — Vol. 13. — P. 609.
- 20 NA, Rg. 59, F.860 F.51/9-545. — Acheson to Steinhardt.
- 21 NA, Rg. 59, F.611.69 F.31/8-1445. — Memo by Brown, Division of Commercial Policy.
- 22 Steinhardt to Secr. of State. — FRUS. — 1945. — Vol. 4. — P. 551.
- 23 NA, Rg. 59, F.860 F.6363/6-1145. — Klieforth to Secr. of State; *Ibid.*, F.860 F.6363/3-2846. — Acheson to Steinhardt, *Ibid.*, F.860 F.6363/4-146. — Steinhardt to Secr. of State, etc.
- 24 Byrnes to Steinhardt. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 182, 183; Steinhardt to Secr. of State. — *Ibid.* — P. 185-186.
- 25 NA, Rg. 59, F.811.2360 F/2-2346, 2546. — Steinhardt to Secr. of State.
- 26 Byrnes to Steinhardt. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 182, 183; Acheson to Steinhardt. — *Ibid.* — P. 196-197; NA, Rg. 59, F.860 F.51/8-1446. — Williamson to Phelps and Posniak.
- 27 *Ibid.*, F.860 F.00/5-1546. — Steinhardt to Secr. of State.
- 28 *Ibid.*
- 29 Steinhardt to Secr. of State. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 205.
- 30 *Libr. of Congr.* — Williamson to Steinhardt. — 1946. — Jul. 1.
- 31 McCabe to Hurban. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 200-203; Press Release by the Export-Import Bank. — *Ibid.* — P. 203.
- 32 Byrnes to Clayton. — *Ibid.* — P. 216.
- 33 *Ibid.* — Vol. 6. — P. 220.
- 34 Byrnes J. All in One Lifetime. — New York : Harper, 1958. — P. 364.
- 35 Byrnes to Clayton. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 216.
- 36 *Фирлинггер* З. Правда об отношении Чехословакии к "плану Маршалла" // Новая и новейшая история. — 1963. — № 1. — С. 60-63; *Петруф П.* Чехословакия и план Маршалла // Критика буржуазных фальсификаций истории социалистического содружества в Европе. — М. : Наука, 1986. — С. 66-77.
- 37 NA, Rg. 59, F.860 F.00/7-1847. — Steinhardt to Secr. of State.
- 38 Memo of Conv., by Beam. — FRUS. — 1947. — Vol. 4. — P. 243-244.
- 39 NA, Rg. 59, F.860 F.00/5-2746, 2946. — Steinhardt to Secr. of State.
- 40 *Ibid.*, F.860 F.00/11-2447. — Steinhardt to Secr. of State.
- 41 *Ibid.*, F.860 F.00/12-847. — Bruins to Secr. of State.
- 42 *Ibid.*, F.860 F.00/11-2847. — Bruins to Secr. of State.
- 43 *Ibid.*, F.860 F.00/11-2447. — Steinhardt to Secr. of State.
- 44 *Ibid.*, F.860 F.00/11-347. — Steinhardt to Secr. of State.
- 45 *Ibid.*, F.860 F.00/7-2247. — Matthews to Acheson.
- 46 *Libr. of Congr.* — Steinhardt to Williamson. — 1947. — Oct. 29.
- 47 *Ibid.* — Bruins to Steinhardt. — 1948. — Jan. 20.
- 48 *Ibid.* — Steinhardt to Williamson. — 1947. — Oct. 8.
- 49 *Ibid.* — Steinhardt to Vedeler. — 1948. — Jan. 23, Feb. 3.
- 50 Marshall to Embassy in Czechoslovakia. — FRUS. — 1943. — Vol. 4. — P. 735.
- 51 NA, Rg. 59, F.860 F.00/3-1347. — Bruins to Secr. of State; *Ibid.* — F. 860 F.00/6-1047. — Steinhardt to Secr. of State.
- 52 *Парубаев А. В.* Дженгльмены из Фогги Боттом. — С. 124.
- 53 NA, Rg. 62, CIA Inform. Report N11698. — 1948. — Feb. 11.
- 54 *Плевза В.* Современная история Чехословакии. — Братислава : Обзор, 1979. — С. 106-109.
- 55 *Libr. of Congr.* — Steinhardt to Hinkie., 1947., Dec. 18; *Ibid.* — Steinhardt to Williamson, 1948, Jan. 16.
- 56 Steinhardt to Secr. of State. — FRUS. — 1948. — Vol. 4. — P. 749.

- 57 Ibid.
- 58 NA, — Rg. 59, — F. 860 F.00/2—2448. — Memo of Conv. between Berard and Wapler with Thompson, Beam and Vedeler.
- 59 *Тейхман М.* Февраль 1948 г. и сегодня. — Прага : Орбис, 1978. — С. 28, 29.
- 60 NA, Rg. 59, F.860 F.00/3—448. — Steinhardt to Sec. of State.
- 61 Steinhardt to Sec. of State. — FRUS. — 1948. — Vol. 4. — P. 750.
- 62 Ibid. — P. 750—752.
- 63 Memo by Williamson. — FRUS. — 1948. — Vol. 4. — P. 757.
- 64 Steinhardt to Sec. of State. — Ibid. — P. 750.
- 65 NA, Rg. 59, F.860 F.00/2—2148; 2348; 2448. — Steinhardt to Sec. of State.
- 66 Steinhardt to Sec. of State. — FRUS. — 1948. — Vol. 4. — P. 738—740.
- 67 Ibid. — P. 741, 742.
- 68 Ibid.
- 69 Ibid. — P. 752, 753.
- 70 Declaration of the Government of the United States, the United Kingdom and France. — Ibid. — P. 738.
- 71 Department of State Bull. — 1948. — Vol. 18. — P. 304.
- 72 NA, Rg. 59, F.860 F.00/3—1248. — Steinhardt to Sec. of State.
- 73 Public Papers of the Presidents of the US, Truman. — 1948. — P. 182, 183.
- 74 NA, Rg. 59, F.860 F.00/2—2448. — Marshall to Amembassy, London, for Douglas.
- 75 NA, Rg. 59, F.501.BC/2—2648. — Sandifer to Thompson.
- 76 Department of State Bull. — 1948. — Vol. 18. — P. 409, 410.
- 77 Ibid. — P. 409—411.
- 78 NA, Rg. 59, F.501.BC/3—1648. — Marshall to Rusk.
- 79 Ibid., F.501.BC/3—1648. — Marshall for Sebald for Kennan Eyes Only.
- 80 Thorp to USUN. — FRUS. — 1948. — Vol. 4. — P. 745.
- 81 NA, Rg. 59, F.501.BC/4—148. — Marshall to Amembassy, Paris.
- 82 Ibid., F.501.BC/4—248. — Lovett to US UN.
- 83 Ibid., F.501.BC/3—2948. — Lovett to US UN.
- 84 Steinhardt to Sec. of State. — FRUS. — 1948. — Vol. 4. — P. 747—749.
- 85 Ibid. — P. 754, 755.
- 86 *Ullman W.* The United States in Prague, 1945—1948. — Boulder; New York : Columbia Univ. press. — P. 166.
- 87 Libr. Congr. — Steinhardt to Davenport. — 1948. — Oct. 8.
- 88 Ibid. — Steinhardt to Hanak. — 1948. — Aug. 20.

Глава 6

- 1 Department of State Bull. — 1945. — Vol. 13. — P. 1020, 1021.
- 2 Shantz to Sec. of State. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 872.
- 3 Acheson to Patterson. — Ibid. — P. 868.
- 4 Byrnes to Shantz. — Ibid. — P. 898, 899.
- 5 Department of State Bull. — 1946. — Vol. 14. — P. 634, 669—670.
- 6 Patterson to Sec. of State. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 942—943.
- 7 Memo of Conv., by Barbour. — Ibid. — P. 952.
- 8 Acheson to Patterson. — Ibid. — P. 924, 925.
- 9 Department of State Bull. — 1946. — Vol. 15. — P. 415, 416, 501—505; Patterson to Sec. of State. — FRUS. — 1946. — Vol. 6. — P. 955—956; Acheson to Hickok. — Ibid. — P. 977—978; Byrnes to Acheson. — Ibid. — P. 927.
- 10 Department of State Bull. — 1946. — Vol. 15. — P. 637.
- 11 Hickok to Tito. — FRUS. — 1947. — Vol. 4. — P. 747, 748; Amembassy to Yugoslav Ministry of Foreign Affairs. — Ibid. — P. 748; Byrnes to Amembassy. — Ibid. — P. 746, 747; Matthews to Acheson. — Ibid. — P. 751.
- 12 Cabot to Sec. of State. — Ibid. — P. 763, 764.

- 13 Department of State Bull. — 1947. — Vol. 16. — P. 585, 586.
- 14 Public Papers of the Presidents of the US. Truman. — 1947. — Washington : GPO, 1963. — P. 177—179, 239.
- 15 *Byrnes J. Speaking Frankly.* — P. 302.
- 16 NA, Rg. 59, F.711.60H/7—149. — Memo of Conv. of the Secr. of State, Mr. Campbell and Kasanović; *Кирьякидис Г.Д. Гражданская война в Греции, 1946—1949 гг.* — М. : Наука, 1972. — С. 268—272, 328—331.
- 17 Yugoslavia. — FRUS. — 1949. — Vol. 5. — P. 944.
- 18 NA, Rg. 59, F.740.00116 EW/12—2346. — Policies regarding surrender to Yugoslavia via of persons in US Custody accused of War Crimes.
- 19 *Ibid.*, F.700.00116 EW/1—647. — Byrnes to Fahy and Matthews.
- 20 Marshall to the Office of the US Polit. Adviser for Germany, at Berlin. — FRUS — 1947. — Vol. 4. — P. 753.
- 21 Cabot to Secr. of State. — FRUS. — 1947. — Vol. 4. — P. 816—826.
- 22 *Ibid.*
- 23 *Ibid.*
- 24 *Petrovich M. The View from Yugoslavia // Witnesses to the origins of the Cold War.* — P. 42, 47.
- 25 Reams to Secr. of State. — FRUS. — 1948. — Vol. 4. — P. 1075.
- 26 *Stefan Ch. The emergence of the Soviet-Yugoslav break: a personal view from the Belgrade embassy // Dipl. Hist.* — 1982. — N 4. — P. 402.
- 27 *Smith W. My three years in Moscow.* — Philadelphia; and New York : Lippincott, 1960. — P. 203.
- 28 *Stefan Ch. The Emergence of the Soviet-Yugoslav Break.* — P. 403, 404.
- 29 NA, Rg. 59, F.860 H.00/6—3048. — Marshall to all diplomatic mission with request to repeat to Principal consular office under their jurisdiction
- 30 *Ibid.*
- 31 *Ibid.*
- 32 Wisner to Harriman. — FRUS. — 1948. — Vol. 4. — P. 1096.
- 33 Department of State Bull. — 1948. — Vol. 19. — P. 137—140; Memo of Barbour to Lovett. — FRUS. — 1948. — Vol. 4. — P. 1059, 1060.
- 34 Reams to Secr. of State. — *Ibid.* — P. 1091, 1104.
- 35 FRUS. — 1949. — Vol. 5. Ed. Note to P. 868—869; *Lees L. The american decision to assist Tito // Dipl. Hist.* — 1978. — N 4. — P. 416—418.
- 36 US Congr. House. Comm. on Foreign Affairs, Hearings. — H.R. 2362. Extension of European Recovery Act. — Washington : GPO, 1949. — P. 28—30.
- 37 US Congr. Senate Comm. on Foreign Relations, Hearings North Atlantic Treaty. — Washington : GPO, 1949. — P. 204.
- 38 US Congr. House Comm. on Foreign Affairs, Hearings, Mutual Defence Assistance Act. — Washington : GPO, 1949. — P. 95.
- 39 NA, Rg. 59, F.711.60H/7—149. — Acting Director for European Affairs to the Secr. of State.
- 40 Yugoslavia. — FRUS. — 1949. — Vol. 5. — P. 941—944.
- 41 *Ibid.*
- 42 Congress. Record, 81st Congr. 1st Session, 1949. — P. 11789.
- 43 *Ibid.* — P. 11750.
- 44 Financial aid to be given Yugoslavia by the US and UK. — FRUS. — 1949. — Vol. 5. — P. 946.
- 45 Cannon to Secr. of State. — *Ibid.* — P. 859.
- 46 Yugoslav-Moscow Controversy as related to US foreign policy objectives. — *Ibid.* — P. 947.
- 47 Estimate of the Yugoslavia Regime's Ability to Resist Soviet Pressure During 1949 / ORE 44—49. — *Ibid.* — P. 913.
- 48 NA, Rg. 59, F.860 H.00/11—949. — Evaluation of the internal situation in Yugoslavia.

- 49 Department of State Bull. — 1950. — Vol. 22. — P. 3.
 50 Ibid. — P. 63–64.
 51 Memo by the Joint Chief of Staff for the Sec. of Defense. — FRUS. — 1960. — Vol. 4. — Central and Eastern Europe; The Soviet Union. — Washington : GPO, 1980. — P. 1339, 1340.
 52 US policy toward the conflict between the USSR and Yugoslavia. (NSC 18/4). — Ibid. — P. 1343.
 53 Allen to Sec. of State. — Ibid. — P. 1370, 1371.
 54 Memo of Conv., by Campbell. — Ibid. — P. 1375.
 55 Allen to Sec. of State. — Ibid. — P. 1379.
 56 Department of State Bull. — 1950. — Vol. 22. — P. 445.
 57 Ibid. — Vol. 23. — P. 879, 880.
 58 Ibid.
 59 Ibid. — P. 938.
 60 Ibid. — P. 938–940.
 61 US Congr. House. Hearings. Mutual Security Appropriations, 1953. 82nd Congress. 2nd Session. — Washington : GPO, 1952. — P. 199.
 62 Ibid. — P. 241.
 63 Department of State Bull. — 1951. — Vol. 25. — P. 826.
 64 Ibid. — P. 863–864.
 65 US Congr. House. Hearings. Mutual Security Programm Appropriations for 1952. 82nd Congress. 1st Session. — Washington : GPO, 1951. — P. 262.
 66 Department of State Bull. — 1952. — Vol. 26. — P. 380–381.
 67 Congr. Record. 82nd Congr. 2nd Session, 1952. — P. 5815–5817.
 68 Ibid. — 83rd Congr. 1st Session, 1953. — P. 6888.
 69 Department of State Bull. — 1953. — Vol. 29. — P. 588.
 70 Язькова А.А. Политика США в отношении социалистических стран Юго-Восточной Европы в послевоенные годы. Основные аспекты проблемы // Балкан. исслед. — 1984. — Вып. 9. — С. 288.
 71 US Congress. Senate. Hearings. Mutual Security Appropriations. 83rd Congr. 1st Session. — Washington : GPO, 1953. — P. 126.
 72 *Cambell J. Tito's Separate Road : America and Yugoslavia in World Politics.* — New York, Evanston : Harper & Row, 1967. — P. 28.

Глава 6

- 1 *Nagorski Z. Liberation Movements in Exile // Journal of Central European Affairs.* — 1950. — N 2. — P. 142.
 2 *Павеленко М.І. "Біженці" та "переміщені особи" в політиці імперіалістичних держав, 1945–1949 гг.* — К. : Наук думка, 1979. — С. 29, 31.
 3 NA, Rg. 59, F.600.4016 DP/1–2248. — Carusi to Sec. of State.
 4 Ibid., F.800.4016 DP/3.—1648. — Admission of DP to the US.
 5 Ibid., F.864.00/4–648. — Lovett to Amlegation, Budapest.
 6 *Lukas R. Bitter Legacy.* — P. 108.
 7 A Factual Report on the Plight of Displaced Persons in Germany. — Chicago : PAC, 1947. — P. 1, 2.
 8 *Rositzke H. The CIA's Secret Operations : Espionage, Counterespionage, and Covert Action.* — New York : Readers Digest, 1977. — P. 41.
 9 Ibid. — P. 46.
 10 *Dulles A. The Craft of Intelligence.* — New York : Harper, 1963. — P. 234, 236.
 11 NA, Rg. 59, F.800.4016 DP/3–948. — Butler to Wisner.
 12 Ibid., F.800.4016 DP/3–2348. — Henderson to Sec. of State.
 13 Public Papers of the President of the US. Truman, 1948. — Washington : GPO, 1964. — P. 854.

- 14 Ibid. — P. 288.
- 15 Ibid. — P. 383, 384.
- 16 NA, Rg. 59, F.800.4016 DP/8—3148. — Admission of DP to the US.
- 17 Ibid., F.800.4016 DP/1—2248. — Carusi to Secr. of State.
- 18 Ibid.
- 19 Ibid., F. FW 800.4016 DP/4—2249. — Fierst to Campbell.
- 20 Ibid., F.800.4016 DP/1—1648. — Saltzman to Biddle.
- 21 US Foreign Policy and East-West Confrontation. — Washington : GPO, 1980. — P 328.
- 22 *Irons P.* "The Test Is Poland": Polish Americans and the Origins of the Cold War // *Polish-Amer. Stud.* — 1973. — N. 30. — P. 34, 54, 56.
- 23 NA, Rg. 59, F.860 C.00/6—848. — Elbrick to Kennan.
- 24 Ibid.
- 25 Ibid., F.864.00/10—1948. — Memo of Conv. with Balogh, by McKisson.
- 26 Romania. — FRUS. — 1949. — Vol. 5. — P. 535.
- 27 *Nagorski Z.* Liberation Movements in Exile. — P. 139.
- 28 NA, Rg. 59, F.711.00/5—2447. — G.M.Dimitrov to President.
- 29 Ibid., F.864.00/7—347. — Independence Day Declaration of the Free Representatives of Eastern European Nations.
- 30 *Nagorski Z.* Liberation Movements in Exile. — P. 132.
- 31 *Gross F.* Political Emigration from the Iron Curtain Countries // *The Annals of the Amer. Acad. of Polit. and Soc. Sci.* — 1950. — Sept. — P. 179, 181; *Valkeneir E* Eastern European Federation: A Study in the Conflicting National Aims and Plans of the Exile Groups // *Jour. of Central European Affairs.* — 1955. — Jan. — P. 354—370.
- 32 NA, Rg. 59, F.860 H.00/3—249. — Mandich and Badovinac to President.
- 33 Ibid., F.860 H.00/4—2649. — Memo of Conv. of Connelly with Grubasic and Kons-tolich.
- 34 *Nagorski Z.* Liberation Movements in Exile. — P. 141—143.
- 35 NA, Rg. 59, F.840.00/6—1049. — Publ. of Extracts from Proc. of the Conf. of Libe-ral Exiles.
- 36 Ibid., F.871.00/6—149. — Clark to Secr. of State.
- 37 Ibid., F.864.414/5—1248. — Hungarian Secret and Confid. Doc.
- 38 Ibid., F.860 H.00/4—2249. — Bugan, Durcansky to Depart. of State.
- 39 Ibid., F.871.001 MIHA/3—1148. — Memo for the President.
- 40 Ibid., Rg. 59, F.860 F.00/3—2348. — Activities of Dr.Salvic and the Situations of Czechoslovak Refugees.
- 41 Ibid., Rg. 59, F.860 F.00/3—1348. — Erhardt to Secr. of State.
- 42 Ibid., F.860 F.00/3—1348. — Marshall to Anlegation, Vienna.
- 43 Ibid., F.860 F.00/11—1848. — Leadership of Czechoslovak Refugee Movement.
- 44 Ibid., F.860 F.00/10—1148. — Meeting of Prep. Com. of the Council of Free Cze-choslovakia.
- 45 Ibid., F.860 F.00/10—449. — Vedeler to Thompson.
- 46 Ibid., F.860 F.00/10. — Offie to Joyce.
- 47 Ibid., F.860 F.00/3—2448. — Amembassy, Paris to Secr. of State.
- 48 Ibid., F.860 F.00/10—748. — Psychological Warfare in Czechoslovakia
- 49 Steinhardt to Secr. of State. — FRUS. — 1948. — Vol. 4. — P. 752.
- 50 *Dulles J.* War or Peace. — New York : Macmillan, 1950. — P. 249.
- 51 Webb to Certain Diplomatic Offices. — FRUS. — 1949. — Vol. 5. — P. 289.
- 52 *Nagorski Z.* Liberation Movements in Exile. — P. 142.
- 53 News Division Files in Notes to P.290. — FRUS. — 1949. — Vol. 5.
- 54 Webb to Certain Diplomatic Offices. — Ibid. — P. 289—290.
- 55 Ibid. — P. 290.
- 56 NA, Rg. 59, F.103,7/7. — 2649. — Research Work by Refugee Scholars from East-ern Europe.
- 57 *Rositzke H.* The CIA's Secret Operations. — P. 17, 45.
- 58 NA, Rg. 59, F.874.00/3—2449. — Further Views of Dr.Dimitrov upon Potential Acti-vities of the Bulgarian National Committee.

- ⁵⁹ *Ibid.*, F.811.202000(D)/11—2348. — Information Objectives in Bulgaria, Hungary, Rumania and Yugoslavia.
- ⁶⁰ *Ibid.*
- ⁶¹ US Foreign Policy and East-West Confrontation. — P. 329.
- ⁶² Memo of Conv., by C.Pell. — FRUS. — 1950. — Vol. 4. — Central and Eastern Europe; The Soviet Union. — Washington: GPO, 1980. — P. 19—20.
- ⁶³ *Kovrig B.* The Myth of Liberation: East-Central Europe in USA Diplomacy and Politics Since, 1941. — Baltimore: J.Hopkins univ. press, 1973. — P. 95.
- ⁶⁴ NA, Rg. 59, F.874.00/6—2949. — Reaction of Dr.Dimitrov to Recently Established US Committee for Free Europe.
- ⁶⁵ *Kennan G.* Memoirs, 1950—1963. — New York: Pantheon, 1972. — P. 98.

Глава 7

- ¹ *Barnet R.* The Sources of Insecurity: Cold War Fantasies Hold Us in Thrall // World Politics. — 1985/86. — Gilford: Duskin, 1985. — P. 16.
- ² *Seldes G.* The People Don't Know. — New York: Gaer Ass., 1949. — P. 120, 304.
- ³ *Harsch J.* The Curtain Isn't Iron. — Garden City: Doubleday, 1950. — P. 17.
- ⁴ NA, Rg. 59, F.711.00/7—2349. — Jessup to Rusk.
- ⁵ Record of the 36th Meeting. PPS. — FRUS. — 1949. — Vol. 5. — P. 9.
- ⁶ Memo, by V.Joyce. — P. 13.
- ⁷ Conclusion and Recommendations of the London Conference of US Chief of Mission to the Satellite States. — *Ibid.* — P. 29.
- ⁸ US Policy toward the Soviet Satellits States in Eastern Europe. — *Ibid.* — P. 50.
- ⁹ *Ibid.* — P. 53.
- ¹⁰ *Ibid.* — P. 51.
- ¹¹ *Ibid.*
- ¹² *Ibid.*
- ¹³ *Ibid.*
- ¹⁴ *Ibid.* — P. 54.
- ¹⁵ *Ibid.* — P. 52.
- ¹⁶ *Ibid.* — P. 53.
- ¹⁷ *Ibid.*
- ¹⁸ *Ibid.*
- ¹⁹ Kohler to Secr. of State. — FRUS. — 1949. — Vol. 5. — P. 1.
- ²⁰ The New York Times. — 1950. — Feb. 25.
- ²¹ Webb to Lay. — FRUS. — 1950. — Vol. 4. — P. 7, 8, 31—33.
- ²² *Ibid.* — P. 33.
- ²³ Policy toward Soviet Satellites in Eastern Europe. — FRUS. — 1950. — Vol. 4. — P. 14—17, 30, 31.
- ²⁴ United States Objectives and Programms for National Security / Containment: Doc. of American Policy and Strategy. — New York: Columbia univ. press, 1978. — P.389.
- ²⁵ *Ibid.*
- ²⁶ *Ibid.* — P. 396.
- ²⁷ *Ibid.* — P. 404.
- ²⁸ *Ibid.* — P. 436, 436.
- ²⁹ Современная внешняя политика США. — М.: Наука, 1984. — Т. 2. — С. 186.
- ³⁰ Perkins to Acheson. — FRUS. — 1951. — Vol. 4. — Europe: Political and Economic Development. — P. 2. — Washington: GPO, 1985. — P. 1214, 1215.
- ³¹ *Rositzke H.* The CIA's Secret Operations. — P. 155.
- ³² Memo Prepared in the Department of State. — FRUS. — 1950. — Vol. 4. — P. 107—114.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ"	7
Глава 2. АМЕРИКАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПОЛЬШЕ	19
Глава 3. РЕАКЦИЯ США НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН — БЫВШИХ СОЮЗНИЦ ГЕРМАНИИ	37
Глава 4. ДИПЛОМАТИЯ США В ЧЕХОСЛОВАКИИ	58
Глава 5. "НОВАЯ ЮГОСЛАВСКАЯ" ПОЛИТИКА ВАШИНГТОНА	77
Глава 6. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ И ЭМИГРАЦИЯ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	94
Глава 7. СТАНОВЛЕНИЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ США ..	113
ВЫВОДЫ	121
ПРИМЕЧАНИЯ	126

Научное издание

ПОТЕХИН Александр Владимирович

**ДИПЛОМАТИЯ США В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ:
1945—1960 гг.**

Художественный редактор *И. П. Савицкая*
Технический редактор *Т. К. Вапицкая*
Оператор *Т. А. Мотенко*
Корректоры *А. Ф. Коровиченко, Е. И. Мазниченко*

ИБ №

Сдано в набор 12.06.91. Подп. в печ. 26.07.91. Формат 60х84/16. Бум. офс. № 1.
Гарн. Универс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,14. Усл. кр.-отт. 8,37. Уч.-изд. л. 10,07.
Тираж 490 экз. Заказ 1-621. Цена 2 р. 50 к.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 252601 Киев 4,
ул. Репина, 3.
Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Репина, 4.

